

ИСТОРИК

Журнал об актуальном прошлом

№ 01 Январь 2015

РЕВОЛЮЦИЯ ПЯТОГО ГОДА

Кто и зачем раскачал лодку 110 лет назад?

Вы держите в руках журнал о России, о ее актуальном прошлом и непрошедшем настоящем, о людях, делавших и делающих нашу историю.

Часто можно услышать: сколько людей, столько и мнений. Это относится и к истории: каждый видит прошлое сквозь призму собственного опыта, своих знаний и интересов, представлений о добре и зле.

В этом смысле хорошо, что изданий «об истории вообще» на рынке печатной продукции множество: каждый найдет себе по вкусу. Есть среди этих изданий серьезные научные журналы. Есть и «всякие всячины», в которых наукообразно и не очень написано обо всем на свете – порой и не разберешь, для кого придумано все это многообразие. Есть и откровенно дилетантские «веселые картинки», и очевидно развлекательные «пустышки», спекулирующие на жареных фактах и собственных выдумках. Что ж, всякому свое, и пусть расцветают сто цветов.

Впрочем, нация – это совокупность граждан, ощущающих себя частью исторического, аксиологического и географического пространства своей страны. А значит, у каждой состоявшейся нации за мозаикой исторических оценок и мнений по поводу своего прошлого и настоящего незримо проступает нечто, что составляет основу общенациональной памяти.

Прежде всего, это события и люди *sine qua non*, это своего рода «места памяти», без которых нельзя представить историю данного народа. И чем увереннее нация смотрит в свое прошлое, тем ярче и насыщеннее она существует в настоящем, тем энергичнее она устремлена в будущее. Такая уверенность вырабатывается воспитанием, просвещением, заинтересованным размышлением о судьбах страны и ее народа.

Наш журнал – это серьезное чтение для думающих людей, любящих Родину во всем многообразии ее социального опыта – опыта побед и поражений, высочайших взлетов и драматических падений. И поэтому – это разговор о главном, а не досужее развлечение и не поиск «исторических блох».

Мы пишем для тех, кто считает себя патриотом. Для тех, кто испытывает потребность в консервативном знании о прошлом и настоящем. Для тех, кто устал от глумления над историей своей страны, от засевших в общественном сознании и часто привнесенных извне стереотипов и штампов восприятия действительности. Для тех, кто не согласен с попытками интерпретировать историю своей Родины лишь как цепь реализованных негативных альтернатив.

Наш журнал ежемесячный, но мы будем встречаться с вами гораздо чаще: не только на его страницах, не только на сайте и в социальных сетях, но и в жизни. Потому что все, что нас окружает, – это уже часть нашей истории.

Главный редактор журнала «Историк»
ВЛАДИМИР РУДАКОВ

Содержание

ТЕМА НОМЕРА

- 4** **ВСПОЛОХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**
Удивительно точно сказал об этом царский министр юстиции Иван Щегловитов: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпиплетиками революции»...
- 6** **НИКТО НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ**
Первым днем Первой русской революции принято считать 9 января 1905 года – Кровавое воскресенье, как его прозвали современники. Какова была логика поведения властей в охваченном волнениями Петербурге?
- 12** **БУРЕВЕСТКИК ПЯТОГО ГОДА**
Священник Георгий Гапон был тем самым человеком, который вывел рабочих на улицы Петербурга. Чего хотел добиться Гапон и почему его имя стало нарицательным?
- 18** **«РОЗОВЫЕ» ЛИБЕРАЛЫ**
«Либералы начали розоветь», – с радостью писал вождь большевиков Владимир Ульянов (Ленин). Ему было важно использовать радикальную либеральную публику в интересах революции. Однако и сами либералы были не прочь загребать жар руками профессиональных революционеров
- 22** **ТЕРРОР НА СЛУЖБЕ РЕВОЛЮЦИИ**
В 1905 году обыватели впервые столкнулись с массовым террором, на который сделали ставку радикальные сторонники «свободы, равенства и братства»: 9 тыс. человек стали жертвами террористических атак революционеров
- 26** **ЯПОНСКОЕ ЗОЛОТО ДЛЯ РУССКОГО БУНТА**
Борцы с царским режимом были уверены: для революции все средства хороши. В том числе и средства японского правительства

ИСТОЧНИК

30 **ФЕДОР ТЮТЧЕВ. РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ**

«В сегодняшнем обществе нет ни одного желания, ни одной потребности (какой бы искренней и законной она ни была), которую Революция, овладев ею, не исказила бы и не обратила в ложь»

ТОЧКА НА КАРТЕ

34 **ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ**

Первая русская революция не могла не оставить на карте Москвы имен своих наиболее активных деятелей. В столице по-прежнему немало улиц, названных в честь боевиков 1905 года

ПОБЕДЫ И СУДЬБЫ

38 **ПЕРВАЯ ШПАГА ИМПЕРИИ**

Генералиссимус Александр Суворов – один из самых прославленных русских полководцев, оставивший потомкам блистательный список побед и саму науку побеждать

ГОРОДА ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

44 **МАЛ ГОРОДОК, ДА ДОРОГ**

В декабре 1941-го, освобождая Волоколамск, наши солдаты впервые увидели то, что вскоре – по мере продвижения на запад – превратится в страшную обыденность войны, в жуткое олицетворение германского «орднунга»

ПОРТРЕТ

50

ПОБЕДИТЕЛЬ БОНАПАРТА

«Я не примирюсь, покуда хоть один неприятельский воин будет оставаться на нашей земле» – эти слова императора Александра I прозвучали как призыв сражаться до полного разгрома французов

РУССКАЯ МЫСЛЬ

56

ПОБЕДУ РОССИИ НЕСУЩИЙ...

Консерватор, охранитель, реакционер – именно так пытались представить Константина Победоносцева его политические оппоненты. Нелюбовь к нему объединяла и либералов, и большевиков. Почему?

ИСТОРИЯ XX ВЕКА

62

«ДОКТРИНУ ТРУМЭНА НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ»

Ветеран российской международной журналистики Валентин Зорин – о том, когда началась и почему никогда не заканчивалась холодная война, чем мотивированы вольные и невольные противники Кремля и в чем состоит миссия Владимира Путина

МУЗЕЙ

68

ФИГУРНЫЙ ДОМ

Первый в мире музей шахмат появился в Москве, на Гоголевском бульваре, 14. Казалось бы, шахматы – они и есть шахматы: кто бы мог подумать, что маленькие фигурки могут так передавать аромат и колорит эпохи!

СОЦИОЛОГИЯ

76

«КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС – ЭТО ФИКЦИЯ»

Как меняется отношение общества к консерватизму, чем Навальный похож на Ельцина и кто выдумал «креативный класс»? Размышляет директор ВЦИОМ Валерий Федоров

ВЗГЛЯД

80

«КАК Я СТАЛ КОНСЕРВАТОРОМ?»

«Надеясь на задрапированных либералов, власть в решающий момент рискует опереться на пропасть», – считает писатель, главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков

ИСТОРИК

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ:
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ФОНД ИСЭПИ)

Главный редактор:

Владимир Рудаков

Главный художник:

Наталья Ветрова

Выпускающий редактор:

Елена Баканова

Фото-редактор:

Ольга Казакевич

Литературный редактор и корректор:

Ольга Куликова

Над номером работали: Сергей Басов, Владимир Бойко, Михаил Быков, Елена Вильшанская, Всеволод Воронин, Арсений Замостьянов, Михаил Золотарев, Раиса Костомарова, Алексей Лубков, Анастасия Нечаева, Дмитрий Олейников, Владимир Поляков, Дмитрий Павлов

Верстка и допечатная подготовка:

ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»

Журнал отпечатан в типографии

ООО «Богородский Полиграфический Комбинат»
(Московская область, г. Ногинск,
ул. Индустриальная, д. 40 Б)

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции: 115035, Россия, г. Москва,
ул. Пятницкая, д. 18, строение 1

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:

Баррикады в Москве на Малой Бронной. Декабрь 1905
(предоставлено М. Золотаревым)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВСПЛОХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ

РОВНО 110 ЛЕТ НАЗАД – В ЯНВАРЕ 1905 ГОДА – В РОССИИ НАЧАЛАСЬ ПЕРВАЯ В ЕЕ МНОГОВЕКОВОЙ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИЯ. ТАК, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ИМЕНОВАЛИ ЭТИ СОБЫТИЯ ЕЕ УСТРОИТЕЛИ И АДЕПТЫ – ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 ГОДОВ

Первая-то она первая, однако странная какая-то революция...

То ли дело Февральская или Октябрьская! Раз – и нет самодержавия. Два – и нет прежней России. И всего за каких-то несколько дней. А тут два с лишним года «революции» – и ничего особенного. Царь остался прежним. Социально-экономический уклад не поменялся. Даже политический курс в основных своих чертах сохранился.

Да, создали мало на что влияющую Думу. «Декоративную», как окрестил ее Владимир Ульянов (Ленин). Но разве предназначение революций – всего лишь смена декораций?

Надо отдать должное пришедшим через 12 лет к власти большевикам: похоже, даже они не считали Первую русскую полноценной революцией. Ленин неспроста называл ее «репетицией Октября», подчеркивая тем самым не просто «незавершенность и половинчатость», но и неполноценность такой «революции».

Так что же это было?

Точно не революция.

Это была гражданская война. Конечно, не такая тотальная, как полтора десятилетия спустя. Это была локальная, как сейчас бы сказали, «гибридная» гражданская война.

Она вспыхивала то тут, то там, увлекая за собой попеременно столичную профессию, жителей национальных окраин, городской пролетариат, студенчество, крестьянство, только что демобилизовавшихся солдат и несущих службу черноморских и балтийских матросов. Она потому и длилась так долго (с января 1905-го по июнь 1907-го), что это была война. Война тех, кто был против власти, с теми, кто ее защищал. Подданных Российской империи с самой Российской империей.

Почему стала возможной эта первая в XX веке, но далеко не первая в истории России гражданская война?

Можно долго вслед за школьным учебником описывать «объективные» причины тех «революционных» событий. Тут будет и бедственное положение деревни (а на селе в 1905–1907 годах действительно во всех смыслах жгли не по-детски!). И незавершенность модернизационных процессов, выкинувших миллионы людей из привычных социальных ниш и устоявшихся поведенческих рамок. И мировой экономиче-

ский кризис начала века (куда ж без него!), выведший бурно растущую российскую экономику из равновесия и обнаживший многочисленные социальные язвы страны. Наконец, не будем забывать неудачную для России Русско-японскую войну, начавшуюся за год до «революционных» событий и ставшую серьезным общественным раздражителем. И еще много чего.

Конечно, все это сыграло свою роль. Но были и другие обстоятельства, без которых никакой «революции», скорее всего, не произошло бы.

Обстоятельство первое – слабая власть. В самодержавной монархии власть – это прежде всего первое лицо. Николай II. У него было все – армия, полиция, на его стороне был закон и многочисленные лояльные подданные. Ему катастрофически не хватало сущей малости – воли, мужества и последовательности. Он не готов был идти ради достижения цели до конца. Да и цель-то видел весьма абстрактно – как добропорядочный обыватель, как частное лицо, но не как государственный деятель.

О значении этого субъективного фактора говорит то, что, как только воля, мужество и последовательность появились в апартаментах императора в лице премьер-министра Петра Столыпина, «революция» сошла на нет, как вода во время отлива. Когда же Столыпин убили, воля, мужество и последовательность тут же покинули покой Николая, и вновь начался прилив. В итоге власть смыло. Это произошло на станции Дно в памятный день 2 марта 1917 года: презираемый всеми и всеми преданный император всероссийский подписал отречение, а через полтора года принял мученическую смерть, погубив и себя, и тех, кого любил, и страну, которая была ему вручена...

Обстоятельство второе – «прогрессивная» общественность. Интересно, что сама власть наивно полагала: при всех расхождении во взглядах, общественность – это союзник, узкий образованный слой – это и есть ее опора.

Власть заблуждалась: в России никогда еще – ни до, ни после – образованный слой не был так агрессивен настроен по отношению к ней, как в начале XX века. Не думая о возможности разрушения самой властной конструкции, интеллигенция во что бы то ни стало хотела перестроить ее

«под себя»: не укрепляя фундамента, водружить на ветхую конструкцию новое «здание народного представительства» в лице Государственной Думы и ответственного перед ней кабинета.

По мнению этих людей, народ лучше всего представляли бы они сами – присяжные поверенные, университетские профессора, земские деятели. Прогрессивные и опытные, как им самим казалось, политики, знающие, что нужно этому народу и куда вести Россию. Они считали, что заняты важным и относительно безопасным делом улучшения и усовершенствования. Но на самом деле каждый из них по-своему валит конструкцию власти. Борясь с явно несовершенным существующим государством, не готовым меняться под нажимом «общества» и «толпы», они по кирпичику растаскивали фундамент российской государственности. И в конце концов ее разрушили.

Наконец, третье обстоятельство – радикальные активисты. Те, кто просто решил извести «проклятый режим». Радикалы были честны в своих помыслах и преступны в своих деяниях. Они ненавидели эту власть. И поэтому взрывали и расстреливали ее на улицах и площадях. А заодно – агитировали по преимуществу лояльное население к «последнему и решительному бою» со старым миром. Джинн был выпущен из бутылки, и загнать его обратно уже не удалось.

Власть оказалась к этому не способна, а больше справиться с террором и беспределом в стране было некому. Поразительно точно сказал об этом царский министр юстиции Иван Щегловитов: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции»...

Расплата не заставила себя ждать. В конечном счете под обломками стинули все: и «прогрессивные реформаторы» – стихия русской революции поглотила их сразу после 1917-го, и «пламенные революционеры», которые в основной своей массе исчезли позже – в основном 1937-м.

Причина исторического поражения и тех и других очевидна. Они, как выяснилось, органически не были способны к созиданию в рамках действующего государства. Стоит ли удивляться, что возрождающаяся российская государственность в своей новой, советской модификации, быстро распознав это, поспешила избавиться и от тех, и от других.

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ

ПЕРВЫМ ДНЕМ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПРИНЯТО СЧИТАТЬ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА – КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, КАК ЕГО ПРОЗВАЛИ СОВРЕМЕННОКИ. ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИЗОШЛО И КАКОВА БЫЛА ЛОГИКА ПОВЕДЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ОХВАЧЕННОМ ВОЛНЕНИЯМИ ПЕТЕРБУРГЕ?

Что только не писали о причинах Кровавого воскресенья. Революционеры откровенно демонизировали самодержавие, приписывая ему осознанное намерение «в крови потопить» рабочий протест. Либералы представляли самодержавный строй отжившим, а царскую власть – панически боявшейся политических перемен конституционного характера, которые повлекли бы за собой ее ограничение, а в случае отказа от уступок – свержение. По их мнению, власть готова была пойти на кровопролитие ради сохранения своей незыблемости. Монархисты считали трагедию 9 января 1905 года «меньшим из зол», ссылаясь на катастрофические последствия возможного безвластия. Кто же прав?

«НА ТО ВОЛЯ БОЖЬЯ!»

Началу революции предшествовало падение Порт-Артура. Известие о его сдаче было получено царем, когда он возвращался на поезде в Царское Село после поездки по западным губерниям, и произвело на Николая II тяжелое впечатление. Надежд

на военную победу заметно поубавилось. 21 декабря 1904 года император писал в дневнике: «Получил ночью потрясающее известие от Стесселя¹ о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то значит воля Божья!»

В этих словах проступают не только горечь поражения, но и подавленность случившимся, и фатализм, и определенное незнание реального положения дел. Полученное известие оказалось для императора «потрясающим», падение Порт-Артура им «предвиделось», но ему «хотелось верить» в благополучный исход. Подобные суждения заслужили бы похвалу за неравнодушие к происходящему, появившись они в записях обывателя-интеллигента. Но в дневнике главы государства Российско-

¹Стессель А.М. (1848–1915) – генерал русской армии, комендант крепости Порт-Артур во время Русско-японской войны.

Расстрел рабочих в Петербурге стал следствием беспечности власти и происков тех, кто во что бы то ни стало хотел втянуть Россию в революцию

го они не могут не вызывать недоумения в силу их созерцательности...

31 декабря 1904 года Николай II оставался в Царском Селе, ездил «в Софийский собор на панихиду по убитым и погибшим в Порт-Артуре». Встретив новый, 1905 год, 1 января высказал по этому случаю свои благие пожелания: «Да благословит Господь наступивший год, да дарует Он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое и безмолвное житие!» Но ожидание победы после недавней потери Порт-Артура было, похоже, лишь оборотом речи и упованием на чудо, а мечта о тихом и безмолвном житии – благодушной утопией.

ОПАСНОЕ ВОДОСВЯТИЕ

1 января 1905 года в большевистской газете «Вперед» вышла статья Владимира Ульянова (Ленина) «Падение Порт-Артура» с призывом к непримиримой борьбе с царизмом после его «позорного поражения» в Порт-Артуре. Ленин писал: «Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма».

До начала революционных событий оставались считанные дни. Однако ни забастовка, стартовавшая на оборонном Путиловском заводе 3 января, ни ее разрастание в последующие три дня, когда она охватила все стратегически важные предприятия столицы, такие как Обуховский завод, Невский судостроительный, Франко-русский, Механический, Железопрокатный, Вагоностроительный и многие другие, и когда разговорами о стачке лихорадило весь Петербург, не изменили спокойного и размеренного уклада жизни царя.

Первой неприятностью для Николая II в новом году стало происшествие во время церемонии освящения воды на Иордани (вырубленной в виде креста проруби) на Неве, возле Зимнего дворца, в праздник Крещения. В тот же день, 6 (19-го по новому стилю) января, император не преминул дать описание этого события, едва не закончившегося трагически: «Вышли к Иордани в пальто. Во время салюта одно из орудий моей 1-й конной батареи выстрелило картечью с Васильев[ского] остр[ова] и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городской был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито».

Однако Николай II так торопился в Царское Село, что сразу же отменил версию

«ВЫ ХОТИТЕ ОГРАНИЧИТЬ САМОДЕРЖАВИЕ!»

До 7 января столичные власти не вмешивались в ход забастовок, посчитав, что конфликты рабочих с владельцами предприятий будут улажены сами собой. Очевидно, они полагались на обнадеживающие заверения священника, основателя общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» Георгия Гапона, который всячески давал понять, что ситуация находится под контролем. Однако утром 7 января начальник штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа генерал Н.Ф. Мешетич объявил градоначальнику И.А. Фуллому, подпавшему в предшествующие месяцы под влияние Гапона, о намерении царя

ДО 7 ЯНВАРЯ СТОЛИЧНЫЕ ВЛАСТИ

НЕ ВМЕШИВАЛИСЬ в ход забастовок, посчитав, что конфликты рабочих с владельцами предприятий будут улажены сами собой

о покушении, признал выстрел картечью вместо холостого оплошностью и простил виновных. В 4 часа пополудни государь и императрица «уехали в Царское», где «обедали вдвоем и легли спать рано». 7 января, когда стачка в Петербурге уже стала всеобщей, Николай II, судя по его дневнику, не уделил этой угрозе особого внимания и продолжал радоваться «тихой, солнечной» погоде «с чудным инеем на деревьях».

вести в столице военное положение. Фактически власть переходила в руки главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича, отвечавшего за спокойствие в городе лично перед императором, а «главноначальствующим по подавлению беспорядков» был

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

9 января 1905 года
великий князь Влади-
мир Александрович
(1847–1909) возмнил
себя полновластным
военным диктатором

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

7–8 января 1905 года в Петербурге сложилась парадоксальная ситуация. В столице начались массовые волнения, назрел кризис, обсуждалось введение военного положения, а глава государства оставался в своей загородной резиденции и фактически самоустранился от дел. Решать судьбу России пришлось никем не назначенному и не имевшему властных полномочий совещанию высших сановников и представителей генералитета под председательством министра внутренних дел Петра Святополк-Мирского. Последний, надо отметить, после отклонения императором его главной идеи реформ – включения выборных лиц в состав Государственного совета – уже выхлопотал у Николая II согласие на свою отставку, однако та была временно отложена, и Святополк-Мирский, образно говоря, сидел на чемоданах. Координация деятельностью совещания, игравшего такую важную роль, была сосредоточена в руках практически уволившегося министра.

Вечером 7 января 1905 года П.Д. Святополк-Мирский пригласил Н.В. Муравьева, министра финансов В.Н. Коковцова, товарища министра внутренних дел К.Н. Рыдзевского, а также А.А. Лопухина и И.А. Фуллона. Сославшись на тезис рабочей петиции об «ограничении самодержавия», Николай Муравьев назвал Гапона революционером – этим он подразумевал необходимость введения военного положения. Но другие участники совещания не согласились с министром юстиции. Владимир Коковцов посетовал, что введение военного положения обрушит курс русских ценных бумаг на европейских биржах. Была также отвергнута идея арестовать Георгия Гапона, поскольку высокие лица опасались увеличить «недовольство рабочих». Решили подготовить «усиленную» встречу демонстрантам. Поздним вечером того же дня Иван Фуллон с князем Васильчиковым и генералом Мешетичем разработали план совместных действий войск и полиции на воскресенье 9 января. С вечера 7 января Петербург был разбит на восемь секторов, во главе каждого был поставлен командир. В столицу ввели войска.

Вопрос о принятии петиции не рассматривался, хотя для приема прошений на высочайшее имя существовала специальная канцелярия. Наличие в тексте требований, выполнение которых означало бы ликвидацию действующего государственного и общественного строя, заставляло рисковать карьерой любое должностное лицо, которое отважилось бы принять эту петицию.

«БЫЛО МНОГО ДЕЛА»

8 января Николай II все-таки всерьез озаботился вопросом о всеобщей стачке в столице. В дневнике он записал: «Было много дела и докладов... Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны

ПО ОТКРОВЕННОМУ ПРИЗНАНИЮ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, «верным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей»

назначен командир гвардейского корпуса князь С.И. Васильчиков.

Вероятно, распоряжение монарха о передаче власти в столице в руки военных было устным. Не отразив его даже в дневнике, Николай II, по-видимому, не придавал ему значения. Между тем военное положение позволяло войскам силой подавлять массовые выступления.

Георгия Гапона, призывавшего рабочих рассказать «о своих нуждах» царю, вызвали к министру юстиции Н.В. Муравьеву, который был хорошо знаком с ходом составления петиции на высочайшее имя. Теперь, когда министр сравнил ее последний вариант, принесенный мятежным священником, с первоначальным, он воскликнул: «Вы хотите ограничить самодержавие!» Это был поворотный момент. Гапон, долго втиравшийся в доверие к правительству и охранке, вдруг понял, что в одночасье стал не просто чужим, а врагом. Он смутился и

униженно просил Николая Муравьева не допустить, «чтобы шествие закончилось трагедией».

Директор департамента полиции А.А. Лопухин, покровительствовавший отцу Георгию, также был встревожен радикализацией рабочего движения в столице, считая недопустимым требование петиции об «ограничении самодержавия». «Всякие демонстративные сборища», с его точки зрения, подлежали разгону военной силой.

Но, утратив доверие властей, Георгий Гапон в то же время превратился в кумира рабочих масс и в считанные часы вновь осмелел. 7 января он был вызван и к епархиальному начальству, но не явился, а вместо этого стал добиваться разговора с министром внутренних дел. В письме к министру он дерзко требовал, чтобы царь вышел «с мужественным сердцем к своему народу» для принятия петиции. П.Д. Святополк-Мирский не пожелал общаться с Гапоном.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай II и Александра Федоровна со свитой и священниками направляются на молебен в церковь 148-го пехотного Каспийского великой княжны Анастасии Николаевны полка по случаю его отправки на фронт в Маньчжурию. Петергоф. 1905

войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120.000 ч[еловек]. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приехал вечером для доклада о принятых мерах». Начавшееся выступление рабочих стало для царя полной неожиданностью, а о «священнике-социалисте» император явно слышал впервые. О прежнем сотрудничестве «какого-то» Гапона с властями и охранкой он, разумеется, ничего не знал и самой личностью мятежного попа не интересовался.

Утром 8 января Петр Святополк-Мирский приехал в Царское Село и без труда получил от монарха согласие не вводить в столице военное положение. Отменяя свое приказание, Николай II, как заметил министр, был «совершенно беззаботен». Легко отбросив собственное недавнее решение, государь вновь отдал инициативу без пяти минут бывшему министру внутренних дел и руководимому им совещанию.

Вечером 8 января Святополк-Мирский собрал совещание в расширенном составе, пополнив его товарищем министра внутренних дел П.Н. Дурново, товарищем министра финансов В.И. Тимирязевым и генералом Н.Ф. Мешетичем. Сведения о том совете чрезвычайно от-

рывочны и противоречивы. По некоторым данным, Петр Святополк-Мирский, верный своему либерализму, предложил допустить рабочих на Дворцовую площадь при условии избрания ими депутации. Но против этого резко выступил Николай Муравьев. Он вновь назвал Гапона революционером и социалистом и требовал его ареста. Владимир Коковцов поддержал Муравьева. Иван Фуллон отказался арестовывать организатора шествия, но возражал и против допуска рабочих на Дворцовую, что могло, предупреждал он, привести к новой Ходынке.

Было решено выставить военные кордоны, которые преграждали бы демонстрантам путь к центру города, и разместить часть войск на Дворцовой площади на случай прорыва толпы. При этом многие из собравшихся, по-видимому, искренне верили, что дело не дойдет до кровопролития. Тактика действий войск на совещании почти не затрагивалась.

Один только Петр Дурново обронил мысль, что толпу можно запросто ра-

зогнать с помощью нагаек. Но эту идею пропустили мимо ушей. Другие сановники и генералы, возможно, рассчитывали, что рабочие, увидев перед собой цепь солдат, молча разойдутся.

Поздно вечером 8 января министр внутренних дел вновь прибыл в Царское Село и доложил монарху «о принятых мерах». Ключевой вопрос об аресте «какого-то священника Гапона» Николаем II не поднимался, а сам Святополк-Мирский колебался. По его приказанию Георгия Гапона должны были арестовать в ночь на 9 января, но подчиненные министра отказались выполнить его волю ввиду опасности потерь среди полицейских.

ЧТО ПОЧИТАТЬ?

Ганелин Р.Ш.
Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991

Дневники императора Николая II. М., 1992

Первая революция в России: взгляд через столетие / Под ред. А.П. Корелина, С.В. Тютюкина. М., 2005

«ВОЙСКА ДОЛЖНЫ БЫЛИ СТРЕЛЯТЬ»

Итогом царского благодушия и беспечности стала катастрофа 9 января 1905 года. О ней Николай II узнал, по-прежнему пребывав в Царском Селе. События в столице ужаснули монарха, оказавшегося в странной роли стороннего наблюдателя. 9 января император

писал: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»

Расплывчатая фраза Николая II «войска должны были стрелять» не объясняет, кто именно отдал приказ открыть огонь по демонстрантам. Но с большой долей уверенности можно считать, что это был не царь. Во всяком случае, Петр Святополк-Мирский не получал от монарха подобных распоряжений. Вечером 9 января, собрав у себя очередное «частное» совещание, он и задал Ивану Фуллому вопрос, достоверного ответа на который мы не знаем и 110 лет спустя: кто приказал стрелять?

Взволнованный градоначальник поспешил снять с себя ответственность, возложив ее на военных, в руки которых перешла вся реальная власть в столице, и сразу же подал прошение об отставке (примеру Фуллона вскоре последовал и Святополк-Мирский, его отставка была принята 18 января). Петр Дурново назвал ошибкой вызов

естественное следствие вызова войск. Ведь не для парада же их вызывали!»

Чтобы это сомнительное пояснение не выглядело как оправдание хладнокровного расстрела множества мирных и безоружных людей, Николай Мешетич уточнил: «Если толпа, несмотря на неоднократные предупреждения, не желает расходиться, а нападает на войска, даются определенные сигналы, а затем стреляют...» Иными словами, рабочие шествия были обречены на жестокую расправу при первой же попытке прорваться через военные кордоны в центр города.

ВОЕННЫЙ ДИКТАТОР

Участники совещаний во главе с министром внутренних дел, сами не принимавшие решения о стрельбе по демонстрантам, были поставлены перед свершившимся фактом. А причина трагического недоразумения была нелепа, но невероятно проста. За рамками этих «частных» совещаний случайно оказался... главный военачальник столицы – великий князь Владимир Алек-

сандрович. Человек очень образованный и способный, но одновременно высокомерный, бестактный и грубый, он пренебрегал общением с министрами, чиновниками и полицейскими начальниками, считая их ниже своего уровня.

Приняв по приказанию царя «заботу о поддержании общественного порядка» в Петербурге, Владимир Александрович возомнил себя полновластным военным диктатором. Он говорил, что, как знаток Французской революции, «не допустит никаких безумных послаблений». По открытому признанию великого князя, «вер-

ПАРТИЯ ВИТТЕ

ным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей». Надо полагать, заявление генерала Николая Мешетича, который присутствовал на совещаниях у министра внутренних дел вместо своего непосредственного начальника – великого князя Владимира Александровича, вполне отражало позицию командующего Санкт-Петербургским военным округом. Кроме того, объявляя себя противником «безумных послаблений», великий князь явно имел в виду либеральные замыслы Петра Святополк-Мирского – политику «доверия к общественным силам». Расстрел демонстрации 9 января поставил крест на дальнейшей политической карьере министра-конституционалиста.

Но настоящим победителем в придворной игре после событий Кровавого воскресенья стал прагматичный и очень амбициозный С.Ю. Витте. В 1903 году, после 11 лет, проведенных на посту министра финансов, он вступил в должность председателя Комитета министров – высшего административного органа Российской империи, не обладавшего, правда, никакими властными полномочиями, но зато имевшего громкое название, наподобие европейских «кабинетов». По завещанной в верхах традиции, эта должность представлялась всего лишь почетным местом для самых заслуженных сановников, завершавших государственную службу. Сергей Витте желал быть исключением из правил, мечтал о роли премьера, однако буквально накануне трагедии 9 января пережил неприятное унижение, целиком связанное с его синекурой.

8 января Николай Муравьев в конце разговора с Сергеем Витте сказал: «Сегодня вечером увидимся». Витте поинтересовался: «Где?» – и услышал в ответ: «У Мирского, там будет совещание о том, как поступить завтра с рабочими, кото-

РАСПЛЫВЧАТАЯ ФРАЗА НИКОЛАЯ II «ВОЙСКА ДОЛЖНЫ БЫЛИ СТРЕЛЯТЬ» НЕ ОБЪЯСНЯЕТ, КТО ИМЕННО ОТДАЛ ПРИКАЗ ОТКРЫТЬ ОГОНЬ ПО ДЕМОНСТРАНТАМ. НО С БОЛЬШОЙ ДОЛЕЙ УВЕРЕННОСТИ МОЖНО СЧИТАТЬ, ЧТО ЭТО БЫЛ НЕ ЦАРЬ

пехотных частей, так как при столкновении с безоружной толпой «можно было обойтись нагайками» или рассеять ее «кавалерией».

Впрочем, затем удалось пролить свет на таинственный вопрос о виновнике кровопролития. Начальник штаба гвардии и Санкт-Петербургского военного округа Мешетич резко заявил участникам совещания, что войска и оружие были подобраны со всей тщательностью, что диспозицию составлял он лично и что огонь был открыт как нечто само собой разумеющееся. «Что же касается стрельбы, – сказал он, – то это

сандрович. Человек очень образованный и способный, но одновременно высокомерный, бестактный и грубый, он пренебрегал общением с министрами, чиновниками и полицейскими начальниками, считая их ниже своего уровня.

Приняв по приказанию царя «заботу о поддержании общественного порядка» в Петербурге, Владимир Александрович возомнил себя полновластным военным диктатором. Он говорил, что, как знаток Французской революции, «не допустит никаких безумных послаблений». По открытому признанию великого князя, «вер-

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

9 января 1905 г.

Кровавое воскресенье, начало революции

4 февраля 1905 г.

Убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича

14 июня 1905 г.

Восстание на броненосце «Потемкин»

23 августа 1905 г.

Заключение Портсмутского мирного договора с Японией: Россия проиграла войну

13 октября 1905 г.

Октябрьская всероссийская политическая стачка

рые под предводительством Гапона решили явиться на Дворцовую площадь и просить Государя принять от них петицию». Председатель Комитета министров недоумевал: «Я никакого приглашения не получил». Но Муравьев настаивал: «Наверное, получите. Я в особенности указывал Мирскому на необходимость вас пригласить, так как вы близко знаете рабочий вопрос, всю жизнь имея с ним соприкосновение». После этого объяснения Сергею Витте было вдвойне обидно так и не дожидаться «никакого приглашения». Как потом стало известно, специально «просил Мирского не приглашать» его, как защитника «интересов рабочих», тогдашний министр финансов Коковцов.

Но вечером того же дня именно к Витте, не застав Святополк-Мирского, отправилась депутация столичной демократической интеллигенции: литераторы М. Горький, Н.Ф. Анненский и К.К. Арсеньев, редактор журнала «Право» И.В. Гессен, адвокат Е.И. Кедрин, публицист А.В. Пешехонов, историки Н.И. Кареев, В.И. Семевский и В.А. Мякотин. Все они призвали Сергея Витте, «чтобы избежать великого несчастья, принять меры, чтобы Государь явился к рабочим и принял их петицию, иначе произойдут кровопролития».

Чиновник, волей случая оказавший не в курсе высоких решений по поводу событий в Петербурге, отвечал: «Дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в него не могу; кроме того, оно до меня, как председателя Комитета министров, совсем не относится». Гости, конечно, остались недовольны «формальными доводами» уклонившегося от прямых ответов вельможи. Сразу после их ухода Витте «по телефону передал Мирскому об этом инциденте».

Но в итоге-то Сергей Витте, оскорбительным образом не допущенный на совещание к министру внутренних дел, был чудом избавлен от ответственности за

Сергей Витте (1849–1915) смело формировал собственный образ дальновидного и пророзорливого политика

Графъ С. Ю. Витте.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТОВАРЕВЫМ

генерал-адъютантов царя. Обвиненный журналом либеральной оппозиции «Освобождение», что «умыл руки» перед Кровавым воскресеньем, Сергей Витте, беседуя частным образом с представителями общественности и молодежи, объяснял свой поступок невозможностью ехать ночью в Царское Село, чтобы разбудить государя и «поставить себя в фальшивое положение», если бы «решили ничего не делать». Он жаловался на свое бесправное положение в Комитете министров, сравнивая этот рутинный орган с тюрьмой.

Сергей Витте смело формировал собственный образ дальновидного и пророзорливого политика и даже перестал скрывать свои премьерские амбиции. Николай II, надо сказать, неохотно уступал напору ловкого царедворца. Но портсмутский триумф Витте в августе 1905-го – подписание более-менее сносного мира с Японией, положившего конец неудачной войне, а также новый подъем революции и кризис власти осенью того же года, временным выходом из которого стал написанный Витте Манифест 17 октября, вынудили императора поставить его во главе правительства как первого в истории России премьер-министра.

Что ж, получается, события Кровавого воскресенья, ставшие возможными из-за беспечности и бездействия верховной власти и сопровождавшиеся придворными интригами и подковерными схватками разных вельмож, оказались просто разменной монетой в жестокой политической войне, которую вели против исторической русской государственности революционные и либерально-оппозиционные силы. По официальным данным, в этот день было убито более 100 и ранено более 300 человек. По неофициальным, погибло более 1,2 тыс., было ранено – свыше 5 тыс...

Всеволод Воронин,
доктор исторических наук

страшное кровопролитие! Наступил его звездный час. Витте критиковал верховную власть за отсутствие единства в управлении страной и осуждал расстрел рабочих, который способствовал разжиганию «еще большего возмущения народа».

Своим коллегам он заявлял, что «стрелять совсем не нужно было», а во французскую печать анонимно (от имени некоего «бывшего министра») вбросил рассуждения о том, как рабочих Петербурга «дико, нелепо» расстреляли вместо принятия их петиции кем-нибудь из

17
октября
1905 г.

Обнародование Манифеста об учреждении Государственной Думы

7–19
декабря
1905 г.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве

27
апреля –
9 июля
1906 г.

Заседания Первой Государственной Думы

9
июля
1906 г.

Назначение премьер-министром России П.А. Столыпина

20
февраля –
3 июня
1907 г.

Заседания Второй Государственной Думы

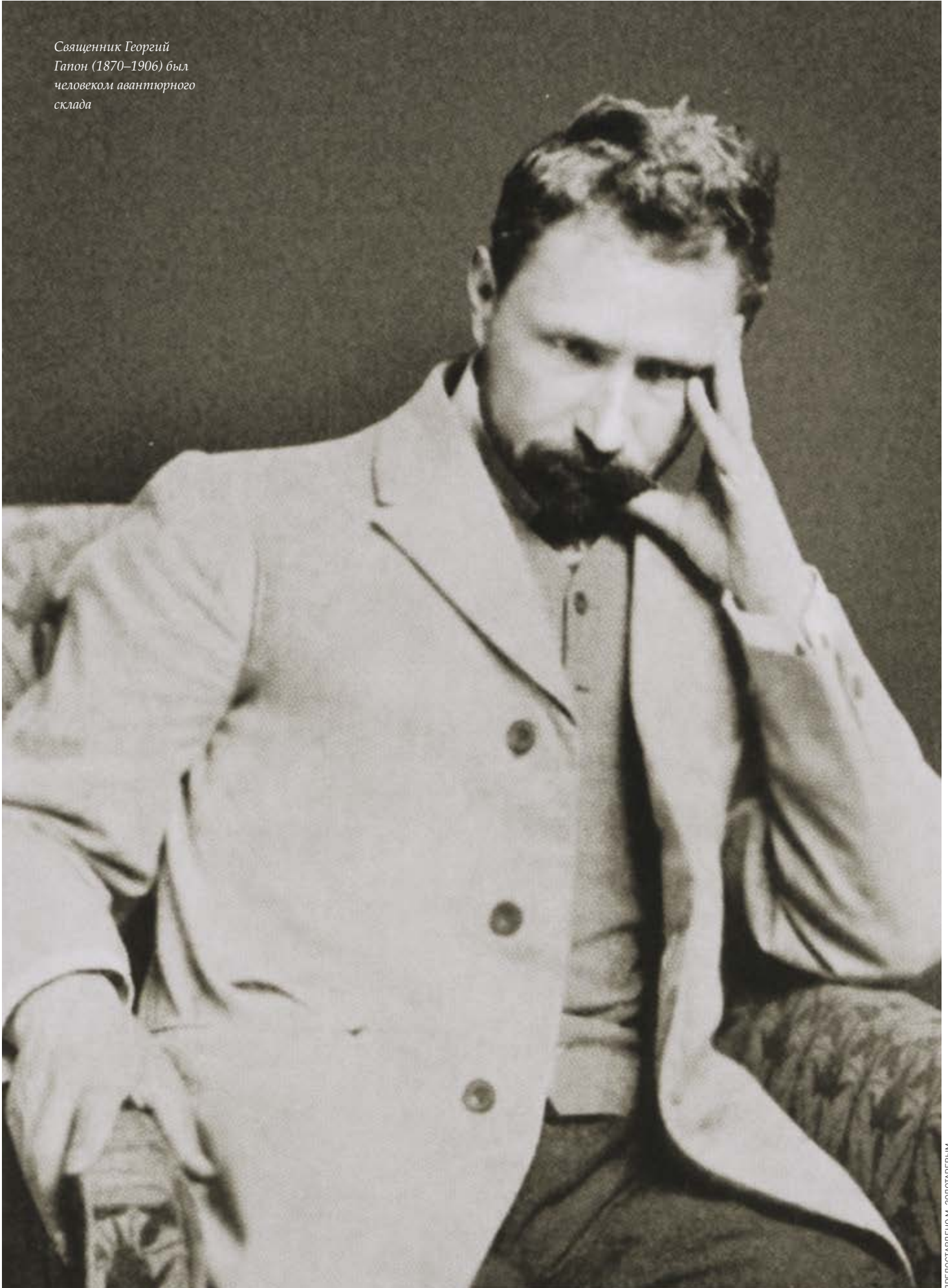

3
июня
1907 г.

Роспуск Государственной Думы, изменение избирательного закона, конец революции

ТЕМА НОМЕРА

Священник Георгий Гапон (1870–1906) был человеком авантюрного склада

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

БУРЕВЕСТНИК ПЯТОГО ГОДА

**СВЯЩЕННИК ГЕОРГИЙ ГАПОН
БЫЛ ТЕМ САМЫМ ЧЕЛОВЕКОМ,
КОТОРЫЙ ВЫВЕЛ РАБОЧИХ НА УЛИЦЫ
ПЕТЕРБУРГА 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.
ЧЕГО ХОТЕЛ ДОБИТЬСЯ ГАПОН И ПОЧЕМУ
ЕГО ИМЯ СТАЛО НАРИЦАТЕЛЬНЫМ?**

Кто был вождем Первой русской революции? Ответ на этот вопрос не нашли даже сами революционеры. Не случайно в СССР почти не было памятников лидерам революционного движения 1905–1907 годов. Как правило, монументы ставились безымянным баррикадным бойцам, группам восставших масс. Главный образ – стихия мятежа.

Единого управленческого центра у Первой русской революции действительно не существовало. Но был один человек, которого смело можно назвать бунтовщиком той революции. Георгий Аполлонович Гапон – именно он положил начало открытому противостоянию.

Гапон был необыкновенно популярен. Если бы в те времена пресса выбирала Человека года, в 1905-м и 1906-м он точно стал бы главным кандидатом на победу в данной номинации.

ИУДА ИЛИ БУРЕВЕСТНИК?

Впрочем, в советские «святцы» этот человек вошел как падший ангел, безусловно отрицательный персонаж, Иуда и провокатор. В одном из историко-революционных фильмов роль Гапона впечатляюще сыграл Николай Караченцов. Заглянем в рецензию 1982 года: «Актер в считанные минуты экранного времени сумел обнажить парадоксы предательской психологии». Имя священника, организовавшего шествие рабочих к царю, стало синонимом предательства, кровавой провокации. «Поп Гапон!» – ругательство, да и только. Правда, такую репутацию Георгий Гапон заработал лишь через десятилетия после гибели, а в 1905-м все было иначе...

«Никогда и никто... на моих глазах не овладевал так слушателями, как Гапон,

и не на рабочей сходке, где говорить несравненно легче, а в маленькой комнате на немногочисленном совещании, произнося речь, состоящую почти только из одних угроз. У него был истинный ораторский талант, и, слушая его исполненные гнева слова, я понял, чем этот человек завоевал и подчинил себе массы», – писал

рым Гапон встретился в Женеве 17 марта 1905 года, таким запомнил своего собеседника: «Человек он, несомненно, наблюдательный, умеет узнавать людей и знает психологию массы. Кроме того, он хитер, себе на уме и прошел школу дипломатического искусства (правда, довольно элементарного...). Человек он очень неинтеллигентный, невежественный, совершенно не разбирающийся в вопросах партийной жизни. Говорит с сильным малорусским акцентом и плохо излагает свои мысли, испытывает большие затруднения при столкновении с иностранными словами (например, «Амстердам» произносит так: «Амстедерам»...!»).

Впрочем, выступая перед рабочими, Георгий Гапон брал не интеллектом, а как раз эмоциональностью и талантом импровизатора.

Революционный проповедник стал востребованной фигурой. Он обладал гип-

9 января 1905 года вошло в историю как Кровавое воскресенье

один из руководителей Боевой организации Борис Савинков, не самый восторженный человек на свете. Тогда он завидовал Гапону. Да и не только он.

Между тем придирчивые современники об интеллектуальных способностях Гапона отзывались скептически. Один из членов заграничного комитета Бунда, с кото-

ротической властью над доверчивой паствой. Честолюбец, он подстраивался под запросы общества, пытался оказаться на гребне волны – и оседлал птицу-славу. Его поклонники видели перед собой учителя и собеседника, уверенного в своей правоте. Правдолюбца, едва ли не чудотворца. Сила убеждения ему досталась неукроти-

Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917), полицейский чиновник, начальник Московского охранного отделения (1896–1902); начальник Особого отдела Департамента полиции (1902–1903), деятель политического сыска, надворный советник

мая. Как златоуст, он держал в руках аудиторию, заражал своими идеями.

РОВЕСНИК ЛЕНИНА

Гапон – ровесник Владимира Ульянова (Ленина). Он родился в селе Бильки Полтавской губернии в 1870 году. Его отец, потомственный крестьянин, служил волостным писарем.

Крестьянский сын окончил училище, а затем и Полтавскую духовную семинарию. Был одним из первых учеников – не больше, но и не меньше. Не избежал скандалов. Добиваясь хороших оценок по догматическому и нравственному богословию, заявил преподавателю: «Если вы мне не выставите «четыре» и я не попаду в первый разряд, то погублю и себя, и вас». Эта дерзость семинариста надолго запомнилась педагогам. Хотя в семинариях вообще царил нервная обстановка, будущих батюшек доводили до изнеможения, и нервные срывы случались нередко.

Гапон еще в училище увлекся толстовством. Один из преподавателей, И.М. Трегубов, познакомил его с запрещенными произведениями графа. Христианство по Толстому вдохновляло тех, кто разочаровался в «казенном» православии. Казалось, вот она, истина – настоящая, евангельская, а не инквизиторская. Иван Трегубов надеялся, что его ученики станут священниками и понесут в народ очищенное Толстым христианство.

Однако долго «вести двойную бухгалтерию» Трегубов не сумел: в 1888-м он решил на открытый разрыв с православием. В его фантазиях возникла эффектная мистерия: народ должен прийти на берега Днепра и, как от идолов, отречься от церковных святынь. Вскоре «свободный христианин» оказался в эмиграции.

Когда Георгия Гапона догонит мировая слава, Иван Трегубов опубликует в парижском журнале либеральной оппозиции «Освобождение» свои страстные заметки о знаменитом ученике: «За последнее время я не имел о нем сведений, но организованная им на религиозной почве мирная, безоружная стачка петербургских рабочих показала мне, что он остался верен тем идеям, которые сроднили нас

15 лет тому назад и которые, как я знаю по своему личному опыту, с необыкновенной жадностью воспринимаются русским народом. Русское правительство поспешило удалить меня за пропаганду в ссылку, а теперь, вероятно, оно пошлет туда же, если не на тот свет, и Гапона. Но да будет известно этому дикому, отжившему свой век правительству, что, кроме Гапона, в России есть и другие подданные ему священники и не священники и что рано или поздно при их помощи наконец организуется такая всеобщая стачка, которая и сметет с лица земли никому не нужный, кроме горстки негодяев, остаток варварства – самодержавие. А ты, дорогой друг Гапон, знай, что твое дело вызвало во всем мире всеобщий восторг и любовь к тебе у всех тех, которые, подобно тебе, хотят освободить рабочий народ от всех его угнетателей, и помни, что твое дело не умрет».

ОТЕЦ ГАПОН

Георгий Гапон тоже подумывал порвать с Церковью, но в 1896 году был рукоположен в священники. Считается, что на это он пошел под влиянием молодой жены – купеческой дочки. По решению епископа Полтавского Илариона, покровительствовавшего Гапону, отец Георгий начал служение в бесприходной церкви Всех Святых при городском кладбище в Полтаве. Храм не пустовал. На проповеди молодого священника приходили сотни людей. Казалось, он рождает образы прямо на глазах паствы. Это притягивало. К тому же

Гапон демонстрировал бескорыстие. Он бесплатно совершал требы для голодранцев и горемык. Отзывчивая душа, настоящий служитель Христов...

Новый век застал Гапона в столице. Он проповедует Христа в рабочей среде, участвует в благотворительных миссиях, помогает беднякам. Первое его начинание называлось цветисто – «Общество ревнителей разумного христианского проведения праздничных дней».

К тому времени семинаристы уходили в революцию уже практически столетия. Кого-то разочаровывал церковный бюрократизм, других подкупало обаяние материалистической философии. Гапон отличался от тех, кто покидал церковные стены, увлекшись трудами материалистов. Откровенных антихристианских мотивов у него не было. В глазах поклонников он оставался батюшкой – и сознательно использовал этот ореол. Другое дело, что охранительно-монархический дух Церкви Гапону был чужд, и он от него дистанцировался. Его привлекали идеи христианского социализма. Его паствой стали рабочие.

Пролетарское сообщество – это большие коллективы, где легко вести пропаганду. С небольшими консервативными сельскими общинами их не сравнить. Для проповедника, пропагандиста и агитатора рабочая среда как золотые копи. «Рабочий класс – коллектив такой мощности, каким в качестве боевого средства революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в моменты массовых студенческих выступлений», – писал прозорливый начальник Особого отдела Департамента полиции С.В. Зубатов.

В чиновничьем кругу той поры Сергей Зубатов был звездой первой величины и, как положено ярким личностям, знал взлеты и падения. Его путь чем-то схож с гапоновским. С гимназических лет он увлекался неблагонадежными авторами: взалхлеб читал Чернышевского, Дарвина,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кожаный бумажник и ключ от несгораемого ящика Гапона

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Священник Георгий Гапон и градоначальник Санкт-Петербурга Иван Фуллон среди рабочих

Маркса. Дружил с народовольцами, поддавался их влиянию, сам агитировал молодых товарищей. А потом – выбрал судьбу секретного сотрудника сысского отделения и принялся вживаться в революционную среду уже с особым заданием. Именно он подал идею образования легальных рабочих профсоюзов, которые находились бы под опекой полиции. Пожалуй, это была наиболее эффективная тактика борьбы с бунтарскими настроениями. «Давить и не пущать» было бессмысленно.

Георгий Гапон приобретал невероятную популярность в рабочих кругах и в этом качестве заинтересовал Зубатова. И факт в том, что Гапон пошел на сотрудничество с полицией и взял деньги, «контакт был налажен». Но продался ли он с потрохами? Гапон никогда не согласился бы с таким вердиктом – не только на судебной сессии, но и перед самим собой. Да, Сергей Зубатов помог ему создать организацию, но отец Георгий считал, что опека полиции (административные няньки) только вредит делу. Они спорили, но не рассорились. В 1903 году карьера Зубатова рухнула, а Гапон лишь набирал высоту.

«ДАВАЙ НАРОД ИСКУСНО ВОЛНОВАТЬ...»

Гапоновское «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» к 1905 году стало наиболее мощной негосударственной политической силой в России. Пожалуй, ни за кем после Емелья-

«ЕГО ИМЯ, ИМЯ ВОЖДЯ РЕВОЛЮЦИИ, переходило из уст в уста, от рабочих к крестьянам. Его портреты можно было найти везде: в городе и деревне, у русских, поляков, даже евреев»

на Пугачева с таким воодушевлением не шли массы.

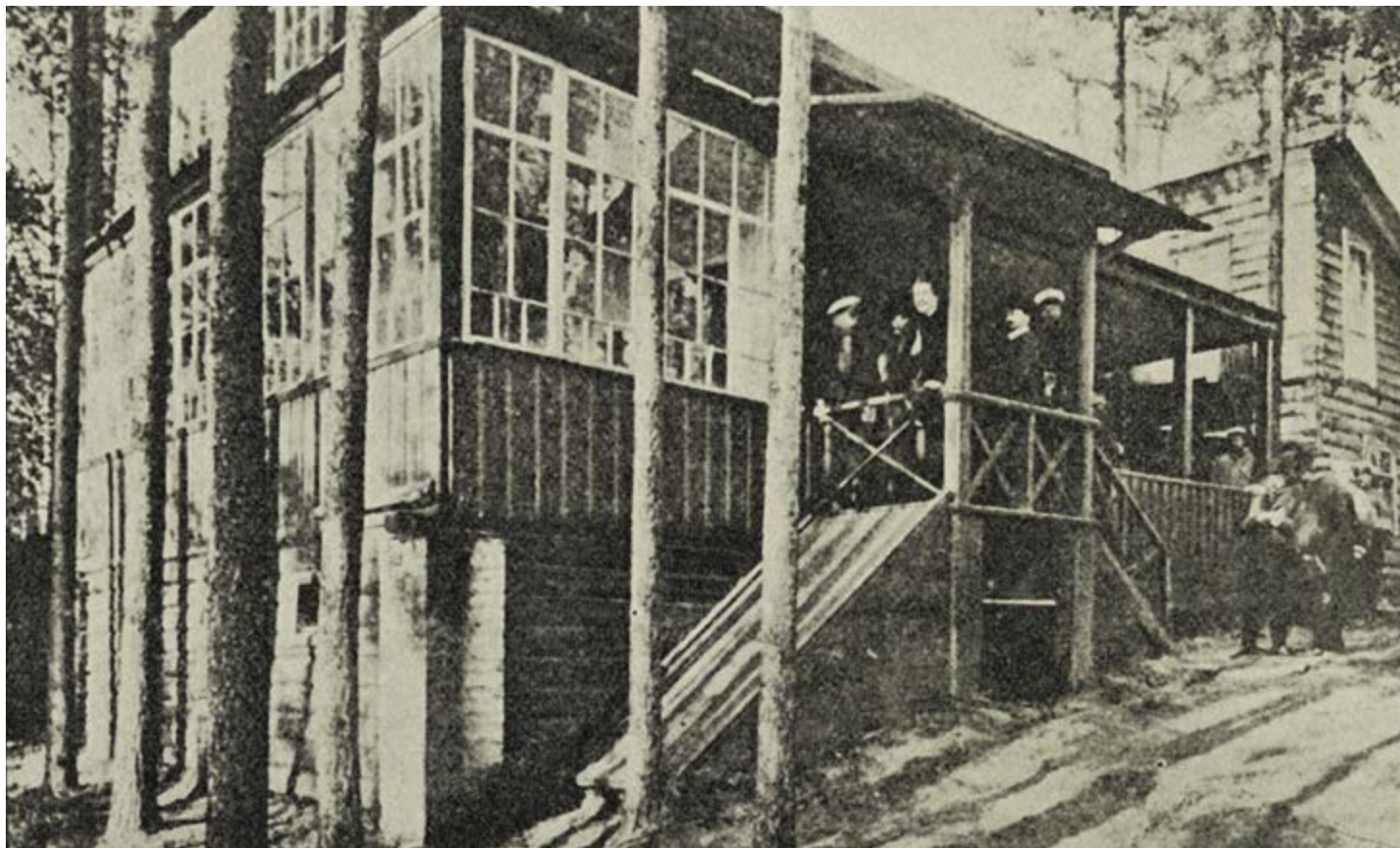
Гапон вступал в силу. Крамольные идеи овладевали все более широкими кругами. И в студенческой, и в рабочей среде верноподданничество было не в чести. И Георгий Гапон понимал: чтобы стать властителем дум, нужно призывать к кардинальным переменам. Как там у Пушкина? «Давай народ искусно волновать...». Но представлять Гапона эдаким лицемерным и властолюбивым провокатором – значит упрощать картину. Ему не нравился мир, в котором дворцы соседствуют с хижинами. Он считал, что сложившаяся система есть отступление от христианского идеала и вполне искренне боролся «за правду». А уж какими средствами – это, похоже, его мало интересовало.

Роковые дни наступили в конце 1904 года. Четырех членов общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» уволили с Путиловского завода. Гапоновцы своих в беде не бросали – встали на их защиту. Профсоюзное давление на капиталистов не помогло, стачка – тоже. Следующая инстанция – царь.

Соратник революционного батюшки Николай Варнашев вспоминал, что именно Гапон был инициатором выступления 9 января. «Народу мешают чиновники, а с царем народ сговорится», – его слова в те дни. Он уверял паству, что, если обратиться к государю «всем миром», от петиции не посмеют отмахнуться.

Надо сказать, что массовый самовольный поход к императору – даже с хоругвями – воспринимался тогда как нечто небывалое, дерзновенное. Тут в пору вспомнить про московский Медный бунт, когда шли к царю Алексею Михайловичу. Не менее дерзким было и главное требование – созыв Учредительного собрания, в котором народные представители могли бы отстаивать права рабочих, иными словами, от царя требовали ограничить самодержавие...

Оценки Гапоном царя и всей ситуации в целом в те нервные дни резко колебались, в том числе он не исключал кровавой развязки событий: «Будут стрелять. Расстреляют идею царя! А жертвы – так и этак неизбежны! Предупредить – кто боится, не пойдет, а умирать – так умирать с музкой!»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дача Звержинской в Озерках, где был найден труп Гапона

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

9 января он был на площади у Нарвских ворот, уверенно шагал вместе со всеми. А на улицу вышли 150 тыс. рабочих – пятая часть трудоспособного населения Петербурга! «Вперед, товарищи, свобода или смерть!» – кричал вождь шествия. И вместе со всеми Гапон ужаснулся выстрелам. Уцелел: кто-то из оказавшихся рядом с ним был убит и, падая, свалил его на мостовую, прикрыл своим телом.

Вместе с эсером Петром Рутенбергом перебежками они добрались до ближайшей подворотни. Рутенберг потом писал: «Двор, в который мы вошли, был полон корчащимися и мечущимися телами раненых. «Нет больше Бога! Нет больше царя!» – прохрипел Гапон, сбрасывая с себя шубу и рясу». На него быстро напялили отданные кем-то пальто и шапку и скорее увели подальше от места расстрела. Уже в другом дворе, прямо у поленницы, Гапона остригли (волосы его были подобраны рабочими и хранились некоторыми почти как реликвия). К вечеру Петр Рутенберг отвел его на квартиру Максима Горького.

ГАПОН – «ЧЕЛОВЕК ОЧЕНЬ НЕИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ, НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ, совершенно не разбирающийся в вопросах партийной жизни, но, несомненно, наблюдательный, умеет узнавать людей и знает психологию массы»

На следующий день, не без участия Рутенберга, Георгий Гапон написал свою первую революционную «листовку»: «Зверь-царь... так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам, всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем!»

Гапон был потерян. Его увезли в деревню, где он должен был ждать, пока ему не изготовят поддельный паспорт. Но нервы не выдержали: он перешел границу и отправился в Женеву. «Переезд через всю Европу без языка и с боязнью быть узнанным и арестованным закончился тем, что он не нашел лица, к которому я его направил. Два дня он ходил по городу беспомощный и измученный. Отправился, наконец, к Плеханову¹», – вспоминал Петр Рутенберг.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ТУРНЕ

Лидеры революционной эмиграции встретили Гапона с восторгом. Явно находясь под впечатлением январских событий в Петербурге, они стали наперебой предлагать ему свою дружбу и сотрудничество. Расстрел шествия не разрушил его репутацию, наоборот, после того трагического дня авторитет Гапона поначалу только возрастал. «Все факты говорят в пользу его честности и искренности, так как в задачу провокатора

¹ Плеханов Г.В. (1856–1918) – теоретик марксизма, философ, видный деятель социалистического движения. Во время революции 1905–1907 годов был в эмиграции.

никак уже не могла входить такая могучая агитация за дальнейшее продолжение восстания», – отмечал Владимир Ленин. В 1905 году тот видел в нем не конкурента, а почтенного демона революции. Пожалуй, и он подпал под обаяние Георгия Гапона.

Близость тактических воззрений Ленина и Гапона была подкреплена возникшей между ними взаимной симпатией. Гапон, которого Владимир Ленин еще в начале февраля честил «рыжим уродом», к весне 1905-го превратился в «преданного революции, инициативного и умного» человека, а организатор шествия рабочих к царю, за глаза называвший лидера социалистических партий «узколобыми болтунами», делал исключение только для Ленина, своего сверстника, которого почитал как человека «хорошего и умного».

На пике славы отец Георгий видел себя во главе движения, которое отомстит за Кровавое воскресенье. Амбициозный «черненький, сухонький, невысокий попик с быстро бегающими насмешливыми глазками» возомнил себя вождем всей русской революции, вел себя вызывающе, и, несмотря на восторженный прием, отношения с эмигрантскими центрами у него все-таки не заладились. К осени его авторитет в заграничных революционных кругах упал до нуля.

Бешеное же честолюбие не позволяло ему жить спокойно, никого и ничего не возглавляя. «Не обладая широким объективным умом и не имея надлежащей научной подготовки, – вспоминал один из его бывших соратников, – Гапон не умел понять настоящего своего положения и отводил слишком большое место своей особе в рабочем движении». Впрочем, рабочие его по-прежнему боготворили. Борис Савинков так говорит о настроениях 1905–1906 годов: «Его имя, имя вождя революции, переходило из уст в уста, от рабочих к крестьянам. Его портреты можно было найти везде: в городе и деревне, у русских, поляков, даже евреев. Он первый всколыхнул городской пролетариат. Он первый решил стать во главе поднявшихся рабочих. Ни всеобщая забастовка 1905 года, ни даже декабрьские баррикады не могли заслонить образ этого человека, от которого ждали новых выступлений, ждали, что если он начал революцию, то он и закончит ее».

«ОН БЫЛ ТИПИЧНЫМ ОДИНОЧКОЙ»

После 17 октября 1905 года Гапон вновь оказался в России. «Ни о чем другом, кроме бомб, оружейных складов и т. п., он теперь не думает, – записал один из близких ему людей. – После Кровавого воскресенья он все время твердил, что от компромиссов пора перейти к действиям, не выказывал прежней надежды на царя и правительство, пытался возродить свое “Собрание фабрично-заводских рабочих”».

Однако параллельно Георгий Гапон постоянно вел тайные переговоры с влиятельными сановниками, включая председателя

Комитета министров С.Ю. Витте. Правительство снова рассчитывало использовать пламенного священника для удержания рабочих от участия в вооруженной борьбе. Чтобы укрепить позиции Гапона в рабочей среде, Сергей Витте выделил ему 30 тыс. рублей.

Георгий Гапон пытался наладить контакт с партийными лидерами, но занять место в их иерархии не умел. И на вторых ролях себя не видел. Даже в бунтарской революционной среде отец Георгий казался порывистым, неуправляемым. «Он был типичным одиночкой. Как демагог, непостоянный в своих лейтмотивах, он не мог, физически был не в состоянии участвовать в общей, «мирской» выработке тактической линии поведения, спеваться с другими как с рав-

берг, спасавший Гапона в январе 1905-го и помогавший ему потом обустроиться в Европе, вызвал недавнего друга на откровенную беседу. Тот, не подозревая, что их подслушивают спрятавшиеся в соседней комнате рабочие, предложил эсеру Рутенбергу 25 тыс. рублей в обмен на выдачу группы однопартийцев полиции...

Тело Гапона обнаружат только через месяц: его то ли удавили, то ли повесили. Хоронили несостоявшегося вождя революции со всеми почестями. Активисты требовали мести: соратники не верили в предательство своего лидера и обвиняли охранку в убийстве. Эсеры не брали на себя ответственности за «казнь» Гапона. «Центральный комитет, ссылаясь на свое

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Опознание трупа Гапона в присутствии властей на даче Звержинской в Озерках

ными и затем координировать свои действия с действиями товарищей. Партийное дело – хоровое дело. А Гапон, если бы он даже совершенно искренно дал обещание придерживаться такой-то линии поведения, все равно не смог бы сдержать его до конца», – рассуждал Виктор Чернов, лидер эсеров, хорошо знавший Гапона.

НЕ ПАРТИЙНОЕ ДЕЛО

Знаменитому революционному попу было 36 лет – подходящий возраст для авантюриста.

Но судьба распорядилась иначе.

28 мая 1906 года на даче в Озерках под Петербургом его ждали представители партии эсеров. У них были непровержимые доказательства: Гапон ведет двойную игру. Петр Рутен-

бергов, отказался признать это дело партийным», – подчеркивал Борис Савинков.

Неумолимый «приговор истории» огласили гораздо позже, в 1938-м, в «Кратком курсе истории ВКБ(б)»: там он – провокатор, перед которым была поставлена задача вызвать расстрел мирной демонстрации и «в крови потопить рабочее движение». Это

упрощение: агентом охранки Георгий Гапон не был – он вел свою игру сразу на нескольких досках и рискованно использовал связи с полицией в собственных целях. Уж таково сумасшедшее революционное время, когда даже православный священник может перекалфицироваться в азартного и нечистого на руку политического игрока.

Арсений Замостьянов

ЧТО ПОЧИТАТЬ?
Кавторин В.В. **Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года.** Л., 1992

«РОЗОВЫЕ» ЛИБЕРАЛЫ

«ЛИБЕРАЛЫ НАЧАЛИ РОЗОВЕТЬ», – С РАДОСТЬЮ ПИСАЛ В 1905 ГОДУ ВОЖДЬ БОЛЬШЕВИКОВ ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН). ЕМУ БЫЛО ВАЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ РАДИКАЛЬНУЮ ЛИБЕРАЛЬНУЮ ПУБЛИКУ В ИНТЕРЕСАХ РЕВОЛЮЦИИ. ОДНАКО И САМИ ЛИБЕРАЛЫ БЫЛИ НЕ ПРОЧЬ ЗАГРЕБАТЬ ЖАР РУКАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Еще задолго до роковых январских событий 1905 года в России заметно активизировалось либеральное движение. На фоне усиливающегося недовольства царской политикой и углублявшегося противостояния между властью и обществом закладывались основы новой либеральной программы, принципиально отличавшейся от прежнего земского либерализма как своим радикализмом, так и явно выраженным стрем-

лением к объединению оппозиционных кругов различных оттенков.

В 1894-м вступление на престол императора Николая II породило новые надежды в кругах оппозиции. «От Николая II ждали... возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе», – писал видный либерал Василий Маклаков. Впрочем, этим надеждам не суждено было сбыться.

Уже на третьем месяце царствования – 17 января 1895 года – прозвучали извест-

ные слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях об участии представителей земства в делах внутреннего управления» и о том, что новый император будет «охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их незабвенный покойный родитель».

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РАДИКАЛИЗМ

Последнее пятилетие XIX века изменило вектор развития либерального движения в России. В рамках общей эволюции русского либерализма отчетливо прослеживалась тенденция его перехода от легальной оппозиции к выработке радикальной программы упразднения самодержавия и установления конституционного строя, причем использоваться стали самые разные методы, включая и нелегальные, определялась иная тактика борьбы. Например, в Москве возник земский полуконспиративный кружок, или даже тайный клуб, под названием «Беседа» (он просуществовал с 1899 года до осени 1905-го, когда его члены разбрелись по различным политическим партиям).

Земские деятели и представители оппозиционно настроенной демократиче-

Манифест 17 октября 1905 года стал звездным часом русских либералов

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Нелегальная встреча за границей земских деятелей и представителей демократической интеллигенции с целью обсуждения вопроса об образовании тайной либеральной организации произошла в Швейцарии 20–22 июля 1903 года в районе Шаффхаузена, на берегу Боденского озера. Здесь впервые в истории русского либерализма были выдвинуты в качестве программных социально-экономические мероприятия, которые намечалось осуществить в «интересах трудящихся масс». Однако ближайшей задачей обозначались ликвидация самодержавия и установление правового государства. Именно эта последовательность в проведении реформ: сначала политические, затем экономические – позволяла, по мнению русских либералов, рассчитывать на объединение различных по своим взглядам людей.

Тогда же новая организация получила и свое название – «Союз освобождения». Участниками встречи, представлявшими крупнейшие города России, было принято решение об образовании многих местных групп «Союза» – в возможно большем количестве, чтобы уже к учредительному съезду организации покрыть ими всю страну.

Сам съезд состоялся в Петербурге 3–5 января 1904 года. Считая политическую свободу, даже в самых минимальных ее пределах, совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархической государственности, «Союз освобождения», как уже говорилось, ставил цель добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима. Образцом для членов объединения была старая добрая британская монархия.

Все: программа, устав, социальный состав, тактика и организация «Союза освобождения» – настолько отличалось от традиционного земского либерализма, что появлялись все основания говорить о новом либеральном направлении, или «новом либерализме». Это проявилось и в безоговорочном отрицании самодержавия и признании необходимости выдвижения социально-экономических требований «в интересах трудящихся масс»; и в выборе тактики – в принятии нелегальных методов борьбы; и в заметном преобладании (до трех четвертей) в составе объединения лиц свободных профессий: профессоров, адвокатов, журналистов. Деятели русского земства численно отошли на второй план...

ЛИБЕРАЛЫ И ВОЙНА

Либеральное общественное движение в России в начале XX века нельзя рассматривать изолированно от развязавшейся Русско-японской войны, которая оказала на него заметное влияние, сперва несколько затормозив рост оппозиционности либералов, а затем резко усилив его.

На царский манифест о начале войны с Японией земские собрания ответили «единодушным патриотическим порывом». Соревнуясь друг с другом, земства жертвовали на войну миллионные средства. Но вскоре ситуация изменилась. Оппозиционные настроения среди российских либералов в связи с положением дел на фронте стали расти, и темпы роста впечатляли.

Несмотря на публичные заявления земских собраний о поддержке власти, лидеры «новых либералов» активизировали свою антигосударственную деятельность. Осенью 1904 года представители «Союза освобождения» приняли участие в совместной конференции революционных и оппозиционных сил России, проходившей в Париже. Далеко не все присутствующие на конференции догадывались, что ее финансирование осуществлялось на деньги японского Генерального штаба через посредство финского революционера Конни Циллиакуса, который провел серию переговоров с лидерами основных революционных и оппозиционных партий России, обещая им финансовую поддержку Японии в борьбе с самодержавием. «Союз освобождения» на конференции представляли историк Павел Милюков, философ Петр Струве и земские и общественные деятели Петр Долгоруков и Василий Богучарский-Яковлев.

В качестве основной цели совместной борьбы было единодушно признано упразднение самодержавного строя. По выражению лидера большевиков Владимира Ульянова (Ленина), либералы «начали розоветь», то есть проникаться сочувствием к левым радикалам. Насколько искренним было это сочувствие – другой вопрос. «Зачем, господа, нам спорить? – цинично вопрошал революционеров Павел Милюков. – Вы делаете за сценой гром, а мы будем играть на сцене».

Текст резолюции по итогам конференции, составленный Милюковым, включал в себя, помимо прочих, такие положения, как осуждение насильственно русификаторской политики внутри России (в первую очередь в Финляндии) и неприятие агрессивной захватнической политики во вне. Последнее касалось продолжавшейся Русско-японской войны. Его включение в итоговый документ Парижской конференции и было главной целью тайных организаторов мероприятия, о чем наши либералы, по их позднейшему признанию, и не подозревали.

Между тем в России укоренялось и широко распространялось мнение, что Русско-японская война – это едва ли не преступление, «попытка шайки придворных авантюристов и членов династии ценою русской крови добыть богатство в чужом крае», как писал в середине 1905 года один из основателей будущей кадетской партии Иван Петрункевич.

ской интеллигенции активно выступали за необходимость введения в России конституции, провозглашающей широкие гражданские права и свободы и полномочия законодательного собрания.

Публицистическая и литературная деятельность, издание газет и журналов стали той почвой, на которой объединялись либеральные противники самодержавной власти в России. В конце XIX века началась работа по созданию журнала, призванного стать рупором всего либерального лагеря. Нужно отдать должное настойчивости либералов: 12 раз они пытались получить разрешение на печатание журнала в России, однако столько же раз им было отказано. В итоге выпустить его пришлось в Штутгарте в издательстве Дитца, которое известно тем, что здесь же выходила в свет и революционная социал-демократическая газета «Искра». Журнал с символическим названием «Освобождение» начал издаваться в июле 1902 года и стал зачатком организации, консолидировавшей различные политические силы, враждебные царизму. По сути, это был прообраз будущей межпартийной коалиции.

Цусимское сражение (май 1905 года), в котором была полностью разгромлена 2-я Тихоокеанская эскадра русского флота, по мнению либералов, стало ярким доказательством полной неспособности власти успешно вести войну. Они были не одиноки в этих суждениях. В итоге революция, которую, по выражению Павла Милюкова, министр внутренних дел Вячеслав Плеве хотел потушить при помощи «маленькой победоносной войны», приобретала новые размах. Свою лепту в разгорающийся пожар активно вносили либералы.

Оппозиционно-радикальные силы из числа земцев и представителей демократической интеллигенции использовали войну как повод воздействия на правительство. Патриотизм становился разменной монетой в их политических играх. Ответственности за подобные действия и их последствия русские либералы явно не осознавали.

КАДЕТЫ ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ

К середине 1905 года вопрос о создании либеральной партии в России был предрешен. Манифест 17 октября, объявлявший о даровании гражданских свобод и учреждении Государственной Думы, был воспринят обществом как первая и значительная победа общественных сил над самодержавием. Он и положил начало легальной Конституционно-демократической партии.

«Кадетская партия занимала немалое место в жизни той думающей, читающей России, которая количественно составляла незначительную часть населения, но как движущая умственная сила имела большой политический и моральный авторитет», – писала в своих мемуарах член ЦК партии Ариадна Тыркова-Вильямс. В спектре возникавших в горниле революции политических организаций «партия к.-д.» призвана была занять лидирующее место в борьбе за установление в России конституционного режима. Лидер кадетов Павел Милюков считал партию «внеклассовой», но соответствующей «традиционному настроению русской интеллигенции».

Кадеты выступали за радикальное реформирование общественно-политической системы во всех ее ключевых звеньях исходя из принципа разделения властей, требования гражданского и политического равноправия, введения демократических свобод. Ориентируясь на западные образцы парламентского строя, кадеты стремились к укоренению в России норм демократического правового государства.

Организация партии была поддержана значительной частью русской интеллигенции, что выражалось в массовом вступлении в ее ряды. Уже в 1906-м численность кадетов достигла примерно 60 тыс. человек.

Премьер-министр Петр Столыпин (1862–1911) не любил либералов. Знаменитая фраза: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» – была сказана в том числе и в их адрес...

Впрочем, по словам Ивана Петрункевича, «стремясь демократизировать власть, кадеты порой забывали, что они сами, как господствующий класс, составляют часть власти, которая издавна принадлежала их предкам». «В течение десятилетий в передовом дворянстве отмирало классовое сознание, – отмечает он. – Это вносило благородный, рыцарский оттенок бескорыстия в их жизнь и деятельность. Но для России, может быть, было бы выгоднее, безопаснее, если бы дворянство крепче держалось за свою руководящую роль, яснее сознавало свое значение для культуры».

Лидером кадетской партии стал историк Павел Милюков (1859–1943)

ДУМА НАРОДНОГО ГНЕВА

«Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов, – говорилось в Манифесте 17 октября 1905 года. – В сих видах, сохраняя неприкосновенным основной закон Российской империи о существовании Самодержавной власти, признали Мы за благо учредить Государственную Думу. Питаем уверенность, что избранные доверием всего населения люди, призываемые ныне к совместной законодательной работе с правительством, покажут себя пред всею Россией достойными того Царского доверия, коим они призваны к сему великому делу».

Выражаемая в манифесте уверенность была напрасной. Первая российская Дума вошла в историю как Дума народного гнева. И в этом была немалая заслуга кадетов...

Избирательную кампанию они провели энергично и успешно. И поскольку революционные партии отказались участвовать в выборах в Думу, кадеты оказались самой левой партией на политической арене. Да, число членов Конституционно-демократической партии не достигло абсолютного большинства: они получили 179 мест. Но все-таки это позволило кадетам иметь в Думе широкое влияние: сказывались также дисциплина, образовательный и политический авторитет «профессорской партии».

Дума была открыта 27 апреля 1906 года. Вся ее работа свелась не к законотворчеству, а к постоянным конфликтам с правительством и требованию для себя дополнительных властных полномочий. «Власть исполнительная да покорится власти законодательной!» – зывал депутат от партии кадетов Владимир Набоков, отец будущего писателя. Больше всего либеральные думцы хотели ответственного перед Думой, а не царем правительства (чтобы можно было самим назначать и отстранять министров, а если повезет – даже премьера) и ликвидации Госсовета (верхняя палата мешала законотворчеству, уверяли депутаты). Кстати, было еще одно требование – амнистия политическим заключенным, что в условиях революции и вовсе означало помилование террористов и убийц, обогривших руки в крови сограждан. Депутаты Первой Думы практически заняли антигосударственную позицию, явно или неявно поощряя массовый отстрел «слуг самодержавия».

Надо признать, Дума выдвинула много хороших ораторов, но не дала стране ни одного государственного деятеля. Де-

ДОКУМЕНТ

*Из воспоминаний великого князя
Александра Михайловича
(1866–1933)*

«Чем больше я думал, тем более мне становилось ясным, что выбор лежал между удовлетворением всех требований революционеров или же объявлением им беспощадной войны.

Первое решение привело бы Россию неизбежно к социалистической республике, так как не было еще примеров в истории, чтобы революции останавливались на полдороге. Второе – возвратило бы престиж власти. Но во всяком случае положение прояснилось бы. Если Ники [Николай II. – Прим. ред.] собирался сделаться полковником Романовым, то путь к этому был чрезвычайно прост. Но если он хотел выполнить присягу и остаться монархом, он не должен был отступать ни на шаг перед болтунами революции. Таким образом, было два исхода: или белый флаг капитуляции, или же победный взлет императорского штандарта. <...>

Николай II <...> перестал быть самодержцем, несмотря на принесенную им во время коронации присягу в московском Успенском соборе – свято соблюдать обычаи своих предков. Интеллигенция получила, наконец, долгожданный парламент.

Русский Царь стал отныне пародией на английского короля, и это в стране, бывшей под татарским игмом в годы Великой хартии вольностей. Сын императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов Департамента полиции. Это был – конец! Конец династии, конец империи! – Прыжок через пропасть, сделанный тогда, освободил бы нас от агонии последующих двенадцати лет!»

факто она превратилась в огромный клуб всероссийской оппозиции, по камертону которого настраивалась почти вся антиправительственная часть общества.

**«ДУМА НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
УСТУПАТЬ!»**

Правительство стало врагом номер один. Депутаты-профессора устраивали министрам форменные обструкции. «Вон! Долой! В отставку!» – такими криками встречали появлявшихся в зале министров, приходивших отвечать на думские

запросы. Свободная пресса тут же разносила по всей стране речи либералов. Перводумцы вошли в число излюбленных героев газетной хроники. «Дума ничего не должна уступать!» – призывали депутатов многочисленные ходоки.

Между тем самый главный и самый больной вопрос Первой Думы (да и России в целом) – аграрный. Кадеты вместе с фракцией трудовиков предлагали принудительное отчуждение частновладельческих земель и их перераспределение в пользу «трудового народа». Идея справедливости вступала в конфликт с реальностью: реализация кадетской инициативы требовала земли на десятки миллионов десятин больше, чем было во всей Европейской части России.

В июне 1906 года правительство заявило, что никакого принудительного изъятия частных земель не будет. Дума в ответ обра-

К чему? Не платить налогов, не давать крутов, не выполнять правительственных распоряжений.

«Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда Правительство распустило Государственную Думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег».

Это был не просто призыв к гражданскому неповиновению, в тех условиях это был призыв к гражданской войне.

Правда, ничего из этой затеи не вышло. Петр Столыпин взял курс на стабилизацию ситуации. «Сначала успокоение,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

Разгром русского флота в Цусимском проливе дал в руки либералов мощный козырь в борьбе против власти

тилась к населению с обещанием, что станет бороться за принцип принудительного отчуждения и никакой другой закон, регулирующий земельные отношения, не пропустит. 9 июля Думу распустили. «Выборные от населения вместо работы, строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область», – говорилось в императорском указе. Первая Дума, избранная на пять лет, просуществовала 72 дня.

Царь был прав: результаты работы Первой Думы оказались весьма скромными. После долгих дискуссий ею был принят только один законопроект – об отмене смертной казни. Впрочем, законом документ так и не стал: Государственный совет в итоге его не утвердил.

Одновременно с указом о роспуске Первой Думы Николай II подписал указ о назначении премьер-министром (с сохранением должности министра внутренних дел) Петра Столыпина...

Часть перводумцев собралась в Выборге и оттуда обратилась к русскому народу с воззванием (официально оно называлось «Народу от народных представителей»).

потом реформы!» – заявил премьер. Он знал, о чем говорит: 12 августа 1906 года государственную дачу главы кабинета на Аптекарском острове взорвали эсеры-максималисты. От взрыва погибло 27 человек, еще 32 (в том числе 3-летний сын и 14-летняя дочь премьера) были ранены. С революционной вакханалией пора было заканчивать, невзирая на вопли либералов о том, что государство начало наступление на гражданские права. «Россия отлит кровью на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей», – полагал Петр Столыпин.

«Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада, – говорил премьер-министр с думской трибуны. – Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбрать между целостностью теорий и целостностью государства».

Алексей Лубков,
доктор исторических наук

ТЕРРОР НА СЛУЖБЕ РЕВОЛЮЦИИ

В 1905 ГОДУ ОБЫВАТЕЛИ ВПЕРВЫЕ СТОЛКНУЛИСЬ С МАССОВЫМ ТЕРРОРОМ, НА КОТОРЫЙ СДЕЛАЛИ СТАВКУ РАДИКАЛЬНЫЕ СТОРОННИКИ «СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА И БРАТСТВА». ФАКТИЧЕСКИ ЭТО БЫЛ ПЕРВЫЙ ВСПЛОХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ...

Никогда еще в России революционный террор не был столь массовым и беспощадным. На смену редким точечным ударам народо-вольцев пришла волна террористических атак, жертвами которых стало около 9 тыс. человек (практически половину из них составили государственные служащие). Это десятикратное больше, чем было казнено по приговорам судов Российской империи за предшествующие три четверти века.

СТРАНА, ЗАЛИТАЯ КРОВЬЮ

Только на территории Царства Польского в 1905–1907 годах революционеры осуществили порядка 3200 боевых

акций. На разгул террора царское правительство ответило введением чрезвычайной юстиции. «Желаю, чтобы немедленно были учреждены военно-полевые суды для суждения по законам военного времени», – потребовал император Николай II от премьер-министра Петра Столыпина сразу после покушения на последнего 12 августа 1906 года.

Это потом пришедшие к власти революционеры будут рассказывать, что «реакция залила страну кровью». Цифры говорят об обратном: за 8 месяцев существования «скорострельных», как их называли либералы, военно-полевых судов – с 20 августа 1906 года по 20 апреля 1907 года – было приведено в исполне-

ние, по разным подсчетам, от 700 до 1100 смертных приговоров. Тысяча казненных по суду, хотя бы военно-полевому, против 9 тыс. убитых революционерами бессудно, «именем трудового народа».

Террористические методы борьбы использовали как общероссийские леворадикальные организации (эсеры, эсеры-максималисты, большевики, анархисты), так и национальные – польские, армянские, латышские.

Классическим образцом революционного террора в России тех лет долгое время было принято считать его эсеровскую разновидность; она же лучше других и изучена. Окутанная героическим ореолом «Б0» (Боевая организация) при ЦК пар-

В декабре 1905 года Москва увидела, что такое гражданская война

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

тии социалистов-революционеров, созданная осенью 1901 года, к началу революции произвела три громких политических убийства – министра внутренних дел Дмитрия Сипягина (1902), уфимского губернатора Николая Богдановича (1903) и министра внутренних дел Вячеслава Плеве (1904).

В стремлении дать террору идейное обоснование эсеровские идеологи указывали на его тройную роль – как метода «обуздания насильников» (когда «самодержавный произвол переходит всякие границы и становится нестерпимым»), как способа устрашить и дезорганизовать правительство (то, что сегодня именуют технологией умышленного порождения страха) и, наконец, как мощного агитационного, революционизирующего массы (или «эксцитативного») средства. «Отнюдь не заменить, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда», – уверяла газета «Революционная Россия», центральный орган партии, в 1902 году.

Многих эсеровских боевиков на убийство толкала жажда к подвижничеству, готовность принести личную жертву на алтарь революции. В мотивации революционных террористов исследователи усматривают и аберрацию религиозности (укажем в этой связи на убийцу Вячеслава Плеве Егора Созонова или на Ивана Каляева, бросившего бомбу в великого князя Сергея Александровича), и стремление к полному растворению своего «я» в служении общественному благу и прогрессу, а порой и просто бунтарский склад личности.

ЛЕТУЧИЕ ОТРЯДЫ

Впрочем, в ходе Первой русской революции лицо эсеровского террора определяли не разрозненные, пусть и резонансные, выступления центральной «БО», а деятельность партийных летучих боевых отрядов и дружин. С начала 1905-го до середины 1907 года они в общей сложности произвели 220 террористических актов (174 из них – в 1906-м и 1907 годах), жертвами которых стали 242 человека – 162 убиты и 80 ранены. Подавляющее большинство этих жертв составляли служащие полиции, охранки, судебных органов и военные, то есть средние и низшие представители репрессивных государственных органов. Стремление слить «революционный терроризм и массовое движение», высказанное еще в начале революции и получившее одобрительную оценку в том числе на большевистском олимпе, так и не было осуществлено: эсеровский террор преимущественно шел в арьергарде революции.

Подход большевиков к террору был намного более прагматичным, можно сказать, «военно-техническим»: во-первых, они относились к нему как к средству партийной самозащиты и, во-вторых, как к способу обучения и тренировки «офи-

Убийство сограждан в декабре 1905 года приняло массовый характер

ДЕВЯТЬ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК стали жертвами террористических атак революционеров; практически половину из них составили государственные служащие

церов» будущей «пролетарской армии». Надо отметить, что большевистским боевикам нравственные терзания, столь свойственные некоторым эсерам, были совершенно чужды.

Характерно описание убийства пристава Бамбурова в Уфе летом 1907 года (уфимская боевая рабочая дружина считалась тогда в РСДРП(б) одной из лучших, еще в 1905-м ее устав был рекомендован Таммерфорсской конференцией большевиков к всероссийскому распространению). Рабочий-террорист поджигал свою жертву у крыльца летнего театра. «Когда Бамбуров в антракте вышел в сад, тот трижды выстрелил в него в упор. Бамбуров упал на брюхо, завертелся, как шмель на иголке, и завизжал, будто недорезанная свинья. Умер он по дороге в больницу». А исполнитель как ни в чем не бывало отправился в глубь сада и беспрепятственно скрылся. Кстати, стреляя

он не из привычного браунинга, а из маузера. Как утверждает тот же большевистский мемуарист, «Бамбуров был очень толст, и наши опасались, что пуля браунинга его не прошибет».

Как и многие другие «боевые вылазки» большевистских боевиков, это преступление власти раскрыть не смогли, и никто за него наказания так и не понес. Агитационное значение террора большевики отрицали, свои боевые акции не афишировали (тем более что их тогдашние однопартийцы – меньшевики – не признавали столь радикального метода), и в результате подлинных масштабов террористической деятельности РСДРП(б) в 1905–1907 годах остаются тайной по сей день.

Сомнений в праве без суда лишать жизни своих ближних не испытывали не только большевики, но и эсеры-максималисты, и анархисты, особенно «безначальцы» и «чернознаменцы».

ДЕКАБРИСТЫ 2.0

Пышным цветом революционный терроризм расцвел в ходе Декабрьского восстания 1905 года в Москве. Это восстание явилось апогеем вооруженного противостояния революционного и правительственного лагерей, а также, как потом выяснилось, и пробой сил в преддверии Гражданской войны, фактически ее прелюдией.

Хотя впоследствии лавры организаторов и руководителей московского восстания большевики старались приписать исключительно себе, на самом деле в этих трагических событиях крупнейшие леворадикальные партии сыграли примерно одинаковую роль. Ни ясных целей, ни соответствующей организации, ни более или менее продуманного плана действий ни одна из них не имела. Зато после результативного нажима на правительство методами всеобщей стачки в октябре 1905 года все были в равной мере убеждены в необходимости «раскачивать лодку» и дальше – по нарастающей.

Голоса тех немногих «профессиональных революционеров», кто пытался хотя бы отсрочить безрассудную «революционную импровизацию», назревавшую в Москве, тонули в хоре сторонников немедленного перехода к решительным действиям. К тому же партийные лидеры опасались, что в случае, если «рабочая партия ограничит свою активную роль только тем, что будет вырывать... политические уступки у самодержавия», плоды ожидаемой победы достанутся презренной «буржуазной демократии». Им хотелось непременно возглавить революцию и всецело «овладеть политическим положением», как в декабре 1905 года выразилась та же эсеровская «Революционная Россия». Человеческая цена этого лидерства значения для революционеров не имела.

3–5 декабря в Москве прошла череда партийных конференций, которая была увенчана резолюцией пленума Московского совета рабочих депутатов об объявлении всеобщей политической забастов-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Накануне Первой русской революции террористы убили двух министров внутренних дел –
Дмитрия Сипягина (вверху)
и Вячеслава Плеве (внизу)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ки. Это решение Совет принял вечером 6 декабря, а уже утром следующего дня его газета «Известия» опубликовала постановление о начале этой забастовки с 12 часов пополудни того же 7 декабря. Там особо подчеркивалась задача превращения стачки в вооруженное восстание, руководителем которого был объявлен Федеративный совет, или комитет. Однако 7-го же декабря этот боевой штаб восстания был арестован в полном составе, а новый появился только в ночь на 10 декабря, когда Москва уже стала стихийно покрываться баррикадами. Накануне власти объявили в городе и губернии чрезвычайное положение.

Понимая свое бессилие, Федеративный совет нового изготовления перепоручил руководство восстанием районным советам; несколько из них, в свою очередь, образовали собственные боевые организации. После этого мятеж распался на ряд очагов, никак не связанных между собой. В создании районных штабов городские партийные комитеты прямого участия не принимали, но направляли в них своих представителей – отнюдь не лидеров, кстати, большинство из которых старалось держаться подалеже от баррикад (Владимир Ульянов (Ленин), например, провел декабрьские дни в Петербурге и в Финляндии), а третьестепенных партийных функционеров. Те либо являлись в районы в качестве «командированных», либо входили в боевые штабы явочным порядком.

Так, в боевой комитет Пресненского совета Московский комитет РСДРП командировал Зиновия Литвина (Седого) и Зиновия Доссера (Лешего). Там их ближайшими соратниками стали представители «левой» эсеровской оппозиции, будущие эсеры-максималисты Михаил Соколов (Медведь) и Григорий Ривкин (Ильин), явившиеся на Пресню по собственному почину. Соколов вместе с большевиком Литвиным выполнял руководящие функции и, по общему признанию, был душой Пресни; Ривкин, химик по образованию, наладил в лаборатории Прохоровской мануфактуры кустарное производство бомб и фугасов для боевиков, численность которых только в этом районе достигала 400 человек (всего в городе их действовало тогда до 2 тыс.). Тот же Ривкин с эсером Зоммерфельдом (Мартыновым) взяли на себя организацию возведения баррикад.

Под руководством комитетчиков дружины рабочих-прохоровцев устраивали перестрелки с правительственными войсками с баррикад и из засад в домах и подворотнях, нападали на полицейских и отнимали у них оружие, именем революции расправлялись со «слугами правительства». «Отсталых» рабочих, не желавших участвовать во всем этом, принуждали угрозами и силой.

КРОВАВАЯ СТАТИСТИКА

Всего с 1901 по 1917 год жертвами революционного террора стало около 17 тыс. человек (из них примерно 9 тыс. – в период Революции 1905–1907 годов).

По данным полиции, только с февраля 1905-го по май 1906-го было убито: генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников – 8, вице-губернаторов и советников губернских правлений – 5, полицеймейстеров, уездных начальников и исправников – 21, жандармских офицеров – 8, генералов (строевых) – 4, офицеров (строевых) – 7, приставов и их помощников – 79, околоточных надзирателей – 125, городских – 346, урядников – 57, стражников – 257, жандармских нижних чинов – 55, агентов охраны – 18, гражданских чинов – 85, духовных лиц – 12, сельских властей – 52, землевладельцев – 51, фабрикантов и старших служащих на фабриках – 54, банкиров и крупных торговцев – 29.

В 1907 году каждый день от рук террористов погибало в среднем 18 человек.

ПО ПРОЗВИЩУ «ЗВЕРЬ»

Однако первые выстрелы в Москве прозвучали все же не на Пресне, а поблизости – у сада «Аквариум», что рядом с Триумфальной площадью. Вечером 8 декабря эсеровская боевая дружина обстреляла здесь казачий отряд, присланный для разгона митинга, который она охраняла.

Московские революционеры не ограничились призывами убивать городских без разбора и громить полицейские участки. Вечером 15 декабря они привели в исполнение собственный приговор в отношении начальника московской сыскальной полиции 37-летнего Александра Войлошникова, хотя тот по роду службы не имел прямого касательства к преследованиям по политическим делам. Вот как рассказывала об этой расправе консервативная газета «Новое время»: «Около 6 часов вечера у дома Скворцова в Волковом переулке на Пресне появилась группа вооруженных дружинников... в квартире Войлошникова раздавался звонок с парадного хода. Прислуга не отворила... С лестницы стали кричать, угрожая выломать дверь и ворваться силою. Тогда Войлошников сам приказал открыть дверь. В квартиру ворвалось шесть человек, вооруженных револьверами... Пришедшие прочли приговор революционного комитета, согласно которому Войлошников должен был быть расстрелян... В квартире поднялся плач, дети бросились умолять революционеров о пощаде, но те были непреклонны. Они вывели Войлошникова в пе-

В районе Пресни шли наиболее ожесточенные бои

сковского университета близко знавшие современники (в числе которых писатель Леонид Андреев) запомнили как «прирожденного бунтаря», человека «отчаянного мужества». Его головорезы (одного из них, безработного Евгения Зверева, в своем кругу так и называли – «Зверем») отличились не только на Пресне, но и на Чистых прудах, и на линии Казанской железной дороги.

исхода не усомнились даже ближайшие соратники Володи.

К нормальной жизни Москва вернулась только 20–21 декабря 1905 года, когда мятеж был окончательно подавлен. За прошедшие полторы недели от рук революционеров и правительственных «успокоителей» погибли сотни простых горожан, в том числе 86 детей. Но не это заботило партийных лидеров. Размышляя впоследствии об итогах декабрьской бойни, они любили порассуждать о «партизанской» тактике боевиков, доказавшей возможность успеха в уличной борьбе с войсками и посрамившей пессимизм западноевропейской социал-демократии на этот счет; правда, в то же время Владимир Ленин упрекал инсургентов за оборотительный характер их действий.

Но главное все же заключалось в другом: в декабре 1905 года русские революционеры впервые действовали в условиях гражданской войны и, ослепленные «классовой ненавистью» и движимые ложно понятой «революционной целесообразностью», научились убивать сограждан, отбрасывая самые элементарные нормы цивилизованного человеческого общежития. Партизанщина им в дальнейшем не пригодилась, но этот опыт, как потом верно отметил большевистский вождь, «не пропал даром». Зверь революции лизнул горячей человеческой крови. В годы Гражданской войны счет жертвам красного террора шел уже на сотни тысяч.

Дмитрий Павлов,
доктор исторических наук

ОКОЛО ДВУХ ТЫСЯЧ БОЕВИКОВ действовало в Москве в дни Декабрьского вооруженного восстания 1905 года

реулков, где тут же у дома приговор и был приведен в исполнение... Революционеры, оставив труп в переулке, скрылись. Тело покойного было подобрано родными».

В те же декабрьские дни пресненские боевики «предали смерти через удушение» А.Н. Юшина, брандмейстера пожарной части при Прохоровской мануфактуре, чем-то им не угодившего; ими также были расстреляны околоточный надзиратель Пресненской части В.А. Сахаров, надзиратель Суцевской части Яковинский, десятки рядовых блюстителей уличного порядка.

Как вскоре выяснилось, бессудной и бессмысленной казнью Войлошникова, не вызванной никакой, даже революционной, необходимостью, руководил знаменитый тогда среди московских революционеров сорви-голова Володя – 24-летний Владимир Мазурин, будущий максималист-экспроприатор, одним из революционных титулов которого был «истребитель городских». Этого представителя известной московской купеческой фамилии и бывшего студента Мо-

После подавления Декабрьского восстания Владимир Мазурин бежал из Москвы, но прятался недолго. В революционных кругах о нем снова заговорили в марте 1906 года, когда он организовал

и возглавил невиданное по дерзости и масштабам ограбление Московского купеческого общества взаимного кредита на Ильинке. «Экспропрированный» тогда почти 1 млн современных рублей (875 тыс. царских) пошел на организацию упомянутого выше покушения на премьер-министра Петра Столыпина, совершенного на Аптекарском острове в Петербурге 12 августа 1906 года. Вскоре Мазурин был арестован и 1 сентября повешен в Таганской тюрьме по приговору военно-полевого суда. В закономерности такого

ЧТО ПОЧИТАТЬ?

Будницкий О.В.
Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000

Гейфман А.
Революционный террор в России, 1894–1917 / Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997

ЯПОНСКОЕ ЗОЛОТО ДЛЯ РУССКОГО БУНТА

РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ БЫЛИ УВЕРЕНЫ: В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ. В ТОМ ЧИСЛЕ И СРЕДСТВА ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В июне 1906 года в Петербурге в издательстве А.С. Суворина вышла в свет брошюра «Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства». В ней были приведены фотокопии писем, которыми в первой половине 1905 года обменивался бывший японский военный атташе в России полковник Акаси Мотодзиро с Конни Циллиакусом и Георгием Деканозовым (Деканозишвили).

ИЗНАНКА РЕВОЛЮЦИИ

Первый из корреспондентов японца был организатором и руководителем Финляндской партии активного сопротивления, образованной в ноябре 1904 года, второй – одним из лидеров созданной в апреле того же года Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. Переписка касалась главным образом закупок и нелегальной отправки в Россию больших партий оружия для революционных организаций. «И японцы, и русские револю-

ционеры в циничном безразличии в выборе средств борьбы оказались достойны друг друга. Одни славу своего оружия запятнали грязью подкупа, другие великое слово свободы осквернили продажей своей Родины», – говорилось в предисловии к брошюре.

Самой крупной секретной акцией, осуществляемой официальным Токио в годы Русско-японской войны (1904–1905), стала операция по дестабилизации Российской империи изнутри. Японцам было важно так

накалить внутривластную обстановку в России, чтобы царское правительство уже не могло вести войну на два фронта — с врагом внешним и внутренним.

Помочь в этом, по мнению японских чиновников, призваны были российские революционные и оппозиционные партии, на прямое финансирование которых Япония передала за почти полтора года войны не менее 1 млн иен (по современному курсу, более 40 млн долларов). Среди получателей японских «грантов», то есть тех, кто готов был во что бы то ни стало заняться организацией массового вооруженного восстания в России, первую скрипку играли эсеры, а также национальные, прежде всего польские, финские и кавказские, партии. Что касается РСДРП, настойчивое стремление лидеров ее большевистского крыла принять участие в дележе японского пирога успехом не увенчалось и, благодаря позиции своего меньшевистского руководства, партия лишь отчасти оказалась замешанной в этих неблагоприятных махинациях.

СТАВКА НА ОКРАИНЫ

Планируя военную кампанию, японские политики и стратеги учитывали рост внутренней напряженности в России, особое внимание обращая на межнациональные столкновения в империи. В сентябре 1903 года токийская газета Nichi-Nichi писала: «Мы разбили Китай с его 400-миллионным населением, разобьем и Россию с ее 150 млн жителей, ненавидящих друг друга и вечно грызущихся между собой, подобно бешеным собакам, запертым в одной клетке». Ставку нужно делать на национальные окраины, подчеркивала газета: там «еще более ненавидят русских, чем мы ненавидим последних».

Конкретный план действий возник после знакомства полковника Акаси Мотодзиро с финским «активистом» Конни Циллиаксом. С началом войны он открыто предсказал победу Японии и не скрывал, что возлагает огромные надежды на поражение России, а именно царизма, видя в этом вернейший путь к расширению финской автономии.

Еще одним потенциальным союзником японцы считали Польскую социалистическую партию (ППС). Центральный революционный комитет ППС взял курс на подготовку массового восстания в союзе с другими революционными национальными партиями. Уже в середине марта 1904 года один из членов ЦРК ППС представил план такого восстания послу Японии

«Джон Графтон» (англ. John Grafton) — пароход 1883 года постройки водоизмещением 315 тонн, известный неудачной попыткой ввоза оружия в Россию в 1905 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ЧЕМ ХУЖЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ» БЫЛО ОДНИМ ИЗ НЕЛЕПЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ ЛЕВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. ВОЙНА С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЗАСЛОНЯЛА ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ»

в Лондоне Хаяси Тадасу. В апреле партия пошла еще дальше, предложив регулярно поставлять японцам сведения о передвижениях российских войск и состоянии армии. А в начале июля в Японию отправился будущий глава Польского государства Юзеф Пилсудский, озвучивший просьбу о материальной поддержке вооруженного восстания...

В августе 1904 года представители ППС вели интенсивные переговоры с эсерами, призывая их объединить усилия для проведения в России терактов, в том числе взрывов поездов, шедших на фронт с амуницией и боеприпасами. Но тогда эсеры, опьяненные своим недавним успехом на террористическом поприще — убийством в Петербурге 15 июля 1904 года министра внутренних дел Вячеслава Плеве, отказались от сотрудничества. Кстати, известие о гибели Плеве вызвало в Японии «нескрываемое ликование». Как доносили российские резиденты в

Токио, японские студенты прямо заявляли, «будто все последние политические покушения в России подготовливались японскими и английскими агентами, кои поддерживают действующую у нас революционную пропаганду материальными средствами».

ПАТРИОТЫ И ЯПОНОФИЛЫ

Русско-японская война разделила российское общество на патриотов и японофилов, причем в первые недели воору-

женного конфликта голос последних был совсем слабым. Однако по мере развития трагических для России событий на полях Маньчжурии массовые и открытые проявления патриотических чувств начали сходиться на нет. С весны 1904 года все более заметным общественным настроением становились безразличие, скепсис, а то и прямое сочувствие японцам, названное современниками «японофильством».

Гимназисты одной из витебских гимназий кричали: «Да здравствует Япония!», а петербургские студенты-путейцы планировали направить микадо сочувственный адрес. В апреле японские газеты напечатали письмо из галицийского Львова от «польской молодежи» с «горячими пожеланиями славной победы» Стране восходящего солнца в этой войне.

Судя по жандармским источникам, наиболее широкое распространение японофильство получило в среде профессиональных политиков, особенно либерального и леворадикального направлений, и на окраинах империи.

О настроениях в эмигрантских кругах этих лет писала журналистка и член ЦК кадетской партии Ариадна Тыркова-Вильямс, которая в почти всеобщем левом антиправительственном угаре «с болью переживала русские поражения». «Чем хуже, тем лучше» было одним из нелепых изречений левой интеллигенции, — вспоминала она. — Порт-Артур сдался. Французы выражали нам соболезнования, а некоторые русские эмигранты поздравляли друг друга с победой японского оружия. Война с правительством заслоняла войну с Японией».

«КАК ОН СМЕЛ? МЕРЗАВЕЦ!»

Уже в октябре 1904 года Акаси Мотодзиро перешел к прямому субсидированию деятельности ряда российских революционных партий. Представители некоторых из них, видимо, даже получили право

Юзеф Пилсудский

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

предлагать от лица Японии финансовую поддержку третьим организациям. В конце 1904-го с подобным предложением к тогдашнему идеологу либерального «Союза освобождения» философу Петру Струве обратился некий социалист-революционер.

«Это случилось в Пасси¹, – пишет Ариадна Тыркова-Вильямс, – у [П.Б. Струве] дома. Мы... сидели наверху, в библиотеке, и вдруг услышали вопль. Петр Бернгардович на лестнице на кого-то кричал диким голосом. Потом раздался громкий топот по ступенькам. Он кого-то провожал, вернее, выпроваживал. С шумом захлопнулась входная дверь. Опять топот по ступенькам. Красный, растрепанный, влетел Струве к нам... Кружась по тесной комнате, рассказал нам, что к нему явился знакомый социалист-революционер. Насколько помню, фамилия его была Максимов. Он пришел, чтобы от имени японцев предложить Струве денег на расширение революционной работы.

Струве насканивал на нас... и, потрясая кулаками, вопил:

– Мне, вы понимаете, мне, предлагать японские деньги?! Как он смел? Мерзавец!»

Примерно тогда же «практические предложения» материальной помощи от японского правительства вновь получили меньшевики, бундовцы, латышские социал-демократы и социал-демократы Польши и Литвы, но, к их чести будет сказано, от нее отказались.

КУРС НА ВОССТАНИЕ

Январские события 1905 года в Петербурге вызвали оживление и пробудили большие надежды революционеров. Стремительное развитие антиправительственных настроений настоятельно требовало консолидации всех революционных партий.

Основой для объединения сил могла стать непосредственная подготовка к вооруженному восстанию – идея о его начале буквально носилась в воздухе. Призыв к нему эсеры сделали основным тактическим лозунгом. Так, в одном из февральских номеров газеты «Революционная Россия», центрального органа этой партии, рядовым эсерам настойчиво предлагалось отбросить «сомнения и предубеждения против всяких боевых средств» и тотчас использовать все виды борьбы с правительством – от массовых акций с оружием в руках до «партизанско-террористических» выступлений «по всей линии». «Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений – вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара

¹ Район Парижа на правом берегу Сены, прилегающий к Булонскому лесу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Деятели социалист-федералистской революционной партии Грузии.

В центре полулежит Георгий Деканозов (Деканозишвили). Сидят (слева направо): Арчил Джорджадзе, Михаил (Михако) Церетели. Стоят: Александр (Сандро) Габуниа, Командо Гогелиа и Варлам Черкезишвили (Черкезов). Женева. 1904

все и всякие революционеры», – утверждал Владимир Ульянов (Ленин) на третий день после Кровавого воскресенья.

Впрочем, надо полагать, Акаси Мотодзиро и Циллиакус вовсе не рассчитывали на головокружительные результаты восстания и уж тем более были равнодушны к вопросам будущего (после свержения самодержавия) политического устройства России. Используя революционный настрой питерских рабочих, они стремились учинить грандиозный кровопролитный «фейерверк», который стал бы детонатором взрыва на национальных окраинах империи, в том числе в Финляндии.

Революционеры о таких тонкостях не догадывались. По их подсчетам, для успеха восстания в столице требовалось порядка 12 тыс. боевиков плюс оружие. Японские деньги являлись хорошим подспорьем в этом деле.

Первая партия оружия была приобретена в самом начале 1905 года: сметливый Конни Циллиакус закупил в Гамбурге 6 тыс. «маузеровских пистолетов». Но они предназначались финским и польским революционерам.

В феврале Циллиакус запросил у Японии новых субсидий, обещая, что к лету 1905 года революционерам удастся «разжечь большое движение». По предварительным расчетам полковника Акаси, для этого нужно было всего 440–450 тыс. иен (в дальнейшем цифра удвоилась).

Несмотря на то что приготовления, по заверениям Конни Циллиакуса, шли «превосходно», японские деньги «таяли, как снег на солнышке», и Акаси Мотодзиро нервничал и выказывал недовольство «настоящей формой революционного движения» в России. «Мы готовы... помогать вам материально на приобретение оружия, – говорил он Георгию Деканозишвили 2 мая 1905 года, – но самое главное, чтобы движению этому не давать остывать и вносить таким образом в русское общество элемент постоянного возбуждения и протеста против правительства».

«ДЖОН ГРАФТОН»

Разработанный Конни Циллиакусом план предусматривал выгрузку доставленного из Европы оружия в районе Выборга и передачу его в руки рабочих. Сначала местом закупки заговорщики выбрали Гамбург. Здесь в июне 1905 года финскому «активисту» удалось-таки приобрести большую (2,5–3 тыс. штук) партию револьверов Webley с патронами. Однако наблюдение за главой фирмы-продавца показало, что он находится в контакте с российским консулом и другими «сомнительными русскими». Пришлось срочно переориентироваться на Швейцарию, где в середине июля было закуплено около 25 тыс. снятых с вооружения винтовок и свыше 4 млн патронов к ним. Треть винтовок и чуть более четверти боеприпасов, писал Акаси Мотод-

зиру, предполагалось направить в Россию через Черное море, а остальное – на Балтику.

С помощью торгового агента японской фирмы Takada & Company и некоего англичанина часть оружия (по некоторым данным, 15,5–16 тыс. винтовок, 2,5–3 млн патронов, 2,5–3 тыс. револьверов и 3 тонны взрывчатых веществ) была скрытно перевезена сначала в Роттердам, а затем в Лондон. У лондонского судовладельца Кларка был приобретен главный перевозчик опасного груза – старый (1883 года постройки) 315-тонный пароход «Джон Графтон», который вскоре отправился в путь...

18 августа корабль выгрузил часть оружия к северу от Виндау; но, не найдя никого в условленном месте, команда не смогла этого сделать в ключевом пункте – на острове близ Выборга. Необходимо было срочно корректировать планы. Рано утром 7 сентября 1905 года «Джон Графтон» (правда, в предыдущие три дня удалось переправить на берег часть груза в районе портовых финских городов Кеми и Пиетарсаари) в сильном тумане налетел на каменистую отмель в 22 км от Пиетарсаари. Команда попыталась спрятать оружие на соседних островах, но это ей оказалось не под силу. Полностью выгрузили лишь взрывчатку, и 8 сентября корабль был взорван. Так бесславно завершилась эпопея с ввозом оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон».

С его обломков, долгое время находившихся на плаву, со дна моря и из тайников на близлежащих к месту кораблекрушения островах жандармами и пограничной стражей было извлечено без малого две трети остававшихся к 7 сентября на борту винтовок, вся взрывчатка, огромное количество патронов, винтовочных штыков, детонаторов и других боеприпасов. Сохранились отчеты: в общей сложности к концу октября 1905 года там было найдено 9670 винтовок Vetterli, около 4 тыс. штыков к ним, 720 револьверов Webley, порядка 400 тыс. винтовочных и 122 тыс. револьверных патронов, примерно 192 пуда (свыше 3 тонн) взрывчатого желатина, 2 тыс. детонаторов и 13 футов бикфордова шнура. Еще раньше таможенники выявили тайник на необитаемом острове в районе Кеми, из которого изъяли 660 кавалерийских карабинов шведского производства и 120 тыс. патронов к ним.

Не обнаруженное властями оружие разошлось среди местного населения, порядка 500 стволов попало в руки револю-

ционеров, в том числе социал-демократов, около 300 досталось финским «активистам». Интересно, что источники отмечают наличие винтовок Vetterli в Москве в декабре 1905 года. В Финляндии же они эпизодически появлялись вплоть до Гражданской войны.

Безусловно, провал оружейной экспедиции явился жестоким ударом для революционных вождей. Впрочем, некоторые большевики, вероятно, в глубине души не очень-то верили в успех этого предприятия. «У нас утонул пароход с оружием – есть от чего быть не в духе», – бодро говорил товарищ П.П. Румянцев» писательнице Надежде Тэффи, о чем она, в свойственной ей ироничной манере, пишет в своих мемуарах. «И прибавлял со вздохом: – Едемте в «Вену» [литературный ресторан. – Прим. ред.], хорошенько позавтракаем. Наши силы еще нужны рабочему движению».

КАВКАЗСКИЙ «СИРИУС»

Провал экспедиции «Джона Графтона» заставил заговорщиков предпринять новую попытку такого же рода, ориентированную, правда, уже не на северо-запад, а на юг России. Собственно, речь шла о том, чтобы вернуться к уже когда-то намеченному плану.

Закавказье как место доставки оружия было, конечно же, выбрано не случайно. Брожение здесь, начавшееся еще в 1902 году в основном в сельских районах, к 1905-му приняло формы настоящей революции. По всему Закавказью прокатилась волна аграрных беспорядков, забастовок и стачек в промышленных центрах.

В городах и за их пределами создавались боевые дружины и «Красные сотни», на вооружение и содержание которых собирались деньги. На этом фоне резко обострились межнациональные противоречия между армянами и азербайджанцами. Конфликты на национальной почве привели к массовым, ожесточенным и кровопролитным столкновениям.

Пароход «Сириус» водоизмещением 597 тонн был куплен на японские деньги по заданию Георгия Деканозишвили в конце августа или начале сентября 1905 года. 22 сентября под голландским флагом никем особо не замеченный «Сириус» мирно вышел из порта Амстердама и взял курс на юг. На его бор-

ту находилось 8,5 тыс. винтовок Vetterli и от 1,2 до 2 млн патронов к ним. Преодолев без приключений Черное море, 24 ноября корабль прибыл к месту назначения – в район Потти. В течение пяти дней доставленное им оружие и боеприпасы перегружались на четыре баркаса, которые затем шли к заранее определенным местам на побережье.

В ночь на 25 ноября в Потийском порту был разгружен первый баркас. Работой занимались местные жители под руководством представителей потийской социал-демократической организации. Они были атакованы пограничниками, но, несмотря на это, в город удалось переправить и спрятать там свыше 600 винтовок и 10 тыс. патронов. Правда, через несколько дней, по данным британского консула на Кавказе, все эти 600 винтовок, укрытые в окрестном лесу, были обнаружены и конфискованы властями. К слову, поиски боеприпасов, спрятанных в рабочих кварталах Потти, вызвали забастовку в порту и на других предприятиях города.

Второй баркас был задержан в море близ местечка Анаклия. Тут власти конфисковали 1200 винтовок и 220 тыс. патронов. Однако часть груза команде удалось переправить на берег еще до ареста, в районе Редут-Кале.

Судьба оружия, находившегося на третьем баркасе, который был разгружен недалеко от Гагр, до конца не ясна. Известно только, что одна партия (900 винтовок) в начале декабря была скрыта в имении князя Инал-Ипа, а другая перевезена в Сухуми.

Четвертый баркас благополучно достиг берега в районе Батуми, и винтовки с него были перемещены в ряд населенных пунктов Кутаисской губернии. Таким образом, большая часть оружия с «Сириуса» была доставлена по назначению, власти конфисковали лишь 2–2,5 тыс. винтовок и около 0,5 млн патронов...

Так помогла ли Япония русской революции? Да, в 1904–1905 годах руководители революционных организаций продемонстрировали безусловную готовность пренебречь общегосударственными интересами и пойти на соглашение с военным противником России ради достижения своих партийных целей. И тем не менее субсидирование российских революционеров из

Токио не повлияло сколь-нибудь заметным образом ни на итог Русско-японской войны, ни на ход революции в России, которая развивалась по собственным внутренним законам. В этом смысле японская разведка сработала вхолостую, и огромные средства были потрачены напрасно.

Дмитрий Павлов,
доктор исторических наук

Акаси
Мотодзиро

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛЮТАРЕВЫМ

Что почитать?
Павлов Д.Б. Японские деньги и первая русская революция. М., 2011

Ф.И. Тютчев (1803–1873)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТОВАРЕВЫМ

Федор Тютчев РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Записка «Россия и Революция» была продиктована Ф.И. Тютчевым спустя почти шесть десятилетий после Великой французской революции 1789 года и почти за шесть десятилетий до Первой русской революции 1905–1907 годов. Под впечатлением от событий во Франции, где в результате свержения короля Луи-Филиппа I была установлена Вторая республика, 12 апреля 1848 года Тютчев диктует жене текст, давно уже ставший классикой консервативной мысли.

Анализируя природу европейского революционного процесса, поэт и философ дает оценку и актуальному для его времени раскладу сил в Европе, уделяя особое внимание росту антироссийских настроений в Германии и Австрии. Враждебность государств Европы его не пугает: «именно самые заклятые враги России с наибольшим успехом способствовали развитию ее величия», подчеркивает он. Позже в одном из своих писем Тютчев отметил: «Теперь никакой действительный прогресс не может быть достигнут без борьбы. Вот почему враждебность, проявляемая к нам Европой, есть, может быть, величайшая услуга, которую она в состоянии нам оказать. Это, положительно, не без промысла. Нужна была эта, с каждым днем все более явная враждебность, чтобы принудить нас углубиться в самих себя, чтобы заставить нас осознать себя. А для общества, так же как и для отдельной личности – первое условие всякого прогресса есть самопознание».

Д

ля уяснения сущности огромного потрясения, охватившего ныне Европу, вот что следовало бы себе сказать. Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества.

Факт такого противостояния всем сейчас бросается в глаза, однако отсутствие ума в нашем веке, отупевшем от рассудочных силлогизмов, таково, что нынешнее поколение, живя бок о бок со столь значительным фактом, весьма далеко от понимания его истинного характера и подлинных причин.

До сих пор объяснения ему искали в области сугубо политических идей; пытались определить различия в принципах чисто человеческого порядка. Нет, конечно, распря, разделяющая Революцию и Россию, совершенно иначе связана с более глубокими причинами, которые можно обобщить в двух словах.

Прежде всего Россия – христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более душевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего – враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления – все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром. Кто этого не понимает, тот уже в течение шестидесяти лет¹ присутствует на разыгрывающемся в мире спектакле в качестве слепого зрителя.

¹ Т. е. со времени Великой французской революции.

«УЖЕ ДАВНО В ЕВРОПЕ СУЩЕСТВУЮТ ТОЛЬКО ДВЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ: РЕВОЛЮЦИЯ И РОССИЯ. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества»

Человеческое «я», желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое «я», заменяющее собой Бога, конечно же, не является чем-то новым среди людей; новым становится самовластие человеческого «я», возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом. Это новшество и получило в 1789 году имя Французской революции.

С того времени Революция во всех своих метаморфозах сохранила верность собственной природе и, видимо, никогда еще не ощущала себя столь сокровенно антихристианской, как в настоящую минуту, присвоив христианский лозунг: братство. Тем самым можно даже предположить, что она приближается к своему апогею. В самом деле, не подумает ли каждый, кто услышит наивно богохульственные разглагольствования, ставшие как бы официальным языком нашей эпохи, что новая Французская республика явилась миру, дабы исполнить евангельский закон?

Ведь именно подобное призвание торжественно приписали себе созданные ею силы, правда с одной поправкой, которую Революция приберегла для себя, – дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие – принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом. За исключением отмеченных различий, ее господство на самом деле обещает стать Царством Христа. <...>

Пока законные власти вступали в более или менее искусные дипломатические отношения с псевдозаконностью, а государственные люди и дипломаты всей Европы присутствовали в Париже как любопытные и доброжелательные зрители на парламентских состязаниях в красноречии, революционная партия, почти не таясь, безостановочно подрывала почву под их ногами.

Можно сказать, что главная задача этой партии, в течение последних восемнадцати лет, заключалась в полнейшем революционизировании Германии, и теперь можно судить, хорошо ли она выполнена.

Германия, бесспорно, – та страна, о которой уже давно складываются самые странные представления. Ее считали страной порядка, потому что она была спокойна, и не хотели замечать жуткой анархии, которая в ней заполняла и опустошала умы.

Шестьдесят лет господства разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство – гордыню ума – столь успешно, что в наше время эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко растравленной, как в Германии. По мере своего революционизирования Германия с неизбежной последовательностью ощущала в себе возрастание ненависти к России. В самом деле, тяготясь оказанными Россией благодеяниями, Германия не могла не питать к ней неистребимой неприязни. Сейчас этот приступ ненависти, кажется, достиг своей кульминации; он восторжествовал не только над рассудком, но даже над чувством самосохранения.

Если бы столь прискорбная ненависть могла внушать нечто иное, кроме жалости, то Россия, безусловно, почитала бы себя достаточно отмщенной тем зрелищем, которое представила миру Германия после Февральской революции². Это едва ли не беспримерный факт в истории, когда

² Имеются в виду революционные волнения во Франции в феврале 1848 года.

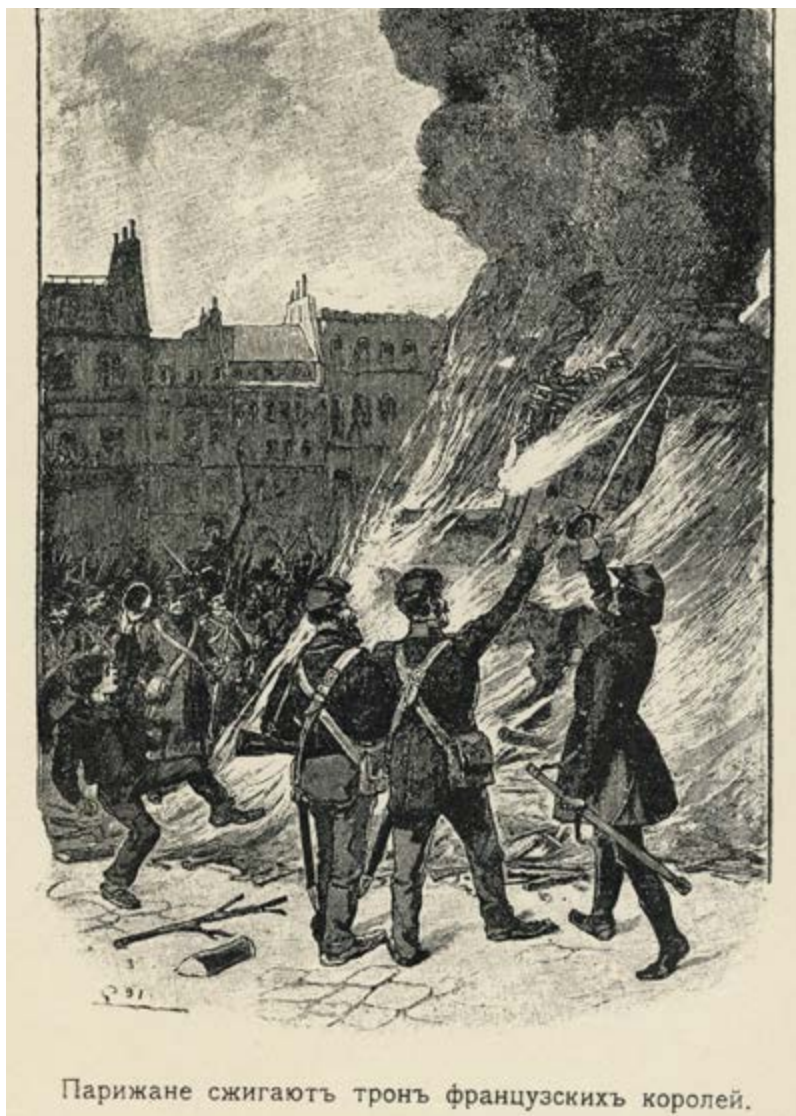
Бой на баррикадах у Кельнской ратуши
въ Берлинѣ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ «Я», ЖЕЛАЮЩЕЕ ЗАВИСЕТЬ ЛИШЬ ОТ САМОГО СЕБЯ, НЕ ПРИЗНАЮЩЕЕ И НЕ ПРИНИМАЮЩЕЕ ДРУГОГО ЗАКОНА, КРОМЕ СОБСТВЕННОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ «Я», ЗАМЕНЯЮЩЕЕ СОБОЙ БОГА, не является чем-то новым среди людей. Новым становится самовластие человеческого «Я», возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом»

целый народ становится подражателем другого народа, в то время как тот предается самому разнузданному насилию.

И пусть не говорят в оправдание этих столь очевидно искусственных движений, перевернувших весь политический строй Германии и подорвавших само существование общественного порядка, что они вдохновлялись искренним и всеобщим чувством германского единства. Допустим, что такие чувства и желания искренни и отвечают чаяниям подавляющего большинства. Но что это доказывает?.. К наиболее безумным заблуждениям нашего

Парижане сжигают тронъ французскихъ королей.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

времени относится представление, будто страстное и пламенное желание большого числа людей в достижении какой-либо цели достаточно для ее осуществления. Впрочем, следует согласиться, что в сегодняшнем обществе нет ни одного желания, ни одной потребности (какой бы искренней и законной она ни была), которую Революция, овладев ею, не исказила бы и не обратила в ложь. Именно так и случилось с вопросом германского единства: для каждого, кто не совсем утратил способность признавать очевидное, отныне должно быть ясно, что на избранном Германией пути разрешения этой проблемы ее ожидает в итоге не единство, а страшный распад, какая-нибудь окончательная и безысходная катастрофа. <...>

Взгляните на Австрию, обесславленную, подавленную, разбитую сильнее, нежели в 1809 году³. Взгляните на Пруссию, обреченную на самоубийство из-за ее рокового и вынужденного потворства польской партии. <...> Повсюду анархия, нигде нет власти, и все это под влиянием Франции, где бурная социальная революция готова вылиться в политическую революцию, разъединяющую Германию.

Отныне для всякого здравомыслящего человека вопрос германского единства является уже решенным. Нужно обладать свойственным немецким идеологам особым непониманием, чтобы всерьез задаваться вопросом, имеет ли сборище журналистов, адвокатов и профессоров, собравшихся во Франкфурте и присвоивших себе миссию

³ Речь идет о поражении Австрии от Наполеона при Ваграме (1809).

возобновления времен Карла Великого, какие-то весомые шансы на успех в предпринятом деле, может ли оно достаточно мощно и искусно вновь поднять на столь колеблющейся почве опрокинутую пирамиду, поставив ее острой вершиной вниз.

Вопрос уже вовсе не в том, чтобы знать, будет ли Германия единой, а в том, удастся ли ей спасти хотя бы частицу своего национального существования после внутренних потрясений, способных усугубиться вероятной внешней войной. <...>

Теперь весь вопрос заключается в том, чтобы суметь определить, разразится ли борьба прежде, чем мнимые консерваторы успеют своими радениями и безумствами подорвать все элементы силы и сопротивления, еще оставшиеся в Германии. Одним словом, решатся ли они, атакуемые республиканской партией, увидеть в ней всамделишный авангард французского вторжения и найдут ли в себе достаточно энергии, чувствуя угрозу национальной независимости, для беспощадной борьбы с республикой не на жизнь, а на смерть; или же, во избежание такой борьбы, они предпочтут какую-нибудь видимость мирового соглашения, которое, в сущности, оказалось бы с их стороны лишь скрытой капитуляцией.

В случае осуществления последнего предположения нельзя не признать, что вероятность крестового похода против России, крестового похода, который всегда был заветной мечтой Революции, а теперь стал ее воинственным кличем, превратилась бы в почти твердую уверенность; тогда пробил бы час решающей схватки, а полем сражения оказалась бы Польша. <...>

Но если правда, что Россия в нынешних обстоятельствах менее чем когда-либо имеет право обескураживать питаемые к ней симпатии, то будет справедливым признать, с другой стороны, существование исторического закона, провиденциально управлявшего до сих пор ее судьбами: именно самые заклятые враги России с наибольшим успехом способствовали развитию ее величия. <...>

Тысячелетние предчувствия совсем не обманывают. У России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не устрашится величия своих судеб, не отступит перед своим призванием.

И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре – Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками...

И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?..

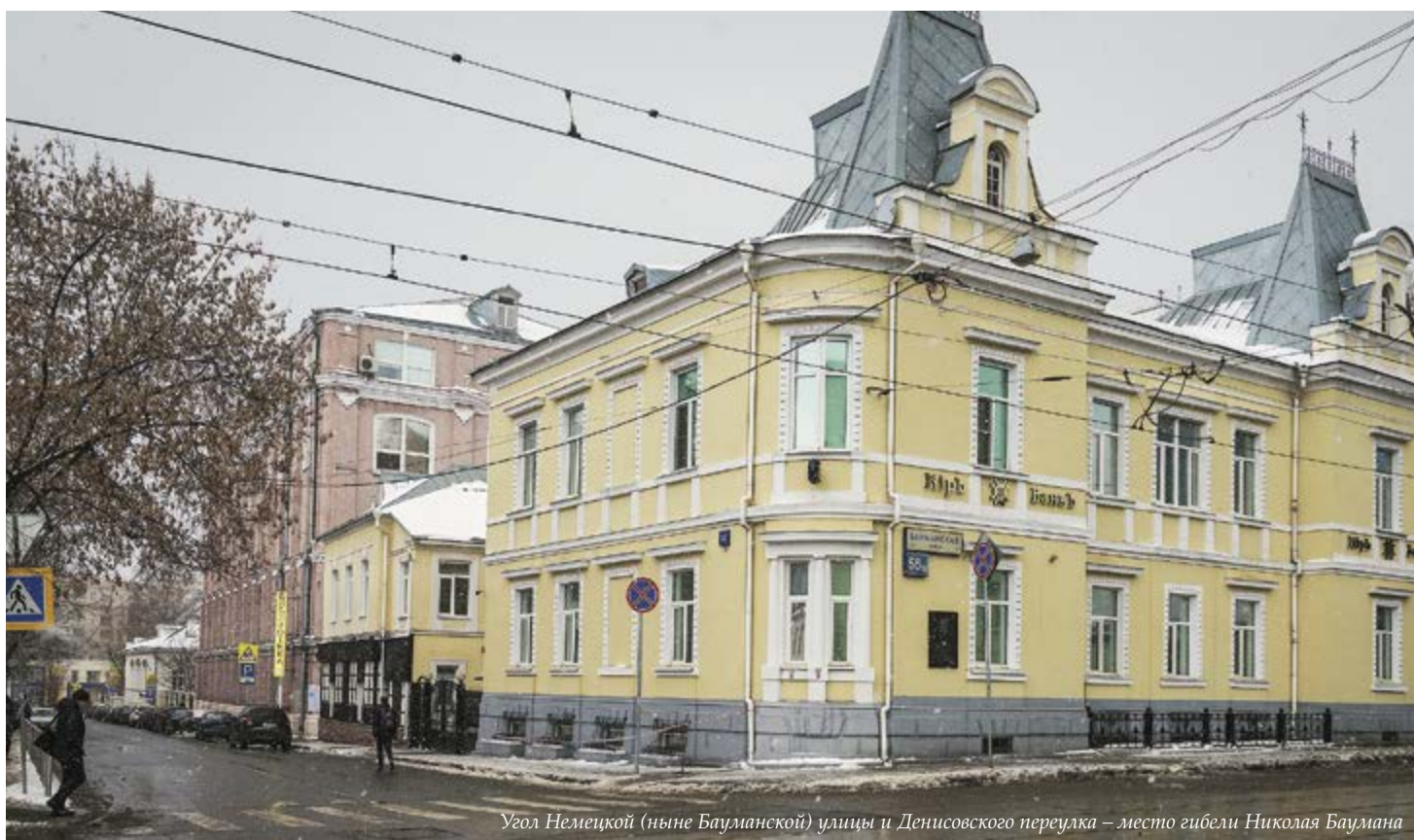
Перевод с франц. Б.Н. Тарасова

«В СЕГОДНЯШНЕМ ОБЩЕСТВЕ НЕТ НИ ОДНОГО ЖЕЛАНИЯ, ни одной потребности (какой бы искренней и законной она ни была), которую Революция, овладев ею, не исказила бы и не обратила в ложь»

ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ

НА КАРТЕ МОСКВЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕМАЛО УЛИЦ, НАЗВАННЫХ
В ЧЕСТЬ БОЕВИКОВ 1905 ГОДА

Угол Немецкой (ныне Бауманской) улицы и Денисовского переулка – место гибели Николая Баумана

СЕРГЕЙ БАСОВ

Это в лихие 1990-е переименовывали направо и налево: старым улицам и площадям возвращали их исторические названия, стирая с карты Москвы – одним скопом – как имена революционеров и советских государственных деятелей, так и имена писателей, артистов и поэтов. Давно уже вернули до-революционные названия Малой Ордынке (в советское время улица А.Н. Островского) и Ильинке (бывшая Куйбышева), Большой Дмитровке (Пушкинская) и Малой (улица А.П. Чехова), Брюсову (улица Неждановой) и Газетному переулкам (улица Огарева) и многим другим.

Сейчас столичные власти не торопятся менять таблички с названиями улиц,

что бы имя они ни увековечивали. Может, оно и верно: история «не терпит суеты». А когда-то доходило до курьезов: улицу Разина переименовали обратно в Варварку, а названия в честь его «коллеги» Емельяна Пугачева улицам 1-й и 2-й Пугачевским оставили. Каляевской улице, которая с 1924 года носила имя террориста Ивана Каляева, в феврале 1905-го прямо в Кремле убившего великого князя Сергея Александровича, историческое название вернули: она снова Долгоруковская. Между тем Халтуринская улица, с 1925 года прославляющая имя другого террориста – Степана Халтурина, который в 1880 году устроил неудачное покушение на Александра II непосредственно в Зимнем дворце, так и не стала Прогонной, как было до революции.

Впрочем, что значит неудачное? Император по счастливой случайности не пострадал, но 11 солдат, несших службу в его резиденции, были убиты взрывом, еще 56 человек получили ранения. Все могло быть и куда хуже: Халтурин натаскал в Зимний столько динамита, что чуть было не разрушил здание. В 1882-м террориста все-таки казнили по решению военно-полевого суда: «удача» ненадолго ему улыбнулась – вместе с товарищем он убил одесского прокурора, но их обоих тут же скрутили прохожие. Кстати, в Петербурге улице Халтурина возвращено старое название – это знаменитая Миллионная, на которую выходит портик Нового Эрмитажа с не менее знаменитыми атлантами...

Но Халтуриным парадоксы московских топонимов не ограничиваются.

На карте столицы по-прежнему есть площадь Бела Куна, названная так в 1986 году в честь венгерского коммуниста, который в 1919-м устроил «мировую революцию» у себя на родине, а потом, после провала этой кровавой затеи, прибыл в Советскую Россию. Примерно с той же «миссией»: в конце 1920 года Бела Кун вместе с Розалией Землячкой жестоко расправлялись в Крыму с теми, кто не успел уплыть с врангелевцами в Константинополь и кто, по мнению большевиков, представлял угрозу новой власти.

Счет шел на десятки тысяч: в недавнем вышедшем на экран фильме Никиты Михалкова «Солнечный удар» точно передана атмосфера массового революционного террора в Крыму. «Бывшим» (не только офицерам, но и чиновникам, духовенству, простым служащим), так или иначе сотрудничавшим с белыми, – всем, кому командарм Михаил Фрунзе при наступлении красных дал гарантии безопасности, – следовало зарегистрироваться в новых органах власти. По этим спискам их и выводили на расстрел. Хорошо хоть улице Землячки вернули прежнее имя – Большая Татарская...

Есть, наконец, улица Войкова, пять Войковских проездов, Войковский район и одноименная станция метро. Все они названы в память об убитом в Варшаве в 1927 году советском дипломате Петре Войкове. В июле 1918-го он имел отношение к расстрелу царской семьи в Екатеринбурге. Вот и удостоился чести.

Первая русская революция, разумеется, не могла не оставить на карте Москвы имен своих наиболее активных деятелей. Самый известный революционер 1905 года, имя которого было увековечено при советской власти, – **Николай Бауман (1873–1905)**. В память о нем до сих пор названы улицы (Бауманская и 2-я Бауманская), станция метро, сад, два моста и микрорайон с родовой усадьбой Романовых Измайлово (Городок имени Баумана). Столь старательное увековечивание памяти этого деятеля большевистского крыла РСДРП было связано с тем, что, в отличие от многих его «коллег», устроивших осенью-зимой 1905-го кровавый беспредел в Москве, Николай Бауман сам стал одной из первых жертв порожденной им и другими революционерами стихии.

Прозванный за легкость перехода границы «Грачом», Бауман в 1903 году по поручению Владимира Ульянова (Ленина) вернулся из Цюриха в Москву. Нужно было организовывать подпольную типографию, агитировать население на борьбу с «проклятым режимом». У него еще был шанс спастись: в июне 1904-го, когда всполохи будущей революции только появлялись на горизонте, Николая Баумана арестовали, и он почти полтора года просидел в Таган-

СЕРГЕЙ БАСОВ

ской тюрьме. Но царизм, вопреки большевистской пропаганде, был гуманен по отношению к своим врагам: в начале осени 1905 года его выпустили на свободу. Он не успел ею насладиться: 18 октября – на следующий день после опубликования известного царского Манифеста – Бауман был убит.

Это произошло на углу Немецкой (ныне Бауманской) улицы и Денисовского переулка во время демонстрации, организованной Московским комитетом РСДРП. В докладе царю министра юстиции Ивана Щегловитова так описывалось трагическое происшествие: «Во главе демонстрации появился Бауман; выхватив из рук одного участника красный флаг, он сел в извозчичью пролетку и, держа флаг, быстро поехал в направлении Покровки. В это время крестьянин Михалин Николай Федотович, Тамбовской губернии [он работал в Москве на фабрике братьев Щаповых. – Прим. ред.], стоящий на тротуаре, замахнулся на него железной палкой, но последний успел соскочить с пролетки и бросился бежать. Михалин настиг его по-

СЕРГЕЙ БАСОВ

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай Шмит

срдине улицы и ударил по голове, а когда тот упал, ударил еще несколько раз по голове, раздробив ему череп. Бауман в тот же день скончался. Михалин тут же явился в полицейский участок». Правда, в донесении отсутствует одна деталь, о которой свидетельствовали очевидцы: «Долой Бога! Долой царя! Теперь я ваш царь и Бог!» – кричал Николай Бауман из пролетки...

На суде Михалин заявил, что лишил жизни Баумана из ненависти ко всем, кто ходит с красными флагами, и что он намерен таких людей и в дальнейшем убивать. Тамбовский крестьянин также показал, что он потребовал от революционера убрать флаг, а тот в ответ выстрелил в него из револьвера, тогда он и ударил Баумана.

Потом большевистские историки в официальной биографии своего товарища напишут, что он погиб от рук махрового черно-

сотенца. Был ли Михалин таковым, сейчас уже трудно определить. Очевидно лишь, что он действительно поддерживал власть в ее стремлении навести порядок. Поддерживал теми средствами, которые, по его разумению, были наиболее эффективны в тот драматический момент. И таких, как он, в Москве было немало. 22 октября 1905 года газеты сообщали: «Толпа манифестантов осадила окружной суд и потребовала у прокурора Судебной палаты немедленного освобождения убийцы Баумана. Прокурор согласился и отдал распоряжение о немедленном освобождении арестованного. Манифестанты отправились в тюрьму и торжественно вывели оттуда убийцу, устроив ему овацию».

Впрочем, суд над Михалиным все же состоялся. По совокупности: за кражу в Москве из сторожки дома Пасбург самовара и «за убийство в состоянии раздражения» Николая Баумана – он был «приговорен к лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительное арестантское отделение на один год и шесть месяцев». Правда, отсидел Николай Михалин лишь треть срока. «Я нахожу, что Михалин впал в описанное преступление в эпоху революционного движения, когда под влиянием массовых демонстративных действий противорправительственных партий, безмерно оскорблявших патриотические чувства верных сынов Отечества, раздражение последних против виновников смуты достигло крайнего напряжения и выразилось, наконец, в актах насилия над крамольниками, – писал императору Иван Щегловитов. – Посему ввиду чистосердечного сознания осужденного, добровольно отдавшегося в руки правосудия, и понесенного уже им наказания содержанием в течение около шести месяцев под стражею, которым он в достаточной мере искупил свою вину не только за убийство Баумана, но и за учиненную им маловажную кражу, я, со своей стороны, полагаю возможным даровать лишенному всех особенных прав и преимуществ Николаю Федотовичу Михалину помилование». Николай II инициативу министра поддержал.

Похороны же Николая Баумана превратились в грандиозную демонстрацию, использованную большевиками для пропаганды и дальнейшей подготовки восстания: до глубокого вечера гроб с телом несли от Технического училища, которое потом назовут его именем, через всю Москву на Ваганьково.

Кстати, недалеко от Ваганьковского кладбища есть целый район, где множество улиц носят имена, связанные с Первой русской революцией. Доехать туда можно на метро – либо до станции «Баррикадная» (переход на «Краснопресненскую»), либо до «Улицы 1905 года». Именно здесь, на Пресне, в декабре 1905-го шли наиболее кровопролитные бои, возводились баррикады. Во дворах боевики кон-

Мантулинская улица

СЕРГЕЙ БАСОВ

Михаил Николаев

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Улица Николаева

СЕРГЕЙ БАСОВ

чали полицейских, и городовым тут лучше было не появляться: ножи, револьверы, удавки – все шло в дело.

Конечно, революционерам помогали. В том числе и материально. Удивительно, но факт: представители, как тогда говорили, имущих классов охотно жертвовали на революцию. Одним из таких жертвователей был фабрикант **Николай Шмит (1883–1907)**: не путать с лейтенантом Петром Шмитом, поднявшим восстание на крейсере «Очаков» в 1905 году.

Меняющиеся созвучные названия Шмитовского проезда в Пресненском районе столицы заслуживают отдельного рассказа. Шмитовским – в память о революционном фабриканте – он стал в 1931-м. Интересно, что в 1925-м проезд ошибочно назвали Шмитовским, а потом ошибку исправили. Наконец, до революции проезд был Смитовским, поскольку здесь находился завод Ричарда Смита.

История Николая Шмита по-своему уникальна. Его отец был владельцем крупного предприятия в Москве. На Кузнецком Мосту он держал магазин, а его фабрика художественной мебели располагалась в районе Пресни. Мать – наследница богатейшей старообрядческой семьи Морозовых. На приданое невесты Шмит-старший к 1883 году и отстроил фабричные корпуса и двухэтажный особняк для семьи.

Когда отец умер, 20-летний Николай Шмит учился в Московском университете. Уже тогда его увлекли социалистические идеи. Вступив во владение мебельного предприятия на Пресне, он ввел 9-ча-

совой рабочий день вместо 11-часового, повысил заработную плату, открыл при фабрике амбулаторию и школу. А во время декабрьских событий 1905 года Шмит финансировал деятельность революционеров, передав Московскому комитету РСДРП 20 тыс. рублей на вооружение рабочих. Фабрика Шмита стала очагом восстания, за что полицейские прозвали ее «чертовым гнездом». Шмитовцы отчаяннее других сражались на баррикадах. Участвовал в столкновениях с полицией и войсками и сам Николай Шмит.

В ходе тех боев фабрика была разрушена артиллерией, а ее владелец был арестован и вскоре умер в Бутырской тюрьме. Панихида по Николаю Шмиту состоялась в особняке Морозовых, похоронили его на старообрядческом Преображенском кладбище.

Большевики обвиняли в смерти Шмита надзирателей. Однако есть и другая версия. Поговаривали, что его убила не тюремная администрация, а люди, подсланные большевиками. «Шмит никаким физическим пыткам не подвергся. Охранка никогда бы не посмела применить к нему, члену фамилии Морозовых, [таких] приемов, – писал впоследствии бежавший из большевистской России революционер Николай Валентинов в книге «Малознакомый Ленин». – Жандармский офицер из Московского охранного отделения, ведавший делом Шмита, вел с ним «сердечные» разговоры как бы тайком. Обстановка, в которой проходили эти беседы, напоминала скорее отдельный кабинет ресторана (стол с разными яствами и напитками), чем камеру допроса. Наивный, не умеющий лгать Шмит однажды назвал фамилии рабочих, получивших через него оружие, назвал и других лиц, говорил о Савве Морозове и его субсидиях революции».

Такой Николай Шмит большевикам был не просто не нужен – он был опасен. Впрочем, мертвый фабрикант мог принести партии немалую пользу. По свидетельству жены и соратницы Ленина Надежды Крупской, «перед смертью Шмит сумел передать на волю, что завещает свое имущество большевикам». И за его наследство развернулась нешуточная борьба.

У Николая Шмита были две сестры (совершеннолетняя Екатерина и несовершеннолетняя Елизавета) и 15-летний брат Алексей. С помощью «ряда методов» большевики заставили Алексея Шмита отказаться от наследства Николая в пользу сестер. Каждая из них должна была получить по 129 тыс. рублей. Адвокат Николай Андриканис по требованию Владимира Ленина женился на Екатерине Шмит, но передал революционерам лишь треть ее состояния. Большевики начали угрожать адвокату убийством, если он не передаст всех денег. Посредниками в этом деле выступили эсеры:

взяв за «услуги» 15 тыс. рублей, они добились-таки, что в декабре 1908 года Николай Андриканис отдал большевикам еще 85 тыс. рублей. Мужем второй сестры Шмита – по поручению все того же Владимира Ленина – стал большевик Александр Игнатъев. В июне 1908 года партия получила от молодоженов около 80 тыс. рублей. Но в дело вмешались меньшевики: один из их лидеров, Юлий Мартов, заявил Ленину, что оставшиеся примерно 50 тыс. должны быть переданы им. Тяжба между большевиками и меньшевиками тянулась до лета 1915 года, пока третейский суд германских социал-демократов в лице Карла Каутского, Клэры Цеткин и Франца Меринга не постановил, что остаток суммы все же принадлежит большевикам...

В Пресненском районе – самом революционном районе столицы – также находятся улицы Мантулинская, Николаева и Литвина-Седого.

Федор Мантулин (1878–1905) – большевик, рабочий Даниловского Трехгорного сахарного завода, находившегося в Студенецком проезде. В советское время и сам завод, и улица, где тот находился, получили имя этого боевика 1905 года. Мантулин руководил заводской боевой дружиной. 18 декабря, в ходе подавления вооруженного сопротивления на Пресне, он был захвачен отрядом Семеновского полка и расстрелян в заводском дворе.

Его ровеснику **Михаилу Николаеву (1878–1956)** повезло больше. В декабре 1905-го он, рабочий завода «Динамо», был командиром боевой дружины фабрики Шмита на Пресне, однако, в отличие от Николая Шмита и Федора Мантулина, после разгрома восстания ему удалось избежать смерти: гуманный царский суд признал его виновным и... отправил в ссылку. Семье разрешили выехать к нему! После Февральской революции 1917 года Николаев вновь окупился в революционную деятельность. Член партии с 1903 года, с приходом большевиков к власти он служил в ВЧК. Советское руководство высоко оценило заслуги Николаева: в 1934-м ему было присвоено звание Героя Труда. Михаил Николаев дожил до XX съезда партии.

Пережил все революции и член РСДРП с 1897 года **Зиновий Литвин-Седой (1879–1947)**. В июне 1905-го его арестовали, он был заключен в Таганскую тюрьму. Но после оглашения Манифеста 17 октября по амнистии Зиновий Литвин вышел на свободу и тут же включился в активнейшую

борьбу, был одним из руководителей боевого комитета Пресненского совета. После кровавых декабрьских событий он скрылся в Финляндии, в 1906-м участвовал в Свеаборгском восстании солдат и матросов. В конце того же года Литвин уехал на лечение в Швейцарию, позднее жил в Канаде, США, Франции. Вернулся в Россию в 1917 году. В Гражданскую войну был комиссаром полка. В 1921–1939 годах занимал должность директора хлопчатобумажного техникума в Москве. С 1939-го – персональный пенсионер.

Есть на карте Москвы и другие «революционные» точки. Ухтомская улица в районе Лефортово названа в честь **Алексея Ухтомского (1875–1905)**. Он – единственный эсер, имя которого прославлялось после прихода большевиков к власти. Было за что: в 1905 году Ухтомский руководил стачечным комитетом железнодорожников, возглавлял боевую дружину Казанской железной дороги. Во время Декабрьского вооруженного восстания дружина Ухтомского полностью взяла под свой контроль участок Москва – Голутвин: боевики разоружали полицию, резали провода ответственного телеграфа, задерживали воинские эшелоны, шедшие из Маньчжурии.

В ходе подавления восстания Алексей Ухтомский был арестован частями Семеновского полка, 17 декабря с шестью другими дружинниками расстрелян на станции Люберцы.

В память о революционере **Иване Бабушкине (1873–1906)** получила название улица около станции метро «Академическая». Правда, Бабушкин боролся с режимом за пределами столицы. В 1903 году он был арестован в третий раз и на пять лет сослан в Верхоянск. В 1905-м, выйдя на свободу по амнистии, верный большевик вел пропаганду и агитацию среди рабочих и солдат в Сиби-

ри. Правительственные войска задержали его во время сопровождения целого железнодорожного состава с оружием и боеприпасами, следующего из Читы в Иркутск. Вместе с четырьмя поделщиками он был расстрелян без суда и следствия на станции Мысовая (ныне город Бабушкин, Бурятия). Возможно, такой чести – быть увековеченным в названиях улиц и городов – он удостоился во многом благодаря словам вождя большевиков: «Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано исключительно борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин».

Раиса Костомарова

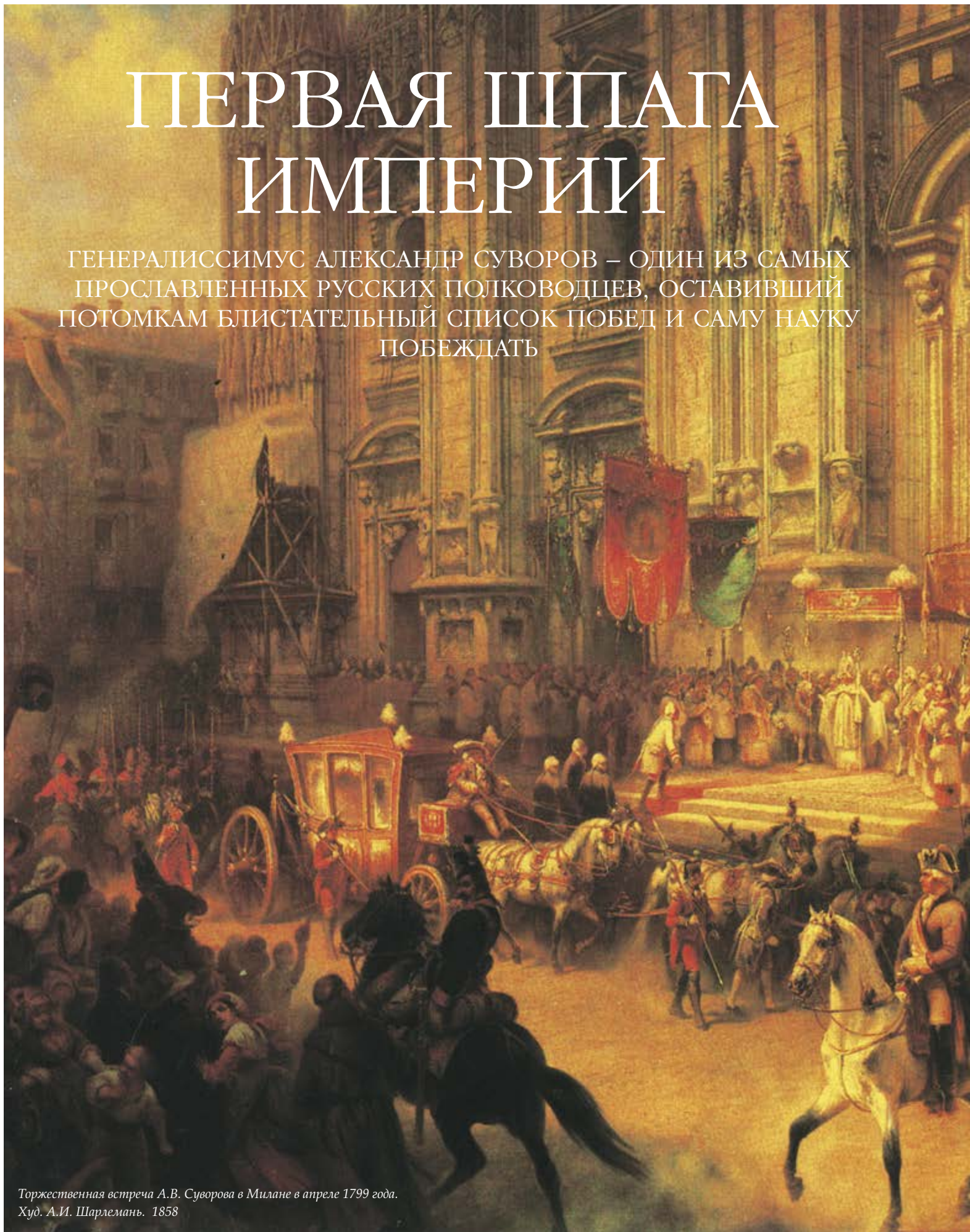

Иван Бабушкин

предоставлено м. золотаревым

ПЕРВАЯ ШПАГА ИМПЕРИИ

ГЕНЕРАЛИССИМУС АЛЕКСАНДР СУВОРОВ – ОДИН ИЗ САМЫХ
ПРОСЛАВЛЕННЫХ РУССКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ, ОСТАВИВШИЙ
ПОТОМКАМ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ПОБЕД И САМУ НАУКУ
ПОБЕЖДАТЬ

*Торжественная встреча А.В. Суворова в Милане в апреле 1799 года.
Худ. А.И. Шарлемань. 1858*

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Россия – воинская держава по образу жизни, по судьбе. И роль исторического героя, олицетворяющего солдатскую доблесть и полководческую славу, для нас первостепенна.

Удивительный факт: всенародный герой, воплотивший в веках образ русского полководца, ни разу не принимал участия в оборонительных войнах. Так сложилось, что, когда Александр Васильевич Суворов (1730–1800) служил в армии, ни одна держава не решалась напасть на Россию. То было время, когда империя набирала силу, прежде всего силу армейскую. Тягалась со Швецией на севере, с Османской империей на юге, а на западе – то с Пруссией, то с Польшей. И Александр Суворов довел до совершенства наступательную тактику, приносившую русской армии победу за победой.

Когда Суворов был молод, офицерство проходило ускоренные курсы современной войны в сражениях с пруссаками. Прусская армия короля Фридриха Великого считалась сильнейшей в мире, и вполне обоснованно. Но судьба распорядилась так, что Суворов через много лет воскликнет: «Русские прусских всегда бивали!»

Точнее и глубже всех объяснил суворовский феномен, пожалуй, поэт-гусар Денис Давыдов: он «положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение». Давыдов был мальчишкой, когда Александр Васильевич благословил его в герои, и партизан 1812 года стал подлинным учеником Суворова.

КАВАЛЕР ВСЕХ ОРДЕНОВ

Официально Александра Суворова величали так: «всех российских и многих иностранных орденов кавалер». Тут необходимо уточнение: он был кавалером всех **высших степеней** российских орденов. А вот низшей степени ордена Святого Георгия в его «иконостасе» не доставало. Почему? Ответ – на острие суворовской шпаги, с которой он штурмовал Ландскрону. То было в 1771 году, во время войны с польскими конфедератами.

В Ландскроне расположились лучшие силы Барской конфедерации, командование которыми осуществлял французский бригадир Шарль Дюмурье, облюбовавший эти укрепления. После быстрых переходов Суворову удалось появиться там, когда Дюмурье не ожидал нападения. Ландскронский замок французский бригадир насытил артиллерией, разместил там полторатысячный гарнизон.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Остальные силы заняли удобные высоты возле крепости: одним флангом польские позиции упирались в обрыв, другим – в укрепления замка. Дюмурие считал позицию неуязвимой, но Александр Суворов принял вызов. Поляки не выдержали кавалерийского напора – и начали паническое бегство. Князь Сапега был убит своими солдатами, когда пытался остановить отступление. В бою за Ландскрону погибли и другие известные заправилы Барской конфедерации, например маршалок Оржевский.

А что же искусный французский бригадир? Как писал Суворов, «Мурье [Дюмурие. – Прим. ред.] управлял делом и, не дождавшись еще карьерной атаки, откланялся по-французскому и сделал антрешат в Бялу на границу». Вспоминая проигранную кампанию, Дюмурие сетовал, что Суворов воевал неправильно, с нарушением постула-

ке» – он расскажет об этом весьма эмоционально: «Слышала, сестрица, душа моя, еще от великодушной матушки рескрипт на полулисте, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея, тысяч в пятьдесят, да выше всего, голубушка, первой класс св. Георгия. Вот каков твой папенька за доброе сердце! Чуть, право, от радости не умер!»

«ОТЕЦ СОЛДАТАМ»

Героизм – это прежде всего жертвенность. «Служить, не щадя живота своего» – такую программу предложил армии Петр Великий, первый император всероссийский, соратником которого был отец Александра Суворова.

Великий русский полководец и почти в 70 лет на берегах Тидоны и Треббии крепко сидел в седле, мог проскакать сотню верст и броситься в бой. «Смелость города берет» – этому своему девизу, ставшему афоризмом, он следовал до последних дней. Александр Суворов – единственный полководец в истории революционных войн, которому удалось победить французскую армию в трех генеральных сражениях подряд. Ада, Треббия, Нови – «славные сестры», как он их называл. Своими победами Суворов невольно помог Бонапарту, дал ему основания для переворота 18 брюмера: корсиканец обвинил в поражениях Директорию и сверг неудачливых предшественников...

Суворов создал непобедимого солдата, набросал подробный чертеж побед. «Береги пулю на три дни, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять! Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко, пуля обмишуются, а штык не обмишуются. Пуля дура, штык молодец. Коли один раз, бросай басурмана со штыка: мертв на штыке, царапает саблею шею. Сабля на шею, отскокни шаг. Ударь опять. Коли другого, коли третьего. Богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше. Береги пулю в дуле. Трое наскачат – первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун. Это редко, а заряжать неколи. В атаке не задерживай» – это руководство к действию суворовский солдат затвердил крепко.

Солдат... «Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою

«ГЕРОЙСТВО ПОБЕЖДАЕТ ХРАБРОСТЬ, терпение – скорость, рассудок – ум, труд – лень, история – газеты»

тов военного искусства, полагаясь только на удаль и быстрый напор, оставляя уязвимыми свои позиции. Подобные упреки Александр Суворов будет выслушивать еще не раз, как и оскорбительные выводы о том, что ему, искусному полководцу, сопутствует счастье, случайная удача.

Екатерина II по достоинству оценила победителя: Суворов получает орден Святого Георгия 3-й степени. У него еще не было Георгия 4-й степени, но императрица посчитала подвиг достойным более высокой награды и перешагнула через правила. Так 4-я степень Георгия ему и не свернула...

А уж за победы лета 1789 года, когда в двух сражениях – при Фокшанах и на берегах реки Рымник – он разгромил османскую армию великого визиря и спас от гибели австрийские войска принца Кобургского, Александр Васильевич получит, не считая австрийских наград и титула графа Рымникского, и два главных ордена Российской империи. В письме дочери – любимой Наташе «Сувороч-

Сражение при Нови 4 августа 1799 года. Худ. А.Е. Коцебу. 1850-е

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТОВАРЕВЫМ

жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать. Наука просветила меня в добродетели; я лгу как Эпаминонд, бегая как Цесарь, постоянен как Тюренн и праводушен как Аристид», – признавался Суворов в одном из писем всесильному Григорию Потемкину.

Но в этих словах можно разглядеть и скрытую гордость: Александр Васильевич знал, что стал солдатским генералом, и видел в этом свое преимущество. Он легко находил общий язык с теми, кого иные аристократы воспринимали как «медведей». Понимал сильные стороны русского воина: выносливость в походе, ярость в решающие минуты боя. Только с такими чудо-богатырями можно было разработать не знавшую осечек тактику штыковой атаки.

Это проявилось и в одном из последних боев Суворова – в Мутенской долине, в последние дни Альпийского похода. Французский генерал Андрэ Массена бросил 15-тысячный корпус против изможденных, израненных солдат Андрея Розенберга и Михаила Милорадовича, которых было не более 7 тыс. Милорадович навязал французам рукопашный бой – и тут гренадеры показали суворовскую науку! Атака прошла, как говаривал Александр Суворов, «с храбростью и фурией», свойственными русским воинам. Массена чудом успел убежать, оставив в пятерне солдата Ивана Махотина свой золотой эполет. Храбрецы, испытывавшие все тяготы альпийских переходов, вышли из Мутенской долины с трофеями, с сотнями пленных французов... А ведь им противостояла лучшая армия Европы! И Андрэ Массена – не последний в плеяде выдающихся революционных генералов.

ОХРАНИТЕЛЬ

В советской историографии о политических взглядах Суворова принято было не упоминать. Еще бы, победитель внешних врагов был беспощаден и к врагам внутренним.

Александр Суворов действительно выбивался из ряда великих деятелей века Просвещения. Он не принимал модного тогда антиклерикализма. Его приверженность православным устоям современники расценивали как чудачество. Узнав об антицерковных художествах якобинцев, Суворов стал сознательным противником революции.

Не будем воспринимать XVIII столетие в России как эдакую имперскую идиллию. Да, понятие «пятая колонна» появится только в XX веке, но элита молодой империи вовсе не была монолитной шеренгой единомышленников. Немало «соблазнов» раздирало русскую аристократию того времени. Кто-то в душе ощущал себя французом или германцем, а другие относились к мужику как к скотине, зверели от барского высокомерия. И не случайно Пугачевское восстание, которое началось с казачьих и башкирских волнений, привлекло на свою сторону тысячи крестьян.

Пугачевский мятеж на Яике вспыхнул во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов и стал для екатерининской системы генеральным испытанием на прочность. Тучи сгустились не только над спокойной жизнью одной-двух губерний. Это была большая крестьянская война, которой могли воспользоваться и французы, давно действовавшие в Польше против России, и шведы, и вечные противники османы. Опасность грозила и самому государственному строю, утвержденному отцом империи Петром Великим, и пребыванию на троне императрицы Екатерины...

Чтобы спасти устои государства от такой угрозы, потребовались опытные генералы, знавшие толк в усмирении смут. Александр Суворов проявил себя таковым в Речи Посполитой, в войне против конфедератов. Он быстро и решительно

Иван Михельсон (1740–1807), военачальник, известный прежде всего окончательной победой над Пугачевым, генерал от кавалерии

разбивал вооруженные отряды противников и, в отличие от многих других действовавших в Польше русских и австрийских командиров, умел поладить с местным населением. Умел замирить враждующих.

Предусмотрительность, точность, умение быстро сориентироваться в незнакомой среде – вот качества, которые проявил Суворов в пугачевском деле. Феномен Емельки, несомненно, занимал полководца. Пугачев замахнулся на основы тогдашнего мироздания. Ведь, согласно указу самозванного императора Петра III, все крестьяне, находящиеся в собственности помещиков, награждаются «вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей». С дворянством Емельян Пугачев намеревался поступать круто, насаждая новые порядки.

Генерал-поручик Суворов со своим отрядом за неделю прошел 600 верст по распутице и бездорожью в беспокойных, охваченных бунтом краях. Поймал Пугачева, доставил его в Симбирск, передал генерал-аншефу Петру Панину. В дороге он не проявлял ярости по отношению к пленнику. Сохранились сведения, что он с любопытством расспрашивал «маркиза Пугачева» о том, как тот штурмовал крепости, как управлял разноперыми войсками. В Симбирске Петр Панин принародно поблагодарил Александра Суворова от имени императрицы, а общение с Пугачевым начал с резкого рукоприкладства... Суворов ожидал высокой награды, и, надо сказать, об этом хлопотал перед государыней и Панин. Но придворная партия Паниных в то время уже находилась в опале.

Победителем Пугачева решено было провозгласить полковника Ивана Михельсона (действительно разгромившего войска самозванца). Впрочем, князь Потем-

Изображение Пугачева в клетке, в которой его показывали народу

Карикатурный портрет Суворова, гравированный известным английским карикатуристом Гильраем. В тексте говорится: «Суворов ростом 6 фут 10 вершков; никогда не употребляет ни вина, ни водки; кушает один раз в день и каждое утро принимает ледяную ванну. Его одежда состоит из простой рубашки, белого камзола и штанов, коротких сапог и русской шинели; он ничего не носит на голове ни днем, ни ночью; когда устанет, завернется в шерстяное одеяло и спит на вольном воздухе; он дрался в 29 батальных и был в 75 перестрелках». Этот рассказ о жизни и привычках Суворова довольно близок к истине

УЗНАВ ОБ АНТИЦЕРКОВНЫХ ХУДОЖЕСТВАХ ЯКОБИНЦЕВ, Суворов стал сознательным противником революции

кин-Таврический, ценивший Суворова, предложил императрице наградить и старательного генерал-поручика. Сохранившийся письменный ответ императрицы был резок: «Суворов тут участия более не имел, как Томас, а приехал по окончании драки и по поимке злодея». Сравнение с Томасом – комнатной собачкой Екатерины II – было обидным. Острота императрицы, конечно, была подхвачена в столичных кругах. Так была нанесена Александру Суворову одна из придворных ран, которые, по признанию полководца, болели сильнее боевых...

Короткий отпуск в Москве с женой – и снова Суворов прибывает на Волгу. Продолжается его миссия по подавлению мятежа. Он энергично расправляется с «остатками пугачевских шаек», боролся с башкирской смутой. Любопытно, что отец руководителя восстания в Башкирии Салавата Юлаева в 1772 году участвовал в боевых действиях русской армии против польских повстанцев. И Салават, и его отец

оказались теперь в рядах бунтовщиков, а в конце ноября 1774-го были арестованы отрядом поручика Лесковского.

В разоренных войной областях начался голод. Панин и Суворов приняли меры к смягчению последствий бойни: в частности, были устроены провиантские магазины. Для пострадавших губерний – Нижегородской и Казанской – Петр Панин на казенные деньги закупил 90 тыс. четвертей хлеба. Торговцев, повышавших цены на хлеб, считали мародерами и строго наказывали, как в военное время, – вплоть до смертной казни. Крестьянам простили недоимки и начали взимать с них подати с сентября 1774 года, причем «с чистого листа». Если бы не эта деятельность Панина и Суворова, вряд ли пугачевщину удалось искоренить. Ведь на место одного самозванца мог прийти другой, как это случалось в Смутное время XVII столетия.

ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ

Ну а в 1794-м вспыхнула в суицидальной припадке Польша. Опыление демократическими идеями, отказ от централизованной власти – и, как результат, несколько гражданских войн, ослабление некогда могущественной страны и гибель независимого королевства Польского. Таков путь этого государства в XVIII веке. Лидер восставших Тадеуш Костюшко принял чин генералиссимуса (на шесть лет раньше Суворова!) и объявил всеобщую мобилизацию. Он действовал весьма энергично и на первых порах не знал поражений. Успехи Костюшко продолжались вплоть до августа, когда в поход двинулся Суворов.

Поразительно быстро он разбил основные силы генерала Кароля Сераковского при Крупичах и у Бреста. Был открыт путь на Варшаву! По дороге к польской столице, у Кобылок, суворовский авангард разбил 5-тысячный польский отряд. «Неприятель весь погиб и взят в полон», – говорилось в рапорте.

Основные укрепления ждали Суворова в Праге. Это еврейское предместье польской столицы превратилось в крепость. Предполагалось, что в осеннюю распутицу граф Рымникский не решится на штурм... Как бы не так! «В дома не забегать. Неприятеля, просящего пощады, щадить, безоружных не убивать, с бабами не воевать, малолеток не трогать. Кого из нас убьют – Царство Небесное; живым – слава, слава, слава!» – с таким приказом готовились к штурму.

Разрушение Варшавы не входило в планы Суворова. Он рассчитывал штурмом взять Прагу и уничтожить войско противника. Беззащитная Варшава сама должна была сдаться на милость победителя. А неизбежные новые жертвы среди обывателей, новые взаимные счеты поляков и русских – всего этого Александр Суворов намеревался избежать.

Ворвавшись в крепость, сломив первоначальное сопротивление поляков, войска принялись добывать противни-

Сатирическая картинка, относящаяся к усмирению Польши Суворовым в 1794 году

Переход русских
войск через
хребет Паникс
в 1799 году.
Худ. А.Е. Коцебу.
1860

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ка – тех, кто не сдавался. В кровавой суматохе поляки перебирались через Вислу. До поры до времени – по мосту, потом и вплавь. Солдаты преследовали их ожесточенно, многие защитники Праги погибли в водах. Висла здесь кишела мертвыми телами. Это избиение поляков в занятой Праге очень быстро стало «легендарным», его пересказывали не без впечатляющих добавлений: у страха глаза велики, а у ужаса – еще больше. Но если бы Суворов не приказал сжечь мост через Вислу, побоище переместилось бы на людные улицы Варшавы.

Получается, граф Рымникский спас польскую столицу! Русская армия без боя вошла в Варшаву, и он великодушно отпустил всех пленных с «реверсами» – письменными обязательствами не воевать против России. Многие из них нарушат эту клятву, например знаменитый генерал Ян Домбровский, с которым Суворову придется сразиться в Италии в 1799-м.

«ВОИНСТВЕННЫЙ ВАРВАР»

В Европе демонизировали Суворова. В 1800 году в Париже и Амстердаме вышла книга, рассказывающая о России и русском герое. «Суворов был бы всего-навсего смешным шутком, если бы не показал себя самым воинственным варваром. Это чудовище, которое заключает в теле обезьяны душу собаки и живодера», – говорилось там. И даже со-

«У ЭТИХ НАЕМНИКОВ-ИСТОРИКОВ ДВА ЗЕРКАЛА. Одно – увеличительное – для своих, другое – уменьшительное – для нас»

юзники – англичане – публиковали в прессе злые карикатуры на полководца.

Демонизируют его и сейчас. В современном эстонском учебнике истории помещена изящная арабеска. Александр Суворов, проезжая в карете, приказал двум эстонским крестьянам освободить дорогу. В ответ герои свободной Эстонии «намяли Суворову бока, явив яркий пример несгибаемого духа». Что ж, нам остается утешаться сознанием, что глупость вечна. Но вечно ли она будет в чести?

Александр Суворов сам лучше всех ответил на карикатурные выпады против русской воинской славы: «У этих наемников-историков два зеркала. Одно – увеличительное – для своих, другое – уменьшительное – для нас. Но история разобьет оба зеркала и выставит свое, третье. В нем мы не будем казаться пигмеями». Русский полководец верил: «Геройство побеждает храбрость, терпение – скорость, рассудок – ум, труд – лень, история – газеты».

Арсений Замостьянов

МАЛ ГОРОДОК, ДА ДОРОГ

ПЕРВЫМИ В ВОЛОКОЛАМСК ВОРВАЛИСЬ
ТАНКИ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ГЕНЕРАЛА КАТУКОВА.
ДНЕМ 20 ДЕКАБРЯ 1941-ГО ОН ДОЛОЖИЛ РОКОССОВСКОМУ:
«ГОРОД ВЗЯТ»

На Солдатской площади в центре города танкисты увидели прибитый к старой березе и телеграфному столбу длинный брус. Лязгнули гусеницы, застыла машина... С виселицы сняли восемь тел. Чуть позже узнали: погибшие – из секретной воинской части № 9903, созданной при штабе Западного фронта для диверсионной работы в тылу у немцев. Бойцы группы попали в засаду при переходе линии фронта, дали бой, но силы были слишком не равны. Плен, короткий и бесцельный допрос, пытки. Их повесили на площади еще 5 ноября. И запретили жителям трогать тела, оледеневшие на веревках. Воспитывали.

Чуть дальше, на улице Сергачева, в единственном тогда на весь городок четырехэтажном доме – десятки обгоревших трупов. Здесь, во временном госпитале, гитлеровцы собрали раненых красноармейцев, а потом здание подо-

жгли. Тех, кто пытался вырваться, расстреливали из автоматов. 126 человек вырваться не смогли.

Тогда, в декабре 1941-го, Красная армия освобождала первые города. После начавшегося под Москвой контрнаступления 9-го числа вытолкали фашистов из Ельца, Рогачева, Венева, 11-го – из Истры, 12-го – из Солнечногорска, 15-го – из Клина... Волоколамск стал девятым по счету освобожденным городом.

Тогда, в декабре 1941-го, наши солдаты на улицах этих городов впервые видели то, что вскоре – по мере продвижения на запад – превратится в страшную обыденность войны, в жуткое олицетворение германского «орднунга». Видели то, к чему не способен привыкнуть нормальный человек. Но это увиденное с каждой верстой долгого похода закаляло волю, превращая кипящую ненависть в холдную боевую ярость.

ЛИШЬ БЫ ПОМНИЛИ

В 2006 году был принят Федеральный закон «О городах воинской славы». И в стране, которая гордится 13 городами-героями, появились и первые города воинской славы. Среди них (в марте 2010-го) – Волоколамск. Сейчас в списке 40 городов.

Государственная наградная система – штука сложная, даже, можно сказать, витиеватая... Например, в годы Великой Отечественной войны летчиков-истребителей звездой Героя Советского Союза награждали за 10–15 сбитых самолетов. За два дня до освобождения Волоколамска на подступах к городу погиб от минного осколка командир танкового взвода гвардии старший лейтенант Дмитрий Лавриненко. Но за три неполных месяца легендарный танкист катуковской бригады принял участие в 28 боях и подбил 52 немецких танка. А звание Героя получил только в 1990 году, почти через полвека после гибели. И это несмотря на то, что справедливости по отношению к Дмитрию Федоровичу добивались многие ветераны войны, включая маршала бронетанковых войск Михаила Катукова и генерала армии Дмитрия Лелюшенко.

Или другой пример. Углядеть разницу, скажем, между городом-героем Тулой и городом воинской славы, а также «городом первого салюта» Белгородом весьма затруднительно. Равно как между подвигами защитников Брестской крепости и тех, кто оборонял Ораниенбаумский плацдарм под Ленинградом. Несмотря на все потуги немцев, знаменитый «пяточок» удерживали с сентября 1941-го по январь 1944-го. Три года назад бывший Ораниенбаум, а ныне муниципальное образование Ломоносов, стал городом воинской славы. Впрочем, тут уместно вспомнить Василия Теркина: «Согласен на медаль». Лишь бы помнили.

И в Волоколамске – помнят! Что в самом городе, что окрест – десятки памятников, братских могил, мемориалов. Добрая половина городских улиц носит названия, говорящие о войне. Маленькие русские городки вообще памятью не обижены. Хотя от бывшего Волоколамска после боев и короткой оккупации в октябре – декабре 1941-го мало что осталось. Впрочем, надо признать, это был далеко не первый случай, когда город на Ламе пытались уничтожить до основания.

100 км на северо-запад от столицы – это обязывает. И защищать ее родимую от частенько шествующего с этой стороны неприятеля, и делить с Белокаменной тяготы ее особенного бытия. Тем более что по возрасту Волоколамск и Москва не слишком разошлись. Столица моложе на 12 лет.

КНЯЗЬЯ, ОРДЫНЦЫ, СМУТА И ФРАНЦУЗЫ

Первый документ, в котором упоминается Волок Ламский – Лаврентьевская летопись, 1135 год. Считалось, что поселение служит торговле Великого Новгорода с городами на Оке, здесь работала большая переволока: с речки Ламы, притока Шоши, в свою очередь впадавшей в Волгу под Тверью, на маленькую речушку Волошню, втекающую в Рузу, которая питает своими водами Москву-реку. Путь непростой и неблизкий. В месте наибольшего сближения Ламы и Волошни расстояние – пять верст. Лама – река извилистая, петлистая, узкая и довольно мелкая. Только в верхнем течении набирает ширину и глубину, до 6 метров. А Волошняя – так это вообще река в миниатюре, вся длина – 36 км. Но кто знает, как оно все было несколько веков назад?

В любом случае на Руси без причины ничего не делали. Раз поставили тут город, значит, нужен был. Что и доказывает его ранняя история. Со временем Волок на Ламе, будто ладью, перетащили чуть в сторону от самой Ламы, на высокий берег ее притока – реки Городни. А в конце XII века городок уже получил имя, сходное с нынешним, – Волок

В 2006 ГОДУ БЫЛ ПРИНЯТ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О городах воинской славы». И в стране, которая гордится 13 городами-героями, появились и первые города воинской славы. Среди них (в марте 2010-го) – Волоколамск

Ламский. Чуть ранее, когда поселением владел князь Андрей Боголюбский, тут возвели бревенчатый кремль с земляным валом под 2 км в окружности. Валы частично сохранились, и то место здешние жители по-прежнему называют «кремлем». Хотя на холме осталось только два храма. Один, Воскресенский собор, – древний, строенный еще при удельном князе Борисе Волоцком в конце XV века. Второй, Никольский, воздвигли в середине XIX века по окончании Восточной (Крымской) войны. Оба собора окружены легкой железной оградой на краснокирпичных столбах. На каждом углу – небольшая декоративная башенка. Эту предельно оригинальную псевдостену соорудили в 1862-м.

Само собой, русские князья во время усобиц тут шалили изрядно. К примеру, крепко запомнилось городу «посещение» князя Всеволода Большое Гнездо. В течение столетий Волок переходил из рук в руки, пока в 1513 году не потерял статус удела и не влился в Московское княжество при Василии III. В тот период Волоколамск был завидным приобретением. Помимо выгодного местоположения город отличали добротные укрепления, пять монастырей со слободами и 25 приходских храмов. Жизнь бурлила.

Куда серьезнее, чем князья, отметились в истории пограничного города всяческие незванные «путешественники». При нашествии Батые Волок не избежал участи множества русских городов: был разграблен. В 1293 году знакомство с ордынцами продолжилось аналогичным образом, когда берега Ламы навесил ордынский царевич Дедень. В 1370-м город пожгли отряды великого князя литовского Ольгерда. Бывал в этих местах в конце XIV века хан Тохтамыш, но в город не сунулся. Там стояло сильное русское войско. При Василии III волоколамская крепость была тыловой базой князя при набегах крымчаков.

Досталось Волоколамску и во время Смуты. В 1606-м под его стены пришли казаки и холопы из войска Ивана Болотникова. В городе им показалось не слишком интересно, и они двинулись к Иосифо-Волоцкому монастырю. За полвека до Смуты эта обитель обрела мощные каменные стены и башни и превратилась в первоклассную крепость. Братия крепко стояла за царя Василия Шуйского и к визиту мятежных людей отнеслась неодобрительно: заманив за крепостную стену, перебила. Начальников отряда отправили под строгим присмотром в Москву, на цар-

ский суд. В 1608-м Волоколамск захватил Лжедмитрий II. Затем пал Иосифо-Волоцкий монастырь. Он укрыл за своими стенами жителей города, не желавших оставаться под поляками, и сражался с врагом почти год. Ворота открыли по одной-единственной причине: в обители кончились запасы еды. К 1611-му на волоколамских землях началась большая партизанская война. Среди крестьян нашелся и местный Иван Сусанин, родом из села Вышенек, погубивший целый польский отряд в родных чащах. Еще одним «гостем» стал польский король Сигизмунд III, пошедший на приступ Волоколамска в конце 1612 года. Три дня паны пытались взять город, но гарнизон выстоял.

Итог Смутного времени – сильное разорение города. Жизнь в нем сохранилась в сотне домов да в двух монастырях из пяти. По большому счету, город так и не оправился. Все что-нибудь да мешало. В середине XVI века под русскую корону вернулся Смоленск. Ключ-город на западной границе заменил собою скромную крепость на Ламе. По разным причинам Волоколамск потерял и торговое значение: купцы освоили более удобные и короткие маршруты. Время волоков кончилось. Тихий провинциальный город никто более не тревожил, самым ярким событием XVIII века стал приезд в соседнее село Ярополец в гости к фельдмаршалу Захару Чернышову Екатерины Великой. Кстати, спу-

стя пять лет, в 1781 году Волоколамск указом императрицы превратился в уездный город и получил собственный герб.

Новая напасть навалилась на город в 1812-м, его захватили части Великой армии Наполеона. Но долго находиться в Волоколамске им не позволили. В частности, не позволил генерал-майор Александр Бенкендорф, командовавший летучим партизанским отрядом, специально отправленным в эти места на разведку. В сентябре французы фактически сбежали из города, но кавалеристы Бенкендорфа и вооружившиеся крестьяне из окрестных деревень бросились в погоню. Спустя сутки крестьяне-партизаны притащили в лагерь под Волоколамском восемь сотен пленных. Всего отряд Бенкендорфа пленил около 8 тыс. солдат и офицеров Бонапарта. Вот что вспоминал по этому случаю сам Александр Христофорович: «Мой лагерь походил на воровской притон; он был переполнен крестьянами, вооруженными самым разнообразным оружием, отбитым у неприятеля. Каски, кирасы, кивера и даже мундиры разных родов оружия и наций представляли странное соединение с бородами и крестьянской одеждой».

После изгнания «Антихриста» с земли русской жизнь в Волоколамске совершенно успокоилась. Сельское хозяйство, промыслы, артельное ткачество, мелкая торговля худо-бедно кормили. В 1904 году после открытия Московско-Виндавской железной дороги появились симптомы некоего оживления, но их свел на нет страшный пожар 1905-го. Город, построенный преимущественно из дерева, выгорел почти дотла. Сохранились только церкви. По причине как раз того пожара в центре Волоколамска практически нет старой застройки. Встречаются купеческие домики в традиционные два этажа – первый из камня, второй из дерева, но все это строилось уже в XX веке.

В начале этого самого века Волоколамский уезд попал в список особо неблагонадежных. Во время Первой русской революции в селе Марково возникла крестьянская республика. Удивителен не столько факт ее возникновения, сколько период существования: более 8 месяцев! Тамошние не избалованные жизнью крестьяне подошли к созданию государственности весьма серьезно. Не одни подошли, естественно. Не обошлось без революционной интеллигенции – в данном случае местных агронома и учителя. На сходе решили: изъять помещичьи земли и поделить их по-честному, срубленный лес превратить в стройматериал для починки мостов, отказаться от уплаты налогов и солдатского призыва... В июне 1906 года в Марково и соседние деревни вошли казаки. Население республики составляло без малого 6 тыс. Из крестьян наказали человек 300. Из руководства республики – кого отправили в ссылку, кого просто пожарили. На том дело и кончилось.

РУБЕЖ ОБОРОНЫ

Советскую власть в Волоколамске и уезде приняли без замешательства, в декабре 1917-го. Национализировать, правда, было особенно нечего. Ткацкая фабрика да по мелочи. К началу войны население Волоколамска насчитывало 3,5 тыс. человек.

В первые дни Великой Отечественной вряд ли кто в городе, да и во всей огромной стране, предполагал, что Волоколамск окажется в зоне боевых действий и что именно на этих и соседних рубежах уже осенью 1941-го будет решаться судьба Москвы.

Немец приближался к столице быстро. Очевидной стала необходимость создавать вокруг Москвы пояса обороны. Волоколамский укрепрайон протянулся на 100 с лишним километров от Московского моря до реки Исконы, что совсем рядом с Можайским водохранилищем. Защиту поручили генералу Константину Рокоссовскому и его 16-й армии. Вернее, тому, что должно было стать этой самой армией в октябре 1941-го. В том смысле, что номер соединению присвоили, а вот достаточного числа солдат и офицеров не набралось... О формировании 16-й армии и подготовке к обороне вспоминал сам Константин Константинович: «Развернув командный пункт в Волоколамске, мы немедленно разослали группы офицеров штаба и политотде-

ла по всем направлениям для розыска войск, имевшихся в этом районе, и для перехвата прорывавшихся из окружения частей, групп и одиночек. Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус под командованием Л.М. Доватора. Он поступил в оперативное подчинение 16-й армии. Корпус состоял из двух кавалерийских дивизий – 50-й генерала И.А. Плиева и 53-й комбрига К.С. Мельника... Левее кавалеристов располагался сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием полковника С.И. Младенцева и комиссара А.Е. Славкина. Этот полк из Солнечногорска был переброшен по тревоге под Волоколамск, где и приступил к организации обороны по восточному берегу реки Лама... На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада до реки Руза, стояла 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва. Командовал ею генерал И.В. Панфилов, а комиссаром был С.А. Егоров. Такую полнокровную стрелковую дивизию – и по численности, и по обеспечению – мы давно не видели...» Тот самый случай, когда разрозненные части и соединения еще предстояло превратить в единую систему.

А гитлеровские ударные танковые части были уже совсем рядом. С генерал-майором Иваном Панфиловым Рокоссовский познакомился на КПП дивизии 14 октября. Первый бой грянул 16-го. Положение усугублялось еще и тем, что инженерных оборонительных сооружений, хотя бы полевых, сделать ранее никто не озаботился. На боевом участке одного из полков 316-й дивизии из земли торчали только разметочные колышки.

Двое суток на то, чтобы окопаться, заминировать особо опасные участки, пристрелять орудия. Всего двое суток. А против прут 13 дивизий, из них семь – танковые! Перед Битвой за Москву германский генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель утверждал: «В этом наступлении, по всем предвидениям, будут уничтожены самые мощные силы русских. Поэтому они будут биться за Москву до последнего, вводя в бой новые силы...» Как выяснилось в январе 1942 года, ошибался фельдмаршал насчет «новых сил». А вот в том, что русские за Москву до последнего будут биться, оказался прав.

И подтверждения тому появились уже в первые дни сражения за Волоколамск. Немцы применили излюбленную тактику: танковый удар, прорыв, выход на оперативный простор, затем во фланги и в тылы войск противника. Этот удар нанесли южнее Волоколамска, в зоне ответственности 1075-го полка Панфиловской дивизии. Полностью погиб батальон капитана Лысенко, прикрывавший отход остальных на новые позиции. За шесть дней боев 1075-й полк уничтожил и повредил около 80 танков, полегло несколько батальонов немецкой пехоты. Еще южнее, у селения Спасс, панфиловцы держали оборону против 150 танков и двух пехотных полков. Более трети вражеских машин остались дымить на этом рубеже. Один из бойцов, сержант Стемасов, стал Героем Советского Союза: он подбил из орудия девять вражеских танков.

Всего против 316-й стрелковой дивизии генерала Панфилова действовали три пехотные, моторизованная и танковая дивизии гитлеровцев. Одиннадцать дней панфиловцы держали рубежи, и, лишь когда в дело вступили подоспевшие немецкие резервы, покинули первую линию обороны, 28 октября они оставили Волоколамск. «Считаю необходимым подчеркнуть, что именно в этих боях за город и восточнее его навеки покрыла себя славой 316-я стрелковая дивизия и действовавшие с ней артиллерийские части, так же как и курсантский полк, – подытожит позже Константин Рокоссовский первый этап обороны. – Именно эти войска, невзирая на многократное превосходство врага, не позволили ему продвинуться дальше... Вспоминая события тех дней, с гордостью за вверенные мне войска могу сказать: в боях с 16 по 27 октября все они вместе и каждый воин в отдельности сделали все возможное, чтобы не допустить прорыва фронта обороны армии. Они справились с этой задачей».

Между тем ни для 16-й армии, ни для германских дивизий ничего на Волоколамском шоссе еще не кончилось. После двухнедельной паузы в штабе группы армий «Центр» немецкие военачальники приняли решение: продолжить наступление после первых заморозков – 15 ноября. Несмотря на то что советская ставка сумела обеспечить подход подкреплений, преимущество вермахта оставалось ощутимым. Перевес германских войск в пехоте был в 2 раза, в артиллерии – в 2,5 раза, в танках – в полтора. Армия Рокоссовского получила 1-ю гвардейскую танковую бригаду Каткуова, части 18-й и 78-й стрелковых дивизий, ожидалось пополнение четырьмя дивизиями кавалерийского корпуса Доватора, у которого в двух дивизиях оставалось по 500 шашек.

На волоколамском направлении бои возобновились 16 ноября. В этот день панфиловцы особо отличились. И не только солдаты 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка у легендарного разъезда Дубосеково, но и на соседнем участке, у деревни Петелино, стрелковое отделение подожгло семь танков. У Мыканина бойцы из 1073-го стрелкового полка уничтожили четыре танка и 200 солдат противника. У деревни Строково, прикрывая отход 1077-го стрелкового полка, встали насмерть 11 солдат-саперов. Из 20 шедших на них танков семь было подбито. 18 ноября 316-я стрелковая дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую. И в тот же день был смертельно ранен осколком

мины генерал-майор Иван Панфилов. За несколько дней до смерти он писал жене: «Ты, Мурочка, себе представишь не можешь, какие у меня хорошие бойцы... Я думаю, скоро моя дивизия должна быть гвардейской... Пиши чаще... Пиши: действующая армия, штаб дивизии».

5–6 декабря части Красной армии перешли в контрнаступление. «Немцы, судя по всему, никак не могут остановить хорошо спланированные контрудары русских войск, – сообщила британская «Таймс» 22 декабря 1941 года. – Освобождение Волоколамска – одного из опорных пунктов, откуда немецкие войска собирались наступать на Москву – свидетельствует о следующем: в настоящий момент идут отнюдь не арьергардные бои, с помощью которых немцы будто бы хотят прикрыть отход своих войск или содействовать концентрации и укреплению своих боевых порядков – сейчас мы наблюдаем энергичное контрнаступление русских войск, которое создает угрозу для всех целиком немецких боевых позиций на данном участке фронта».

Двинулись вперед и войска 20-й армии, усиленной танковой оперативной группой генерала Каткуова, переброшенной из 16-й армии. Так уж вышло, что тем, кто защи-

В ВОЛОКОЛАМСКЕ – ПОМНЯТ!

Что в самом городе, что окрест – десятки памятников, братских могил, мемориалов. Добрая половина городских улиц носит названия, говорящие о войне

щал Волоколамск, освобождать его не довелось. Армия Рокоссовского билась по соседству, севернее. Тот факт, что 20-й армией командовал генерал Андрей Власов, который впоследствии, после пленения, служил у немцев и создал Русскую освободительную армию, долгие годы старательно замалчивался. Некоторые военные историки пытаются доказать, что в декабре 1941 года один из любимых на тот момент Сталиным генералов болел и в войсках отсутствовал. В воспоминаниях генерала Леонида Сандалова, бывшего тогда начальником штаба армии, этот нюанс не комментируется. В то же время сохранились приказы по армии как за подписью ее начштаба, так и командарма.

Стесняться правды не стоит. Тем более что до пленения в 1942 году Власов воевал хорошо. Иное дело, что улицу в Волоколамске его именем не назовут, разумеется, никогда. И это тоже правильно. Теперь о другом: сколько ни искал там улицу Рокоссовского – тоже не нашел. Панфилова – есть, Доватора – есть, и Лавриненко – есть. А Рокоссовского – нет. Да и памятная доска, если верить местной газете «Волоколамская неделя», висевшая на стене дома № 13 по Советской улице и сообщавшая, что здесь осенью 1941 года находился штаб 16-й армии, куда-то делась...

Михаил Быков, фото Сергея Басова

Памятник Александру I
в Александровском саду

СЕРГЕЙ БАСОВ

ПОБЕДИТЕЛЬ БОНАПАРТА

ОКОЛО КРЕМЛЯ, В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ, В КОНЦЕ
НОЯБРЯ ПРОШЛОГО ГОДА ПОЯВИЛСЯ ПАМЯТНИК ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ. ПОЧЕМУ ИМЕННО ЕМУ?

Памятник Александру I – третий по счету монумент императорам всероссийским в современной Москве. До этого были памятник Петру I Зураба Церетели, установленный на стрелке Москвы-реки и Водоотводного канала в 1997 году, и памятник Александру II работы Александра Рукавишников, появившийся в 2005-м у храма Христа Спасителя. Однако, в отличие от его великого прапрадеда и убитого народолюбцами племянника, Александра Павловича вряд ли можно назвать последовательным реформатором. Не назовешь этого императора, в отличие от его брата Николая I и внучатого племянника Александра III, и непреклонным консервативом. Так за что же памятник?

АЛЕКСАНДР БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

За победу. Победа над Наполеоном стала триумфом России, и Александр I был безусловным триумфатором. «Я не примирюсь, пока хоть один неприятельский воин будет оставаться на нашей земле» – эти слова императора прозвучали как призыв сражаться до полного разгрома французов. Потом вдоль стен Московского Кремля будет разбит сад, который назовут Александровским – в честь того, кто спас Россию от Бонапарта.

Весна 1814-го... Таких эффектных побед российская история не знала. Русский царь въехал в Париж на серой лошади, когда-то подаренной ему Наполеоном. Это был звездный час Александра I. После победы над наполеоновской Францией он встал во главе Европы. За спасение от нашествия двенадцати языков его прозвали Благословенным – и не только в России. Двести лет назад он был надеждой консервативно настроенной, да и просто уставшей от революций и войн Европы.

В советское время любили цитировать А.С. Пушкина, который заклеил Александра в «Евгении Онегине»:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.*

Памятник Петру I
на Москве-реке

СЕРГЕЙ БАСОВ

Памятник Александру II
у храма Христа Спасителя

СЕРГЕЙ БАСОВ

Впрочем, поэт никогда не забывал и о главном: «он взял Париж, он основал лицей». Армия и Просвещение – и впрямь главные направления политики Александра Павловича.

«ЖИТЬ СПОКОЙНО ЧАСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

Родился будущий император Александр I в Санкт-Петербурге 12 декабря 1777 года. Царственная бабушка Екатерина Великая в

своих сказках величала его царевичем Хлором и любила без памяти. «Как стал царевич вырастать, кормилица и няни начали примечать, что сколь он был красив, столь же умен и жив. Повсюду разнесся слух о красоте, уме и хороших дарованиях царевича» – это из екатерининской сказки.

Обывателю трудно в такое поверить, однако стать императором будущий победитель Наполеона не стремился. Ему больше нравилась жизнь частного лица. Он писал своему любимому воспитателю Фредерику Лагарпу, что его мечта – «поселиться с женою на берегах Рейна и жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы».

Впрочем, с самого начала его готовили к роли просвещенного монарха. Екатерина II воспитывала его в духе рационального века. Почти по чертежам Вольтера и Монтескье. Почти – потому что она была реалисткой и ко всему приноравливалась. К международному положению, к потребностям и возможностям России, к нашему климату... Царевича Хлора окружали лучшие воспитатели, правда приохотить его к учебе толком не сумели. Книгочеем он не стал. Но получил представление о политических учениях и даже поглядывал в сторону республиканских идей.

В отличие от предшественников, он политику воспринимал как развлечение, как интеллектуальную игру, в которой нужно доказать превосходство над соперником. Непринужденность стала приметой его политического стиля – и подчас она обезоруживала соперников.

«ЦАРСТВУЙ ЛЕЖА НА БОКУ!»

Александр Павлович – в известном смысле антипод первого русского императора. Тот – воплощенная энергия и ярость. Порывист был и отец Благословенного – Павел I. Екатерина II до последних дней держала бразды правления в своих руках, стремилась к интеллектуальному лидерству. А на ее любимца Александра А.С. Пушкин намекал в «Сказке о золотом петушке»: «Царствуй лежа на боку!» Сдержанность считалась главной его добродетелью. Но надо признать, что за годы

Император Александр I на лошади Эклипс, подаренной ему Наполеоном в 1808 году. Худ. Ф. Крюгер. 1832

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

правления Александра I Россия преобразилась – без рывков и внутренних потрясений...

В молодые годы он и вовсе недооценивал Отечество: второго такого западника на троне у нас не бывало. Горизонты его честолюбия простирались шире родных осин. Он впитал идею екатерининского «Греческого проекта». Строил планы вселенского масштаба и, что удивительно, многое доводил до ума. Тут достаточно произнести два слова: Священный союз!

Его считали выдающимся дипломатом. Говорили о холодном лицемерии, равнодушном двуличии внука Екатерины Великой. Многих очаровывала эта его холодность, некоторых и отпугивала. Вот уж кто умел скрывать мысли и намерения, не говоря уже об эмоциях. Главная задача дипломата неизменна – подороже продать свои уступки и подешевле купить уступки партнеров.

Одежда дана людям, чтобы прикрывать срам, а язык – чтобы отвлекать собеседников от неприглядной правды. Александр I четко следовал этому правилу, сызмальства получив придворные уроки. Ведь ему приходилось метаться между двумя дворами. С одной стороны – могущественная императрица, отрывавшая его от родителей, с другой – Русский Гамлет, гатчин-

Кабинет Александра I в Зимнем дворце

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ский изгнанник, ждущий престола Павел Петрович. Так и проходили дипломатические университеты будущего императора. Историк Василий Ключевский заметил: ему нужно было держать «две парадные физиономии». И повсюду, кстати сказать, его любили: он умело производил благоприятное впечатление. Всем улыбался, всех кротко выслушивал. Аккуратно менял маски и никогда не отступал от роли. Актер Актерыч или Ангел, как называли его домашние?

«ПОЛНО РЕБЯЧИТЬСЯ, СТУПАЙТЕ ПРАВИТЬ!»

Александр пришел к власти в марте 1801 года. Гибель отца, Павла I, в результате последнего в истории России дворцового переворота открыла ему путь к трону.

Павел относился к сыну настороженно, прямому наследнику престола угрожала суровая опала, возможно ссылка в какой-нибудь отдаленный монастырь. Любимцем царя стал тринадцатилетний племянник, герцог Евгений Вюртембергский. Павел I намеревался его усыновить. И тут граф Петр Пален посвятил Александра в планы заговорщиков.

Конечно, будущий император взял с графа Палена слово, что отцу сохранят жизнь. Но он не мог не помнить о судьбе Петра III... Петр Пален ухватил суть маневров Александра: «Он знал – и не хотел знать». Потом Александр упадет в обморок, увидев обезображенное тело отца. Между тем там же, возле трупа, его будут поздравлять как нового государя. Хорошо написал в мемуарах Леонтий Беннигсен – один из предводителей заговора: «Император Александр предавался отчаянию довольно натуральному, но неуместному». А графу Палену приписывают слова: «Полно ребячиться, ступайте править!» Петр Пален, державший в руках паутину заговора, приобрел большую силу. Александру I хватит ума быстро отдалить его от трона...

Свидание трех императоров в Праге в 1813 году

В ту ночь он произнес известные слова: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. При мне все будет, как при бабушке». Эту фразу запомнили все. Можно ли представить себе более унижительную клятву для нового самодержца? Ничего себе – «дней Александровых прекрасное начало!»

Всего за несколько месяцев императору удалось утвердить собственную власть над враждующими придворными группировками. Пешкой он не стал. А спасительный цинизм выветривался постепенно – после ряда потрясений в личной жизни, после первых сражений с Наполеоном, наконец, после самосожжения Москвы. И вместо лощеного, невозмутимого сноба явился тихий богомалец... Но это потом.

«В ПАРИЖЕ РУССКИЙ ШТЫК!»

Российская империя тогда не находилась в политической изоляции. В Европе с Елизаветинских времен, со времен канцлера Алексея Бестужева, без ее участия не обходилось ни одно капитальное политическое предприятие. Европейцы не признавали русской культуры, свысока относились к православию – следы этих предрассудков мы видим в «Энциклопедии» Дидро. Но они с уважением относились к двум проявлениям России – к армии и дипломатии.

Николай Лесков в «Левше» подметил, что царь Александр I (в отличие от младшего брата Николая II) не слишком-то верил в русских людей. Россия открылась императору лишь через несколько лет после Отечественной войны, по мере погружения в православие...

«ИМЕННО РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I стоял у истоков тогдашней системы европейской международной безопасности. И она была вполне адекватна тому времени. Именно тогда были созданы условия для так называемого баланса, построенного не только на взаимном учете интересов стран, но и на моральных ценностях.

Эпоха Александра I – время обновления и укрепления России. В этот период проведены многие государственные и правовые реформы, снаряжена первая русская кругосветная экспедиция, основаны пять новых университетов. После нашествия и пожара восстановлена древняя столица России – Москва, построены Манеж и Оружейная палата, стал возводиться храм Христа Спасителя».

Из выступления Владимира Путина на открытии памятника Александру I

Однако в 1812-м на несколько месяцев «голосом» Александра I стал адмирал Александр Шишков, знаменитый своими «Беседами любителей русского слова». Это он сочинял манифесты, в которых Александр предстал былинным, сказочным русским царем. А ведь незадолго до войны демонстративный патриотизм Александра Шишкова считался едва ли не крамольным: говорили, что он противоречит имперскому курсу. Но адмирал гнул свою линию.

В рождественском манифесте накануне 1813 года император обращался к народу

как проповедник и духовный лидер. Признавая заслуги полководцев и воинов, он особо выделял провиденциальный подтекст победы над врагом.

Сразу после молебнов с благодарностью за победу русская армия двинулась на запад. Александр I чувствовал себя гражданином, даже императором мира – и потому подчас не придавал решающего значения сбережению народа.

Нужно ли было продолжать войну в 1813-м? Александру подчас противопоставляют фельдмаршала Михаила

Въезд императора Александра I
в Париж в 1814 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

А.С. Пушкин, «19 октября» (1825)

Кутузова, который, как принято считать, был противником войны на чужой территории, за туманные интересы. Но князь Смоленский умер как раз в заграничном походе, по дороге в Саксонию. Он понимал, что даже после катастрофы русского похода Наполеон не прекратит бороться за мировую гегемонию. Понимал, что новой кампании не избежать. И тем не менее не желал, чтобы русская армия несла все тяготы войны в Западной Европе, освобождая немцев и австрийцев от французского владычества. А вот Александр находил эту «проблему» второстепенной.

К 1813 году российский император научился относиться к мобилизации побонапартовски, считал сотнями тысяч. Колебания Михаила Кутузова расценивал как препятствие на пути к полной, блестящей победе. Немцы, безусловно, немало выиграли благодаря его антинаполеоновской одержимости.

Медаль «За взятие Парижа 19 марта 1814»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Битва за Париж стала для Александра I праздником возмездия. К капитуляции французов принудила русская артиллерия, а к восстановлению монархии – такт российского императора. Он въехал в город – и сделал все, чтобы не выглядеть завоевателем. Какой-то парижанин крикнул: «Мы уже давно ждали прибытия Вашего Величества!» Александр ответил с улыбкой: «Я пришел бы к вам ранее, но меня задержала храбрость ваших войск». Он читал Плутарха и знал цену крылатым выражениям, в которых воплощаются сила и великодушные героя. Такой ответ польстил французам, они повторяли его не без восторга. Александр I в Париже собирал коллекцию таких маленьких побед.

«ДРУЗЬЯ» РОССИИ

Союзников Александра усиление России тревожило уже в 1814-м. Они не ограничивались газетными карикатурами на русских варваров. Европейские канцлеры без промедлений перешли к секретным переговорам. Тайный антироссийский военный союз державы учредили поспешно. Глава английской дипломатии Роберт Каслри в течение нескольких месяцев твердил в узком кругу, что, если Россия не захочет остановиться на Висле, ее к этому нужно принудить войной.

Англичане не желали, чтобы вместо колосса на Сене появился колосс на Неве. На новый год лорд Каслри получил желанный подарок: пришло известие, что в Генте подписан мирный договор между Британией и

Америкой. Теперь у Англии развязаны руки. А через два дня, 3 января 1815 года, три дипломата собрались на тайную вечерю.

Это была не просто конвенция, а полноценный продуманный тайный военный союз. Каждая из трех держав обязывалась выставить армию в 150 тыс. человек: 30 тыс. кавалерии, 120 – пехоты. Плюс артиллерия. Значит, в скором времени против России выступила бы 450-тысячная армия. Расчет прост: не допустить превращения России в единственную военную сверхдержаву. В генеральном сражении потрепать обескровленную в походах русскую армию. Уж тогда Александр станет смиренным! А Россия откатится подальше на восток, в Азию, и не будет вмешиваться в европейские дела.

Меж тем Александр I упивался ролью европейского гегемона. Восхищал дам и политиков благородными манерами и великодушными помыслами. И, наверное, не знал, что против него готова двинуться огромная армия. Хотя русские дипломаты могли заметить, что австрийцы, англичане и французы неожиданно стали тверже, самоувереннее.

«ЕВРОПОЙ БУДУТ УПРАВЛЯТЬ КАЗАКИ»

Помощь пришла к Александру откуда не ждали – с острова Эльба. И вот уже Наполеон Бонапарт шествует к Парижу, а король Людовик XVIII бежит без оглядки от «корсиканского чудовища». Бежит опрометью – он даже не успел уничтожить архив! И Наполеон в кабинете короля обнаружил экземпляр «Секретного трактата об оборонительном союзе, заключенном в Вене между Австрией, Великобританией и Францией, против России и Пруссии». Как ликовал Бонапарт, изучая этот документ! Быстро же его противники успели перессориться...

Сам он считал Россию империей варваров и после самосожжения Москвы только утвердился в этом мнении. Наполеон боялся «нового нашествия гуннов» – завоевателей с востока. И видел, что у России есть потенциал для экспансии. «Европой будут управлять казаки» – этой перспективой Бонапарт пугал современников. Но, ознакомившись с трактатом о тайном союзе Франции, Австрии и Великобритании, решил не лезть напролом, а затеять международную интригу.

Он послал экземпляр трактата Александру I. Наполеон надеялся, что теперь русский царь сделает выводы и опомнится. Конечно, тот не станет его союзником, это исключено. Но Александр, несомненно, оставит англичан и австрийцев наедине с «чудовищем». И тогда... У англичан в Европе войска немного, разбить австрийцев – невелика забота. И – все сначала!

Российский император, однако, на эти «демарши» не обратил внимания. Почему? Тут может быть несколько объяснений. Вероятно, царь уже знал о переговорах. Меж-

дународный шпионаж в интересах России со времен графа Григория Потемкина развит был отменно. Но главное – он опасался Наполеона сильнее, чем всех союзников-монархов, вместе взятых. А Шарлю Морису де Талейрану, министру иностранных дел Франции, и Клеменсу фон Меттерниху, занимающему такую же должность в Австрии, знал цену. Талейрану даже в самом что ни на есть прямом смысле, ведь французский дипломат несколько лет был платным агентом русского царя...

Считается, что Александр I после победы над Наполеоном и вступления в Париж не боролся за территориальные приобретения, поставил себя выше этой суеты. Однако права России на герцогство Варшавское он отстаивал усердно, чем и напугал союзников. Российская империя во времена Александра окончательно обосновалась на берегах Вислы. Правда, щедрые либеральные дары императо-

Акт Священного союза, 1815

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ра не могли ни удовлетворить шляхту, ни умерить тревогу Лондона, Вены и Парижа. Но что ему, победителю, до всего этого! Он знал, что такое триумф Агамемнона, Цезаря и Августа.

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Первые пятнадцать лет правления завершились в ореоле победы и всемирного влияния. Россия после 1815 года при Александре I уже не сражалась в Европе, хотя военное доминирование Петербурга ощущалось. А на него накатилась усталость – и сподвижники перестали узнавать государя. Он стал сторониться политики с ее ложью и кровью. Искал правду в беседах с монахами, в Евангелии. Веская причина для раскаяния – косвенное участие в убийстве отца. Многие напоминали ему об этом злодеянии. Он молился, он истреблял в себе монаршьё честолюбие.

Себя он видел на фоне мировой истории. Акт Священного союза начертил самостоятельно. Да, это была попытка оттянуть закат Европы, спасти стареющую христианскую цивилизацию, потерявшую инстинкт самосохранения после Французской революции. Но в Священный союз Александр I поверил с неожиданной искренностью. То был уже не молодой скептик, а христианин, склонный к мистике и даже к экзальтации. «Пожар Москвы осветил мою душу» – это легендарное признание многое объясняет и в дальнейшей политике императора.

Победитель Наполеона верил, что создает условия для мирного братства монархов на века. В акте об образовании Священного союза говорилось о Спасителе, Троице и вечной дружбе венценосцев. Конечно, автор этих слов – Александр. Это он желал, чтобы каждый монарх ощутил себя «перед лицом вселенной». В 1815 году рассуждать так было не принято! Времени-то было скептическое. И в Европе звучал Бетховен, а не Бортнянский.

После таких проникновенных проповедей некоторые подозревали императора России в умпомешательстве. А он просто искренне и даже в чем-то наивно воспринял Евангелие, к которому впервые обратился только в 1812 году. И мыслил с максимализмом неопита.

К сожалению, мы часто судим об исторических процессах по стереотипу: если правительство занимается реформами – это честь для главы государства и благо для народа. Все остальное видится как пагубный застой. Вот и в биографии нашего императора выделяют «дней Александровых прекрасное начало» и стагнацию последнего десятилетия, когда усталый царь отказался от реформ.

Если бы все было так просто! Скажем, указ о вольных хлебопашках 1803 года относят к прогрессивным начинаниям Александра I, но своей задачи он не выполнил. За все время его действия свободу получили 1,5% крепостных... Даже осмеянные военные поселения оказались более эффективной задумкой и просуществовали до 1857 года.

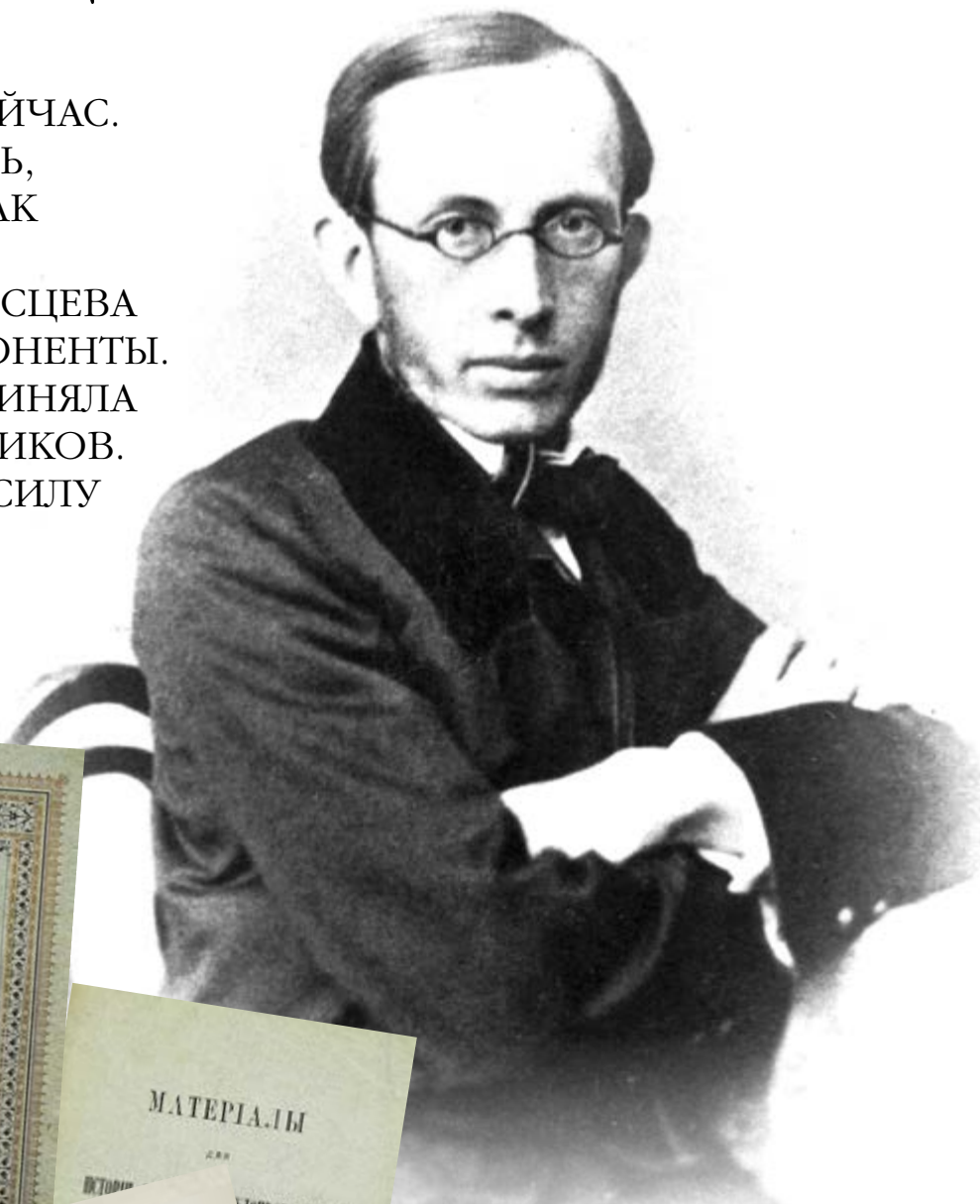
Либеральные комментаторы демонизировали позднего Александра. «Тот, которым восхищалась Европа и который был для России некогда надеждою, как он переменялся! Одним словом, теперь ничего нельзя предвидеть хорошего для России», – горько восклицал будущий декабрист Николай Тургенев. Так и утвердилось.

Поворот императора к консерватизму не был болезненным, как не было укорененным его «республиканство». Просто, всерьез увлекшись Евангелием и разочаровавшись в политике, он обнаружил себя консерватором. Таганрогский рубеж – 19 ноября 1825 года – прервал правление Александра I, когда политика окончательно ему наскучила...

Арсений Замостьянов

ПОБЕДУ РОССИИ НЕСУЩИЙ...

ПОСМЕРТНОЕ ПРИЗНАНИЕ
ПРИШЛО К НЕМУ ЛИШЬ СЕЙЧАС.
КОНСЕРВАТОР, ОХРАНИТЕЛЬ,
РЕАКЦИОНЕР – ИМЕННО ТАК
ПЫТАЛИСЬ ПРЕДСТАВИТЬ
КОНСТАНТИНА ПОБЕДОНОСЦЕВА
ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОППОНЕНТЫ.
НЕЛЮБОВЬ К НЕМУ ОБЪЕДИНЯЛА
И ЛИБЕРАЛОВ, И БОЛЬШЕВИКОВ.
ЧТО Ж, «БЕСЫ» НАБИРАЛИ СИЛУ
В РОССИИ И НЕ БОРОТЬСЯ
С НИМИ ОН НЕ МОГ...

Спроси о нем среднестатистического выпускника советского вуза, хорошо, если он вспомнит блоковские строки: «Победоносцев над Россией простер свиные крыла...»

А ведь он считался символом эпохи – был едва ли не ближайшим помощником царя Александра III, его даже называли «вице-императором». Одна из величайших личностей в истории России. И парадокс: почти неизвестен современному обществу. Никаких памятников. Лишь надгробие над восстановленной в

1990-х годах могилой (причем условной). «Крыла свиные простер», так ведь и хорошо: сову-то считают мудрой – Россию он старался охранять!

«ЛЕЧИТЬ ДУХ»

Победоносцева высоко ценил Достоевский, два великих мыслителя дружили с 1872 года и до самой смерти писателя в 1881-м. По субботам после всенощной Федор Михайлович ходил к Константину Петровичу «лечить дух». Победоносцев писал: Достоевский «был самым интимным у меня гостем». Беседовали они наверняка не только о литературе, а и о важнейших вопросах российской жизни. И совпадали во взглядах на нее. Оба верили в Россию, но и понимали, что ей грозит много бед, все более нарастающих.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Бесы» в стране набирали силу, а «Великий инквизитор» строил планы по разрушению монархии. С Победоносцевым писатель советовался, работая над «Карамазовыми». Он отмечал большой литературный талант Константина Петровича и всячески поощрял его участие в газете «Гражданин», где был редактором. Тот лишь просил соблюдать «величайшее молчание» об авторстве, подписываясь ZZ или «Энский». В редакцию статьи поступали переписанные чужой рукой, а корректуру держал Достоевский. После его кончины Константин Победоносцев писал великому князю Александру Александровичу, будущему Александру III: «Мне очень чувствительна потеря его...»

Самым замечательным лицом русской истории XIX века назвал Победоносцева философ, критик и публицист Василий Розанов, знавший его лично. В поминальной статье он отметил: «С ним умерла целая система государственная, общественная, даже литературная».

Это была личность многомерная, потому и сложно оценивать ее. Ведь каждый из нас пребывает в своей системе координат, в которую трудно вместить гигантскую натуру Победоносцева. Ну и, как всегда, много легенд и мифов сопровождают имя крупного политического деятеля, и, чтобы составить представление о нем, максимально близкое к правде, надо продираться сквозь эти мифы, часто подлые и лживые.

Сам он так писал о себе: «И доброе, и злое мне приписывается, и всякий оратор всякого кружка произносит мое имя с тем, что ему нравится или не нравится. Есть множество людей, совсем меня не знающих, коим стоит только намекнуть, что мое имя связано с тем или другим именем или направлением, чтоб они, не рассуждая, примкнули к противоположному».

И такой ложный подход многие используют и поныне.

СЫН ПРОФЕССОРА

Константин Петрович Победоносцев родился 21 мая 1827 года в многодетной семье московского профессора Петра Васильевича Победоносцева. Он стал последним, одиннадцатым ребенком, поздним: отцу шел 56-й год, матери – 41-й. Елена Михайловна происходила из старинного дворянского рода Левашевых. Дед по отцу был священником. Детство прошло в доме (недавно снесенном) в Хлебном переулке, недалеко от церкви Симеона Столпника, той, что в начале Нового Арбата, чудом уцелевшей в советское время.

Отличное домашнее образование позволило ему минуя гимназию поступить в 14 лет в Императорское училище правоведения, где юношей готовили к гражданской службе «по части судебной». Его выпускники отличались аристократичностью, они составляли братство, верность которому хра-

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАИЛУЧШЕЙ ФОРМОЙ ПРАВЛЕНИЯ

для России Победоносцев считал самодержавную монархию, где источник власти – не народ, а Бог, перед ним царь ответственен за страну

Зал совета Святѣйшего синода. Санкт-Петербург. 1911

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нили всю жизнь. А девизом братства была строка из Горация: «Что бы ты ни делал, делай это разумно и не упуская из виду цель».

Через пять лет после окончания училища Победоносцева определили в канцелярию 8-го департамента Правительствующего сената, где решались судебные споры по гражданским делам, приходящим из соседних с Москвою губерний. Вскоре стал оберсекретарем, а в 25 лет получил чин надворного советника. Влиятельный чиновник! Пишет научные работы по русскому праву, публикует статьи, становится известен как знаток российского законодательства. В марте 1859-го он был утвержден преподавателем гражданского права на юрфаке Московского университета. В том же году защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства».

В начале реформ Александра II Победоносцева, как автора одного из лучших проектов нового судопроизводства, включили в комиссию по судебной реформе и командировали в Санкт-Петербург. Ее заседания сильно огорчали его, он писал в дневнике: «Жалко подумать – каким скудным запасом сведений обладают самые деятельные из членов; одностороннее отношение к предмету, поверхностные взгляды: ни один вопрос глубоко не обсуждается... Бедная Россия! ...А наверху, в правительстве – страшно и подумать, что делается. Безумные и мальчишки нами правят – в их руках благо и честь России».

Сказано более 150 лет назад, а будто про сегодня. Фатум тяжкий над нашей страной – часто попадать в руки бездумных реформаторов.

«ПОШЛЕЙШИЕ АРГУМЕНТЫ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАЧАЛ»

Победоносцев критично относился к высшим государственным сановникам, некоторых считал недостойными их постов. Да и вообще судил людей строго. Дочери Федора Тютчева Анне, с которой был дружен, писал в ноябре 1864 года: «Отчего это совсем людей нет? Отчего все кажутся так мелки, ни в ком не слышится силы, не за кого ухватиться – есть только через кого получать награды и казенные деньги, и разные степени власти! Отчего самая власть так потеряла свои громадные размеры и с каждым днем все мельчает и мельчает? ...Так иногда страшно делается за будущее, когда видишь в настоящем признаки разложения и слабости, и неправды».

Он боялся за Россию, но верил в будущую успешную деятельность наследника престола Николая Александровича (ему он преподавал законоведение), надеялся, что тот создаст власть, истинно служащую русским интересам, и эта надежда усиливалась тем более, чем «безотраднее казалась обстановка судеб наших». Увы, вскоре наследник скоропостижно умер.

1 января 1872 года Победоносцев вошел в Государственный совет по депар-

Великий князь и наследник Александр Александрович с супругой великой княгиней Марией Федоровной и придворными. Стоит крайний справа – сенатор К.П. Победоносцев. 1869

таменту гражданских и духовных дел, в коем тоже быстро разочаровался, придя к выводу, что члены Госсовета «продают правду жизни и твердые ее начала – на пошлейшие аргументы либеральных начал – и всякий раз оглядываются: не сочла бы нас Европа за варваров!». Они «что угодно готовы разрушить, от чего угодно отказаться, что угодно принять, лишь бы блестили лоском европейской биржи!»

Тяжело было все это видеть Константино Петровичу, с его-то пониманием жизни мировой и российской, с его великим умом и чувствительным сердцем. Он писал Достоевскому: «О нынешних событиях и положении дел не стану много говорить, вы сами видите и чувствуете. А мне боль-

но, больно и тяжко. Видя многое, что другие не видят, в людях и в делах, я не могу одушевляться надеждою, ибо для меня вопрос ставится просто: на репейнике не могут расти гроздья, на крапиве не вырастут смоквы».

24 апреля 1880 года царь назначил Победоносцева обер-прокурором Святейшего синода, оставив его сенатором и членом Госсовета. Он стал руководителем всей русской православной церковной организации. Но власть не любил, называл ее «страшным делом» и всегда смотрел на нее как на «бедствие, зная, что во власти надо потерять свободу и быть всем слугою». Однако его всегда поддерживала вера в святость призвания.

25-летию царствования Александра II Победоносцев подвел такой итог: «А это 25-летие роковое, и человек его – роковой для несчастной России. Бог с ним, Бог рассудит, виноват ли он или нет, только в руках у него рассыпалась и опозорилась власть, врученная ему Богом, и царство его, может быть, и не по вине его, стало царством лжи и мамоны, а не правды».

Время рассудило: оценка оказалась точной, семена многих бед российских посеяли именно тогда. А исправлять сложившееся положение в России (эту тяжелую работу Победоносцев всю жизнь исполнял) было сложно. Теперь он надеялся, что это удастся Александру Александровичу. Победоносцев стал и его воспитателем: он учил наследника российского престола законоведению, руководил его чтением и давал в письмах советы по управлению страной, убеждая: «У нас в России всего более дорожить надо нравственным доверием народа, верою его в правительство».

К.П. Победоносцев. Этюд к картине «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года». Худ. И.Е. Репин. 1903

«ТЕПЕРЬ ВРЕМЯ КРИТИЧЕСКОЕ»

В 1881-м Александра II убили террористы. Победоносцев, веря, что новому императору удастся отвести страну от пропасти, в письме к нему оценивал создавшееся положение и предостерегал: «Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбитая с толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никак. Все будут ждать в волнении, в чем ваша воля обозначится. Многие захотят завладеть ею и направлять ее».

И потом снова – Александру III: «Теперь время критическое для Вас лично: теперь или никогда – привлечете Вы к себе и на свою сторону лучшие силы в России, людей, способных не только говорить, но самое главное – способных действовать в решительные минуты. Люди до того измельчали, характеры до того выветрились, фраза до того овладела всем, что, уверяю честью, глядишь около себя и не знаешь, на ком остановиться».

Константин Петрович сыграл важнейшую роль в решении Александра III отказаться 8 марта 1881 года от преобразований, предложенных либерально настроенными министрами, назначенными его отцом. Но иного решения и трудно было ждать: через неделю после убийства Александра II какие уж тут либеральные реформы! Победоносцев стал и автором проекта знаменитого Манифеста о незыблемости самодержавия.

Он был одним из самых главных и честных помощников царя. Но в высших политических кругах так и остался «неэлитным» человеком. И светского Петербурга не любил, называл его «бедламом и центром разврата на всю Россию». Много ли насчитывалось в высших государственных кругах людей, так сильно и искренне переживающих за судьбу страны? Глубокий знаток эпохи Победоносцева, историк Владимир Томсинов считает: он был «особого рода вспомогательным инструментом, с помощью которого самодержец (сначала Александр III, а затем – первую половину царствования – Николай II) управлял обширной империей».

Инструмент сей отличал мощный интеллект (Розанов определил так: «страшно умен»), что признавали и антагонисты Победоносцева. Но не только это. Сергей Витте, ставший первым российским премьер-министром, во многом идейный противник Победоносцева, отмечал: «Несомненно, он был самый образованный и культурный русский деятель». Василий Розанов писал: «Можно без преувеличения сказать, что за весь XVIII, XIX и тоже десять лет XX века в составе высшего нашего правительства не было ни одной подобной ему фигуры по глубокой духовной интересности, духовной красоте, духовной привлекательности». И еще: «...Читал все, и постоянно читал философов, поэтов, за-

Император Александр III

конодателей, историков. Любовь его к чтению была неутомима, число прочитанных им книг было изумительно».

Познания его были энциклопедическими. Победоносцев блестяще разбирался в правовых вопросах, в религии, педагогике, истории, он оставил серьезные труды на все эти темы. Его педагогические сочинения актуальны и сегодня, и жаль, что они не востребованы современной школой. Победоносцев много уделял внимания развитию церковно-приходских школ: за четверть века увеличил их число с 273 до 43 696! И всю жизнь его, глубоко православного человека, беспокоила проблема дехристианизации европейского мира. Он делал все возможное, чтобы она не поразила и Рос-

сию. Последний его труд – «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К.П. Победоносцева». Его он завершил незадолго до смерти.

«СДЕЛАЛИ МЕНЯ КОЗЛОМ ОТПУЩЕНИЯ»

Победоносцев считал, что его роль в делах государства сильно преувеличена. «Сделали меня козлом отпущения за все, чем те или другие недовольны в России, – писал он. – Такую тяготу так называемого общественного мнения приходится переносить – нельзя и опровергать ее, да никто и не поверит, так укоренилась уже иллюзия неведения, невежества и пред-рассудка».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Церковь при Святейшем синоде.
Санкт-Петербург. 1911

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НАРОДОВЛАСТИЕ ПОБЕДОНОСЦЕВ НАЗЫВАЛ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ЛЖИВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАЧАЛ. Парламентаризм находил высшим выражением торжества эгоизма

Мифов, да еще и лживых, о Победоносцеве насочиняли преизрядно. И он слишком хорошо знал и видел ежедневно, каким могучим орудием злобы служат сплетня и клевета, подло распускаемая. Ему бы написать воспоминания, чтобы рассказать правду о себе, о царях, о России! Ведь он оказался свидетелем и участником стольких важнейших событий. Но Победоносцев был слишком занят делами: не до мемуарных записей.

Однако иногда душа не выдерживала и очень хотелось оправдаться. Перед кем? Да хотя бы перед царем Николаем II. В 1901-м он ему отправил автобиографическое письмо. Напоминая о своей роли в издании антилиберального манифеста от 29 апреля 1881 года, Победоносцев подчеркнул: «И вот с этого рокового для меня дня начинается и продолжается, разгораясь, злобное на меня чувство, питаясь и в России, и всюду за границей всеобщим шатаением умов, сплетнею, господствующею ныне во всех кругах общества, невежеством русской интеллигенции и ненавистью иностранной интеллигенции ко всякой русской силе».

И это продолжается, по сути, до сих пор. И только люди, искренне любящие Россию и верящие в ее великое будущее, пытаются сегодня очистить его имя от клеветы и сплетен.

НЕ ОТ МИРА СЕГО

Победоносцева даже недруги считали искренним и честным человеком. Как-то он заметил: «Когда я спорю с графом Лорис-Меликовым, он улыбается и говорит: вы оригинально честный человек и требуете невозможного». Последнему сподвижнику либерального Александра II – хитрому Михаилу Лорис-Меликову – обер-прокурор казался чудачком, будто не от мира сего. Победоносцева знали как абсолютно неподкупного – ни властью, ни деньгами, ни честолюбием. А вот единомышленник Лорис-Меликова – Александр Абаз, министр финансов в 1880–1881 годах – был уволен со службы Александром III: зная о предстоящем понижении курса рубля, тот пустился в спекуляции, на которых нажил миллион.

И такие люди правили Россией. Тяжело было среди них Победоносцеву. «Меня обвиняют в том, что я себя одного высоко ставлю и всех критикую, – писал он другой дочери Федора Тютчева, Екатерине, – но разве могу я, веруя в Единого Бога, вступить в нравственное общение с теми, в ком вижу идолопоклонников?» Поклонников золотого тельца.

Константин Петрович пользовался большим уважением Александра III, но не обладал таким сильным на него влиянием, какое ему приписывают. Будь его воля, вряд ли бы такие люди, как Абаз, занимали высокие посты. Царь руководствовался в кадровой политике собственными предпочтениями. И в финансовой сфере на первые позиции назначал чаще либералов – Николая Бунге, Сергея Витте.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Карикатура на К. Победоносцева «Как обратить Русь в христианство?». Ок. 1905

Константин Победоносцев пытался убедить императора, например, уменьшить влияние Бунге: «Простите, Ваше Величество, если эти строки покажутся неуместным вмешательством. Но дело представляется мне важным. Финансы – такое больное место в нашем государственном управлении, всякая ошибка в финансовой политике влечет за собой такие губительные последствия, что невозможно оставаться в спокойном ожидании, что будет дальше». Но у царя были и другие советчики.

Однако и преуменьшать заслуги Победоносцева нельзя. Имея в близких помощниках его мудрейший государственный ум, Александр III в итоге добился великопленных результатов: уберег Россию от войн, при нем страна развивалась такими темпами, каких не видела ни до, ни после...

«ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Победоносцев также был воспитателем Николая II и надеялся, что будет помогать и этому молодому императору. Константин Петрович говорил: «Ведь Вы никого не знаете. Ваш отец при вступлении на престол был в таком же положении – я один был около него. И теперь, если Вам что понадобится, то пошлите за мной, – мне ведь ничего не нужно, я желаю только служить Вам».

Поначалу так и было: царь часто обращался к обер-прокурору; однако либеральный лагерь в лице Бунге и Витте всячески старался оттеснить Победоносцева, что в конце концов и удалось. Да ведь и силы у того были уже другими: возраст приближался к 70 годам. Но противникам было выгодно выставить его могущественным деятелем, препятствующим либеральным реформам. Победоносцев возмущался, писал в 1904-м: «Это ложь и выдумка. Вот уже более восьми лет как я не принимаю участия ни в каких государственных делах, и кто принимает, – не знаю. Ни во что не вмешиваюсь, и никто меня не спрашивает. Никаких записок не подаю Государю, кроме докладов по текущим церковным делам. Я – уже давно отживший деятель...» На него тем не менее продолжали лить клевету и ложь...

Победоносцев стал больше уделять внимания публицистике. Его тексты, по свидетельству современников, обладали большой убедительностью, наверное, потому, что он искренне верил в правильность своих суждений. В его наследии, пожалуй, самой ценной является книга ин-

тереснейших статей «Московский сборник», и поныне актуальная. За пять лет она вышла пятью изданиями (первые в 1896-м – тремя). В ней Победоносцев развил наиболее волновавшие его мысли: он был противником завоеваний западной демократии – парламента, свободы печати, суда присяжных и т. п. – и страстно доказывал их вред для России.

Наилучшей формой правления для России Победоносцев считал самодержавную монархию, где источник власти – не народ, а Бог, перед ним царь ответственен за страну. Императора с рождения готовят к управлению государством, и ему не приходится тратить волю и силы в борьбе за власть. Монарх должен всегда соотноситься с политическими условиями и общественными традициями.

Народовластие Победоносцев называл одним из самых лживых политических начал. Парламентаризм находил высшим выражением торжества эгоизма: «Парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей». Он надеялся не дожить до учреждения в стране парламента, но дожился. При этом верил, что потомки пересмотрят взгляд на этот институт западной демократии: «Едва ли дождемся мы, – но дети наши и внуки, несомненно, дождутся свержения этого идола, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться».

Победоносцев – большой скептик в отношении свободы печати. Признавая силу прессы, он доказывал, что ее хозяевами становятся большие деньги, которые используют ее в своих целях, опять же корыстных. А публика легко поддается манипуляциям издателей, играющих на ее низких инстинктах развлечения и некритичном подходе к тому, что печатают.

«ВСЕГДА ОТЛИЧНО ЗНАЕТ, ЧЕГО НЕ НАДО»

Но нельзя впадать и в абсолютный восторг перед этим великим человеком. Он «всегда отлично знает, чего не надо, но никогда не знает того, что надо», – писал о нем граф Сергей Строганов, основавший первую в России

ПРЕДОСТАВЛЕНО ИМ. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий Розанов (1856–1919), религиозный философ, литературный критик и публицист

бесплатную школу рисования.

В конце концов, тот же Розанов, чуткий на людей и уж точно не либерал по взглядам, через три года после смерти Победоносцева сформулировал свои претензии к нему. Что, дескать, за всю долгую-предолгую жизнь он «ничего не делал и

только останавливал всех, кто еще что-нибудь мог бы сделать». Что и развитие церковно-приходских школ – заслуга не его, а педагога и просветителя Сергея Рачинского и Владимира Саблера, ставшего обер-прокурором Святейшего синода в 1911-м, правой руки Победоносцева. Что, будучи обер-прокурором Синода и юристом, Победоносцев не преобразовал даже духовных консисторий, «совершенно чудовищных». Упрекал он Победоносцева и в том, что из-за него задержалось учреждение парламента, весьма нужного России, и что эта задержка-то и привела к революции.

Впрочем, Василий Розанов потом винился: «Я не смел о нем писать дурно после смерти. Хотя объективно там и есть правильное, – но я был в этих писаниях не благодороден».

Что ж, любимая Россия иногда представлялась Победоносцеву «диким темным полем, и среди него гуляет лихой человек». Лихие люди и начали разгуливать в начале XX века, и он с ужасом видел, что оправдываются худшие его ожидания.

Одиноким оставался Константин Победоносцев в этом жестоком мире. Немногим людям он мог доверить сокровенное. Жене Екатерине Александровне. Дочерям Тютчева. Достоевскому. Своих детей у него не было. К его 70 годам они с супругой удочерили девочку, подброшенную к подъезду их дома. Он немного не дожил до 80 лет, умер 10 марта 1907 года.

Мыслящему честному человеку в России всегда было «горе от ума». Трагической представляется судьба Константина Петровича Победоносцева. Но он верил, что «руководит ею провидение, которое, помимо [его] воли, нередко вопреки ей, ставило [его] в положение видное на дело, от коего [он] не вправе был и не мог уклониться».

Владимир ПОЛЯКОВ

ЧТО ПОЧИТАТЬ?

К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996

Томсинов В.А.
Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) // Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 1. С. 348–415

«ДОКТРИНУ ТРУМЭНА НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ»

ВETERАН РОССИЙСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ВАЛЕНТИН ЗОРИН, КОТОРОМУ В ФЕВРАЛЕ ЭТОГО ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ 90 ЛЕТ, РАССКАЗАЛ, КОГДА НАЧАЛАСЬ И ПОЧЕМУ НИКОГДА НЕ ЗАКАНЧИВАЛАСЬ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, ЧЕМ МОТИВИРОВАНЫ ВОЛЬНЫЕ И НЕВОЛЬНЫЕ ПРОТИВНИКИ КРЕМЛЯ И В ЧЕМ СОСТОИТ МИССИЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Валентин Зорин наблюдает за Америкой вот уже седьмой десяток лет

Валентин ЗОРИН

родился 9 февраля 1925 года в Москве. В 1948-м окончил МГИМО. Работал обозревателем международного отдела «Последних известий» на радио «Маяк», с 1965-го – политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио. В 1970–1980-х годах – ведущий телепередач «Сегодня в мире», «9-я студия», «Международная панорама». С 2000-го – политический обозреватель государственной радиокompании «Голос России» (ныне МИА «Россия сегодня»). Автор многих книг: «Некоронованные короли Америки», «Америка семидесятых», «Владыки без масок», «Мистеры миллиарды», «Противоречивая Америка», «Неизвестное об известном». Лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель культуры, доктор исторических наук, профессор Института США и Канады РАН.

Вы впервые попали в США в 1952 году, в самый разгар холодной войны. Что вас больше всего впечатлило?

– Первое посещение Америки поразило меня: когда гуляешь по Манхэттену, смотришь на многочисленные небоскребы и понимаешь, что еще немногим более 200 лет назад на этом месте ничего не было, что здесь ходили бизоны и стояли вигвамы, это, конечно, очень впечатляет.

Я застал Америку в то время, когда в нью-йоркском Центральном парке на скамейках были надписи «Только для белых», в автобусах существовали отделения «Только для цветных». Сегодня же слово «негр» вообще под запретом. Иногда доходит до анекдотичных ситуаций: например, в нескольких штатах запрещены книги про Тома Сойера, потому что Марк Твен использует в них слово «негр», а не «афроамериканец». Правда, то, что негров переименовали в афроамериканцев, расовой проблемы все-таки не решило. С моей точки зрения, сейчас она стоит даже острее, чем тогда, в 1950-х, когда я впервые посетил Америку.

Причин тому несколько. Чернокожих стало намного больше. Социальное неравенство не только не ликвидировано – оно обретает все более серьезные формы, и нынешние расовые бунты – это не единовременная вспышка, а проблема. Проблема всерьез и надолго. Это будет большой головной болью США в ближайшие десятилетия.

– Сейчас на фоне украинского кризиса вновь заговорили о возвращении холодной войны. На ваш взгляд, она когда-нибудь заканчивалась?

– Начнем с того, что считать точкой отсчета холодной войны. Существует распространенное мнение, что она началась с фултонской речи Уинстона Черчилля, произнесенной им в 1946 году. Это было сильное выступление, Черчилль был хорошим оратором. «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен железный занавес», – заявил он.

Но, на мой взгляд, не это было отправной точкой. Холодная война началась в августе 1945-го – с атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, в которой никакой военной необходимости не было, потому что Япония была уже повержена. Мы же понимаем, что, когда Гарри Трумэн отдавал тот приказ об атаке, прицел был не на Японию, а на Москву. С моей точки зрения, это и было началом холодной войны. Атомная бомбардировка – первый акт, а в 1947 году появляется доктрина Трумэна, основная идея которой – сдерживание СССР. Эта же идея лежит в основе нынешней политики Вашингтона в отношении России.

– Был ли перерыв в холодной войне?

– Вновь начну ответ с вопроса: что понимать под «холодной войной»? Это явление очень многоликое. Война эта ведется на разных фронтах – политическом, военном, экономическом, информационном. И в советские годы это была не просто война двух идеологий – это было и геополитическое противостояние. После распада СССР ушла в прошлое идеологическая составляющая холодной войны, но геополитическая никуда не делась. Она не была так заметна: США были заняты тем, чтобы переварить тот куш, который им достался. Однако сей-

1

2

3

4

5

Валентину Зорину за свою долгую жизнь в журналистике удалось пообщаться со многими мировыми лидерами: премьер-министром Индии Индирой Ганди (1), президентами США Джорджем Бушем-ст. (2), Джеральдом Фордом (3), Рональдом Рейганом (6), госсекретарем США Генри Киссинджером (4), генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым (5) и первым президентом СССР Михаилом Горбачевым (7)

6

7

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВ

час настал новый этап геополитического противостояния. И в этом смысле холодная война не заканчивалась.

– Просто были и есть более и менее острые фазы?

– Да, время от времени случались какие-то послабления или, наоборот, происходили обострения. Скажем, Карибский кризис. До сих пор это самая опасная точка после Второй мировой войны, когда была

реальная угроза начала атомного противостояния двух держав.

Я, кстати, тогда был в Вашингтоне и видел, как накалилась обстановка, когда все окружение Джона Кеннеди требовало от него нанесения удара по кораблям, двигавшимся к Кубе с плохо замаскированными советскими ракетами на палубе. Кеннеди пошел против этого лобби. Он поступил как мудрый государственный деятель. Он не

только потребовал убрать ракеты с Кубы – в ответ на уход русских ракет с острова отдал приказ свернуть американскую базу Инджирлик в Турции, где находились ракеты, способные поразить советскую территорию. Это был разумный компромисс в тот очень острый момент. Кеннеди обладал выдающимися способностями: я думаю, что после Рузвельта в Белом доме деятеля такого масштаба, как Кеннеди, не было.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Август 1945 г. Американская бомбардировка Хиросимы и Нагасаки

На Потсдамской конференции (июль 1945 года) президент США Гарри Трумэн сообщил Иосифу Сталину, что у Америки появилось новое оружие невиданной разрушительной силы. По мнению Трумэна и премьерера Великобритании Уинстона Черчилля, внимательно наблюдавших за реакцией Сталина, тот не понял истинного смысла этих слов. Согласно мемуарам маршала Георгия Жукова, Сталин великолепно все понял, но не подал виду, а после в разговоре с министром иностранных дел Вячеславом Молотовым отметил, что «надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы [над атомной бомбой]». Меньше чем через месяц США сбросили бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. Количество жертв (с учетом умерших от лучевой болезни) достигло примерно 450 тыс. человек. Основной целью бомбардировок была демонстрация атомной мощи США.

Февраль 1946 г. «Длинная телеграмма» Джорджа Кеннана

Сотрудник американского посольства в Москве Джордж Кеннан (1904–2005) отправил в Вашингтон телеграмму, в которой изложил свое видение советско-американских отношений, сделав вывод о необходимости сдерживать Советский Союз. Телеграмма Кеннана легла в основу внешнеполитической программы США – доктрины Трумэна. Джордж Кеннан стал одним из идеологов создания НАТО. Он считал, что «передовая линия обороны Америки должна находиться на расстоянии нескольких тысяч километров от ее берегов».

– В США, кстати, многие считали, что Хрущев переиграл его в дни Карибского кризиса...

– Это сложный вопрос – кто кого переиграл. Позволю себе еще один исторический экскурс. В 1961 году Хрущев встречался в Вене с Кеннеди. Нас, советских журналистов, освещавших эти переговоры, было четверо, и мы жили вместе со всей нашей делегацией. В первый день после переговоров сидели вчетвером в маленьком гостиничном баре, обсуждали события дня, и вдруг открылась дверь и к нам вышел Никита Сергеевич Хрущев, очень возбужденный.

Тогда пресс-конференций после переговоров не проводилось, а ему, видимо, нужно было выговориться. И он стал нам рассказывать, как все прошло. А закончил словами, которые нас поразили: «Вы знаете, ребята, а президент-то у них зелененький!» Кеннеди действительно был президентом всего несколько месяцев. На мой взгляд, тут есть прямая связь – между этими словами Хрущева и его решением установить ракеты на Кубе. Он сразу недооценил Кеннеди, не оценил силу американской политической машины, не понял, с кем имеет дело.

– Михаил Горбачев был прав, когда выступил с «новым политическим мышлением» и пошел на сближение с Западом? Многие считают его не просто идеалистом, а даже предателем...

– «Новое политическое мышление» не возникло из ниоткуда. Попытки наладить отношения были всегда. Хрущев первым из советских лидеров ездил в Америку, встречался с Дуайтом Эйзенхауэром, приглашал его в Советский Союз. Эйзенхауэр очень хотел побывать на Байкале, и там даже построили специальную дачу, но поездка сорвалась из-за знаменитой истории с полетом Фрэнсиса Пауэрса. При Брежнев была «разрядка»: тогда были заключены очень серьезные соглашения. Так что в отноше-

ниях с Америкой всегда были приливы и отливы, и Горбачев вовсе не изобрел чего-то нового в этом смысле.

Я не согласен с теми, кто объявляет позицию Горбачева капитулянтской. Я был в Рейкьявике во время известной встречи Михаила Горбачева с Рональдом Рейганом. Тогда был готов для подписи крайне важный договор по ракетному разоружению. Рейган настаивал на своей любимой идее противоракетной обороны, Горбачев упорно отказывался. Мы уехали из Рейкьявика без всяких соглашений. Так что говорить о том, что Горбачев во всех случаях проводил капитулянтскую политику, значит, просто пренебрегать реальными фактами. То, что он пошел на снос Берлинской стены, на объединение двух Германий, – это серьезный акт, который значительно улучшил международную обстановку, отношения СССР с Европой.

Конечно, не случайно наши СМИ любят заострять внимание на том, что Горбачев

Сергей Викторович Лавров, если бы кто-то из них был тогда рядом с Горбачевым? Положили бы на стол официальную бумагу: подписывайте! А этот «ни один дюйм» никак юридически оформлен не был, что мы с вами до сих пор и расхлебываем. Так что были и серьезные успехи во внешней политике времен Михаила Сергеевича Горбачева, но были и не менее серьезные просчеты.

– Но что, по вашему мнению, должно быть написано в школьном учебнике истории про итоги внешней политики Горбачева? Как бы вы сформулировали?

– Это сложный вопрос, и одним предложением тут не отделаешься. Точно могу сказать, что предательства в его деятельности я не вижу. Предательство предполагает сговор, а сговора там не было. Но в мемуарах уже упомянутого мной Джеймса Бейкера прямо сказано, что Шеварднадзе одну за другой предлагал США уступки, на которые они никак не рассчитывали. Это

«ЧТОБЫ РЕШИТЬ СВОИ ЗАДАЧИ, страны оказывают давление друг на друга. И это нормально. Ненормально лишь спешить «прогнуться» под этим давлением, превентивно поднимая лапки вверх»

на Западе более популярен, чем в своей стране. Я считаю, что он не проявил достаточного профессионализма. На определенном этапе его подвел министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе. Я был на переговорах Горбачева с Джорджем Бушем-старшим в Вашингтоне. Когда обсуждался вопрос объединения двух Германий, госсекретарь США Джеймс Бейкер заявил, что если Германия будет объединена и СССР будет этому способствовать, то НАТО не приблизится к нашим границам ни на один дюйм. Слова про «ни один дюйм» я слышал своими ушами. Что бы сделал Андрей Андреевич Громыко или

правда, Бейкер, конечно, неблагодарно «сдал» своего «друга Эдуарда».

Вообще слово «предательство» я не употребляю даже по отношению к ельцинскому периоду российской внешней политики, к которому отношусь крайне отрицательно. Нашу дипломатическую службу в то время возглавлял самый, мягко говоря, неудачный министр иностранных дел – Андрей Козырев. Я позволю себе сильное выражение, но это был самый позорный период нашей внешней политики в новейшее время.

Знаменитый «разворот над Атлантикой» самолета нового министра иностранных

**Март 1946 г.
Фултонская речь
Черчилля**

Речь, произнесенная Уинстоном Черчиллем, на тот момент бывшим премьер-министром Великобритании, во время частного визита в Вестминстерский колледж в Фултоне, штат Миссури, США, считается отправной точкой холодной войны. «Я не верю, что

Советская Россия жаждет войны. Она жаждет плодов войны и неограниченного расширения своей власти и идеологии, – заявил Черчилль. – Из того, что я видел во время войны в наших русских друзьях и соратниках, я заключаю, что ничем они не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость». Поэтому, дал понять экс-премьер, Запад должен противопоставить Москве силу: только так можно остановить советскую экспансию в Европе.

**Март 1947 г.
Доктрина Трумэна**

Основой доктрины являлась политика сдерживания СССР. Эта программа на многие годы определила стратегический курс Вашингтона в отношениях с Москвой, стала политическим оправданием вмешательства США в дела других государств и идеологическим фундаментом образования НАТО, положила

начало оказанию широкой военной помощи разным странам, сопровождавшейся созданием сети американских военных баз на чужих территориях.

**Апрель 1949 г.
Создание НАТО**

Изначально в военно-политический блок, созданный, «чтобы защитить Европу от советского

влияния», вошло 12 стран: США, Канада, Исландия, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Италия и Португалия. По словам первого генерального секретаря НАТО Исмэя Гастингса, блок был образован с целью «удерживать русских в стороне, американцев внутри, а немцев под». В настоящий момент НАТО насчитывает 28 членов.

дел Евгения Примакова – фигура высшего политического пилотажа, важный поворот от того курса, который проводился козыревским МИД, к политике, достойной России, к той политике, которую сегодня осуществляет наш президент.

– Горбачев и Ельцин во внешней политике, в первую очередь в отношениях Москвы и Вашингтона, проводили одну и ту же линию? Или это были два разных подхода?

– Знак равенства между ними ни в коем случае ставить нельзя. Если говорить о политике Горбачева, повторяю, то есть и достижения, есть и серьезные ошибки и даже провалы. Что же касается Ельцина, достижений во внешней политике времен его президентства я лично назвать не могу.

– До последнего времени крах СССР было принято связывать с внутренними противоречиями советского строя. Теперь в моде другая версия: США обрушили советскую экономику, а вслед за экономической рухнула и вся страна. Вы согласны с такой трактовкой?

«В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА была не просто конфликтом двух идеологий – это было геополитическое противостояние. После распада СССР ушла в прошлое идеологическая составляющая, но геополитическая никада не делась»

– Это известная версия. В ее основе – информация о том, что существовал сговор США, в частности, с Саудовской Аравией: саудиты «уронили» цену на нефть, что весьма ощутимо ударило по энергозависимой советской экономике. Но мне представляется, что не это было причиной падения СССР. Слишком сильна была держава, чтобы при помощи такого рычажка, как цены на нефть, полностью разрушить ее. Существовали внутренние причины. Прежде всего экономические: фактически к концу 1980-х советская экономика уже была малозэффективна, она не могла решить элементарную задачу – накормить свой народ. Отсюда пустые прилавки. Были серьезные ошибки и в национальной политике: долгие годы считалось, что здесь вообще нет проблем. А они вылезли, как только режим стал более мягким. На самом деле, это очень сложная тема, она требует глубоких исследований. Но я считаю, что популярная версия, в соответствии с которой США устроили заговор и развалили нам страну, является очень примитивной и в общем-то не соответствует реальности.

– Сейчас либеральная общественность активно запугивает: санкции, падение цен на нефть, рост курса валют... Мол, все это приведет к тому, что Россия повторит судьбу СССР. Что бы вы ответили авторам этих страхов?

– Позволю себе заметить, что речь идет о небольшой группе граждан, которая, впро-

чем, пытается представить дело так, что говорит от имени большинства, от имени многих людей. К счастью для России, если брать основную часть граждан, то очень немногие из них действительно настроены панически. И очень немногие выступают против политического курса Владимира Владимировича Путина. Руководитель крупной державы с рейтингом более 80%, о каких «многих» может идти речь?

Тем не менее такая точка зрения, безусловно, существует. И я с ней категорически не согласен. Да, российско-американские отношения, на мой взгляд, находятся сейчас на самой низкой точке как минимум за последние несколько десятилетий. Но это не результат политики России или лично президента Путина. Это результат того, что политика сдерживания, которая была провозглашена еще при Трумэне, Америкой все еще проводится. И если президент Ельцин нужного отпора этой политике не давал, то президент Путин с ней не согласился. Отсюда такая реакция. Поэтому надо смотреть, откуда ноги растут.

Что, ситуация ухудшилась потому, что Путин такой нехороший, произнес мюнхенскую речь и все испортил? Или же все совсем наоборот и обострение в отношениях происходит потому, что мы перестали принимать претензии США на мировое лидерство и выступили против того, что представляет прямую угрозу нашей стране? Все же очевидно: когда в Польше и Чехии (а в перспективе и на Украине) создаются военные базы, не отвечать на это и принимать это как должное просто нельзя.

Иную позицию занимают некоторые наши оппозиционные круги, у которых, кстати, нет никакой своей внешнеполитической программы. Мне было бы любопытно: а как они видят ситуацию? Но вся их позиция состоит в критике. Путин в нескольких крупных выступлениях, включая последнее послание Федеральному собранию, четко изложил свое видение. Знаете ли вы контрпрограммы? В том-то и дело, что их не существует. И у меня такое безмозглое критиканство уважения не вызывает.

– «США работают на то, чтобы добиться ухода Путина» – об этом все чаще заявляют в российском МИД. Что означает для Америки «фактор Путина»? Почему там настроены против него лично? Брежнев же не собирались свергать...

– Этот курс практически официально провозглашен Белым домом. США не устраивает сильный лидер вообще, а уж тем более лидер, который им противоречит, который не принимает условий американской игры.

Но Путин действует в интересах своей страны, в соответствии с представлениями наших граждан о справедливом мироустройстве. Русскому народу невозможно навязать идею, что он должен разружиться.

Конечно, значительно легче сконцентрировать все на одной фигуре и сказать, что в ней заключено все зло: уберете Путина – и мы сразу подружимся и обнимемся. Но это ложь. Так не бывает. Есть геополитические интересы, они часто не совпадают, это обычное явление. Чтобы решить свои задачи, страны оказывают давление друг на друга. И это тоже нормально. Ненормально лишь спешить «прогнуться» под этим давлением, превентивно поднимая лапки вверх.

Напомню, что старая добрая Европа пыталась навязывать России свои правила игры еще в те времена, когда Америка

Всего за 10 лет – с середины 1980-х до середины 1990-х – внешнеполитический курс нашей страны проделал путь от «линии Андрея Громыко» (слева) до «пунктира Андрея Козырева» (справа)

*«Что касается Ельцина, то достижений во внешней политике времен его президентства я лично назвать не могу»
(на фото: Борис Ельцин и Билл Клинтон, Вашингтон, 1995)*

была глухой-глухой провинцией. Например, известно, что иностранные связи были у заговорщиков, которые убили Павла I в 1801 году. Так что история антироссийского тренда в политике Запада насчитывает по меньшей мере два-три столетия...

– Существует угроза военного конфликта между Россией и США?

– Вы знаете, всю свою жизнь я живу в обстановке, когда существует такая угроза. Бывают приливы и отливы, но ощущение военной угрозы, к сожалению, не уходит. И что теперь? Это данность. И это иллюзия, что можно избавиться от ощущения этой угрозы путем сдачи своих позиций. Это очень опасная иллюзия: к счастью, она является уделом лишь незначительного сегмента российского общества.

– В одной из своих статей вы как-то употребили в отношении некоторых групп наших граждан термин «колонизированные туземцы». Еще говорят об американской пятой колонии в России. Как люди туда попадают, что ими движет?

– Мне не нравится термин «пятая колонна». Так в республиканской Испании называли предателей, которых ловили и ставили к стенке. Тех, кто критикует президента Путина, к стенке ставить не нужно. Кроме того, есть люди, которые вольно и невольно придерживаются такой позиции.

Не будем забывать, что нашей интеллигенции всегда было свойственно критиковать власть. В дореволюционные времена

интеллигентом мог считаться только тот, кто не согласен с властью. Эти люди невольно выступают против власти.

Но это не означает, что нужно отрицать факт, что американцы тратят много миллионов на поддержку так называемого «гражданского общества в России». Спорить с этим трудно: эти расходы прописаны в официальных документах Вашингтона. Эти деньги ведь куда-то идут, кому-то достаются. Это не «невольные» борцы с «кровоавым режимом», вернее, небескорыстные. Это тоже факт. Но все-таки вешать на несогласных ярлык «пятая колонна» не только неправильно, но и опасно.

– Как вы думаете, есть ли шанс у Москвы и Вашингтона договориться, как во время Карибского кризиса, уважая интересы друг друга, или США уже встали на тропу... если не войны, то жесткой конфронтации, цель которой – «нулевой результат»?

– Я считаю, что такой шанс есть. Существуют глобальные проблемы, которые в одиночку не решить. Специалисты, экологи ведут спор, сколько осталось существовать сегодняшней цивилизации. Кто-то говорит, что несколько десятилетий, кто-то – что до конца текущего века. Производственные возможности Земли уже не выдерживают людских запросов потребления. Можно сколько угодно говорить об исламской угрозе, но бороться в одиночку против нее ни один президент не сможет. И так далее.

Россия – влиятельный игрок в мировой политике, и без нее эти проблемы не решить. Но когда придет понимание этого факта, судить трудно.

В ближайшее время российско-американские отношения будут еще сложнее. Похоже, через два года в Белый дом въедет президент-республиканец, а республиканцы более жестко настроены по отношению к России. У демократов, по моему мнению, и нет сильных фигур, помимо Хиллари Клинтон, которые могли бы баллотироваться. Республиканцы уже выиграли промежуточные выборы в конгресс. И это серьезная заявка на то, чтобы занять Белый дом. С ними нам будет еще труднее, чем с Баракком Обамой. Но все-таки, пока существует объективная необходимость бороться вместе против глобальных угроз, и они, и мы будем искать пути мирного взаимодействия.

– Что напишут в школьном учебнике истории про внешнюю политику Владимира Путина?

– Эпоха внешней политики Путина еще не закончена, поэтому подождем делать окончательные выводы. Но, с моей точки зрения, очевидно, что Путин сегодня совершенно объективно занимает первое место среди мировых лидеров – и по влиянию на международные процессы, и просто по масштабу личности. На мой взгляд, нашей стране наконец-то повезло с лидером...

Владимир Рудаков, Елена Вильшанская

The image shows a museum room with a high, ornate ceiling featuring intricate carvings and a central medallion. The walls are decorated with numerous framed photographs and posters, including one with the names 'КАРПОВ' and 'КАСПАРОВ'. A large chess table is set up in the foreground, with chess pieces on it and two small Chinese flags. A dark leather chair is positioned next to the table. To the left, there are several glass display cases filled with trophies and other items. The floor is covered with a patterned rug.

ФИГУРНЫЙ ДОМ

МУЗЕЯМИ МОСКВУ НЕ УДИВИШЬ: ПУШКИНСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, КРЕМЛЬ, ТРЕТЬЯКОВКА. ЕСТЬ МУЗЕИ ПОМЕНЬШЕ И ПОСКРОМНЕЕ, НО ОТ ЭТОГО ОНИ НЕ МЕНЕЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫ. ВЗЯТЬ, К ПРИМЕРУ, МУЗЕЙ ШАХМАТ, ЧТО НА ГОГОЛЕВСКОМ БУЛЬВАРЕ, 14...

Дом на Гоголевском бульваре воздвигли на пепелище московского пожара 1812 года

Музеи шахмат есть в США, Голландии, Швейцарии, Германии и других странах. Самая большая коллекция в Мексике: она занимает четырехэтажный дом, там представлено 2 тыс. комплектов шахмат. Но первый в мире музей шахмат появился в Москве в 1980 году. Сейчас в его собрании около 3 тыс. экспонатов, из них в экспозиции выставлена лишь десятая часть. Это уникальные экспонаты. Казалось бы, шахматы – они и есть шахматы: кто бы мог подумать, что маленькие фигурки могут так передавать аромат и колорит эпохи!

В основу музея легла часть собрания известного ленинградского коллекционера В.А. Домбровского (1905–1966), приобретенная Центральным шахматным клубом у его вдовы. В дальнейшем коллекция разрасталась за счет поступлений от любителей шахмат и знаменитых шахматистов, подарков, сделанных шахматными федерациями и клубами разных стран Шахматной федерации СССР и Российской шахматной федерации, вошли в нее и призы, полученные сборными СССР и России на крупнейших мировых состязаниях. Сегодня в музее несколько сотен шахматных комплектов, картины, графика, документы, наградные кубки и личные вещи известных советских и российских шахматистов...

В НАЧАЛЕ БЫЛО ПЕПЕЛИЩЕ

Но прежде чем войти в музей, расскажем про дом, в котором он располагается. Итак, Гоголевский бульвар, 14.

В грандиозном московском пожаре 1812 года, как свидетельствует официальный рапорт Министерства полиции, «Пречистенская и Арбатская части сгорели во все». Сквозь груды головешек, оставшихся от допожарного самостроя на расчищенном под бульвар участке бывшей крепостной стены Белого города, пробивался своевольный ручей Черторый. Только через 10 лет после наполеоновского погрома участок № 408, принадлежавший полковнице Турчаниновой, был приобретен четой дворян Васильчиковых. Еще через несколько лет он превратился в городскую усадьбу – с двумя каменными домами, хозяйственными постройками, фруктовым садом и огородами.

Они росли вместе – усадьба Васильчиковых на месте пожарища и Пречистенский бульвар на месте стены Белого города. «Сколько надобно было употребить работы, – пишет современник в начале 1830-х годов, – чтобы из безобразной горы сделать такое приятное место: тут была произведена обширная планировка, срыли почти

целую гору, которая была не ниже главы церкви Покрова, что на Грязях, находящейся на другой стороне улицы».

Искрой на ветру истории промелькнул сын Васильчиковых, Николай, кавалергард и декабрист, арестованный в родительском доме вместе со своим другом Свистуновым зимой 1826 года и вернувшийся сюда из кавказской ссылки в 1831-м. Он не получил городской усадьбы в наследство: в конце 1830-х Васильчиковы уступили владение графине Зубовой, урожденной Оболенской, бывшей замужем за внуком А.В. Суворова.

Чета Зубовых не оставила прямых наследников, и в 1858 году усадьба перешла брату графини, гвардейскому полковнику Сергею Оболенскому. Именно при нем, благодаря его средствам и связям (состоял для особых поручений при московском военном генерал-губернаторе!), и начал складываться настоящий московский особняк. Большой дом приобрел п-образную форму, а к 1862 году два здания были объединены в одно.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ МУЗЕЙ ШАХМАТ

появился в Москве в 1980 году. Сейчас в его собрании около 3 тыс. экспонатов, из них в экспозиции выставлена лишь десятая часть

МАВРИТАНСКАЯ КОМНАТА

При взгляде на фасад особняка хорошо виден переход – на месте бывшего въезда во двор, с единственным окном, связывающий двух- и трехэтажную части здания. Там владелец, вдохновленный модным в то время ориентализмом, создал красно-золотую Мавританскую комнату с куполом, резными арками, геометрическим орнаментом. Неподалеку расположилась и небольшая Персидская комната, скорее всего курительная.

Сильно похорошели в то же время и парадные помещения дома: появились выразительная лепнина, гобелены на стенах и три великолепных камина из мрамора и яшмы. В покои вели массивные резные двухстворчатые двери, а на втором этаже был устроен стометровый Большой зал с шестиметровым потолком. От перекрытий третьего этажа здесь остались только антресоли с двух сторон – туда поднимался оркестр: в помещении оказалась прекрасная акустика. Этот концертный зал стал словно притягивать к себе людей искусства.

В 1865 году князь Оболенский покинул военную службу и, устраивая новую жизнь (крепостное право отменили, жить за счет крестьян было теперь невозможно), продал дом купцу первой гильдии золотоканительщику А.В. Алексееву – по словам знатока московского купечества Павла Бурышкина, «представителю одной из самых культурных и самых почтенных купеческих фамилий», дя-дюшке будущего великого режиссера К.С. Станиславского. Сын Алексеева Николай будет московским городским

СТАУНТОН, ПРЕДОК ВСЕХ «СТАУНТОНОВ»

Профессионалы предпочитают «стаунтон». Они, возможно, не задумываются почему – удобно, и все. Но именно ради того, чтобы настоящие игроки не думали о постороннем, много и долго размышлял в середине XIX века англичанин Натаниэл Кук. В 1849 году он запатентовал особый дизайн шахматных фигур, призванных быть не столько украшением кабинета, сколько рабочим инструментом турнирного зала. Он задался целью создать фигуры, чья сравнительная простота не отвлекает от погружения в мысли во время партии. Фигуры, вес которых рассчитан до грамма, которые удобно и приятно держать в руке. Фигуры, которые были бы достаточно устойчивы и прочны, чтобы выдержать «швыряние» по доске в блицпартиях и при цейтноте. У него получилось.

О таких фигурах давно мечтал некоронованный шахматный чемпион того времени Говард Стаунтон. Он не только дал свое громкое имя комплекту нового дизайна, но и начал рекламировать его в своей шахматной газетной колонке. Он лично расписывался на этикетках, наклеенных с внутренней стороны на крышках ящичков для фигур. Так удостоверилась подлинность

приобретения, при этом красные этикетки означали, что фигуры из слоновой кости, а зеленые и белые указывали на ценные породы дерева, например палисандр. Но из какого бы материала ни были фигуры, они все обладали теми достоинствами, которые и сделали имя Стаунтона нарицательным. За их кажущейся простотой – сдержанная роскошь викторианской Англии. Чего стоит только визитная карточка «стаунтона» – конь, голову которого вырезали вручную! Кук скопировал ее с фриза античного Парфенона, хранящегося в Британском музее. Коллекционеры по голове коня могут определить год изготовления шахмат.

С 1924 года на всех турнирах, проводимых ФИДЕ, играют шахматами «стаунтон». Правда, со временем стало так много подражателей, копирующих и продолжающих идеи удачного изобретения, что сейчас комплект во всех его упрощенных и усложненных модификациях просто примелькался. На смену слоновой кости пришел пластик... И все-таки существуют коллекционеры, не утратившие любовь к «роллс-ройсу шахматных фигур» и собирающие только и исключительно «стаунтон».

УЧЕБНИК БУТРИМОВА 1821 ГОДА

Предмет зависти, по большей части белой, многих библиофилов. Это первая шахматная книга, вышедшая на русском языке, пусть даже «перепев» известного тогда немецкого учебника Коха 1813 года (в музее рядом лежит, для сравнения). Старейшая в коллекции книга – самый новый экспонат: он подарен музею на день рождения вице-премьером Аркадием Дворковичем.

головой, известным благотворителем, одним из основателей и директором Русского музыкального общества.

В 1885 году Алексеевы выстроют себе новый дом в северной части владения (на месте сада; ныне Гоголевский, 16), а южную со старым зданием продадут семейству фон Мекк. Тогда это семейство знали прежде всего как удачливых железнодорожных предпринимателей. А в наше время фамилия известна благодаря Надежде фон Мекк, другу и покровительнице П.И. Чайковского, посвятившего ей жизнеутверждающую Четвертую симфонию. «Я ей обязан не только жизнью, но и тем, что могу продолжать работать, а это для меня дороже жизни», – писал Петр Ильич одному из своих друзей. Надежда фон Мекк пережила композитора всего на два месяца. А дом купил Александр Иванович Фальц-Фейн, богатый землевладелец Новороссии, страстный охотник и коллекционер старинного оружия. (Его внучатый племянник барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн посвятил жизнь возвращению на родину вывезенных из России произведений искусства, в 1998 году ему объявлена благодарность президента России за большой вклад в сохранение культурного и исторического наследия.) К 1899 году стараниями Фальц-Фейнов особняк тщательно подготовился к вступлению в новый век: здесь появились вентиляция, паровое отопление и электричество. А фасад украсил чугунный балкон.

РАЙСКИЙ УГОЛОК

От баронов дом снова перешел к знаменитой купеческой династии. Его приобрела Любовь Зимина, сестра владельца частной оперы С.И. Зимина и жена весьма известного в первой половине XX века оперного певца Н.Г. Райского. Особняк стал одним из центров культурной жизни города. В Большом зале раздавался густой шалыпинский бас, здесь играли С.И. Танеев, А.К. Глазуннов и С.В. Рахманинов, для обсуждения новых постановок (даже во время начавшейся Первой мировой войны!) собирались видные режиссеры, художники и критики...

В ОСНОВУ МУЗЕЯ ЛЕГЛА часть собрания известного ленинградского коллекционера В.А. Домбровского (1905–1966), приобретенная Центральным шахматным клубом у его вдовы

Грянула революция 1917 года. Дом был национализирован и передан под коммунальное жилье. Чету Райских уплотнили: супругам досталась квартира № 4. В 1924-м, как раз когда Пречистенский бульвар переименовали в Гоголевский, им пришлось перебраться в служебную квартиру при Московской консерватории (Райский был профессором музыки). На пять лет особняк стал одним из комплекса зданий Верховного суда РСФСР, вытянувшегося по бульвару, а потом был отдан под общежитие семейных политэмигрантов из Европы и Азии. Большой зал превратился в многоязыкий интернациональный клуб! Заметно поредел он в годы «большого террора» и великой войны. Уцелевшие вернулись, а дому во второй половине 1940-х досталась новая роль – служебного здания гигантской империи «Дальстрой», подразделения ГУЛАГа, организовавшего золотодобычу на Колыме, освоение Чукотки и Якутии.

С наступлением оттепели система ГУЛАГа рухнула, «Дальстрой» сдулся до ведомства, а потом и вовсе был упразднен. Особняк на Гоголевском бульваре на некоторое время опустел... И начал новую жизнь – в качестве Центрального шахматного клуба СССР, легендарного ЦШК, впоследствии – Центрального дома шахматиста (ЦДШ).

ДОМ ШАХМАТИСТА

В 1956 году длительная «осада» советского правительства ведущими шахматистами страны, кстати ведущей мировой шахматной державы, увенчалась успехом. Главную роль в истории со счастливым концом сыграли седьмой чемпион мира Василий Смыслов и его тренер, упорный гроссмейстер Василий Алаторцев (его имя запечатлено на памятной доске на парадной лестнице особняка).

Смыслов дружил с главным архитектором Москвы Михаилом Посохиним и был его соседом, и тот взялся помочь – при условии, что найдется человек, готовый проводить часы и дни в бесконечных путешествиях по инстанциям. За такую работу и взялся Алаторцев. Он, как вспоминал Василий Смыслов, «любил эти бесконечные «хождения по мукам», ему нравился сам процесс пробивания (неважно чего), а если он к тому же верил, что все получится, то тут уж его было не остановить».

И 18 августа 1956 года на Гоголевском бульваре появился главный шахматный дом страны. Все «центральное» в мире советских шахмат сосредоточилось здесь: центральные шахматные издания, центральный лекторий, шахматная школа... На чугунном балконе Фальц-Фейнов приспособились выставлять доску для демонстрации ходов важнейших партий, игравшихся в клубе (все болельщики просто не помещались!). Клуб стал шахматной Меккой: почти сразу после открытия тут собрался конгресс ФИДЕ, Международной шахматной федерации, а в 1958 году 15-летний шахматный гений Бобби Фишер примчался в Москву и вместо обозрения ее достопримечательностей все дни провел в гроссмейстерской комнате ЦШК в блиц партиях с советскими

ШАХМАТЫ ПРОФЕССОРА ВАСИЛЕНКО

Шахматы, которые подарил китайский лидер Мао Цзэдун профессору Василенко, – это уникальный комплект с необычной судьбой! В начале 1950-х годов у Великого Кормчего Мао заболел живот. Своим врачам он, очевидно, не доверял и попросил Иосифа Сталина прислать ему хорошего специалиста. В Китай отправили лучшего гастроэнтеролога Советского Союза – главного терапевта Кремлевской больницы, профессора Владимира Харитоновича Василенко. Доктор вылечил вождя, и тот его по-царски одарил. Среди подарков оказались костяные шахматы ручной работы, сделанные в начале XX века в единственном экземпляре.

Но когда в ноябре 1952 года Владимир Василенко возвращался в Москву, началось печально известное «дело врачей». Его арестовали прямо у трапа самолета и отправили на Лубянку вместе с шахматами. Характер у профессора был суровый, он не подписал никаких клеветнических обвинений и провел в заключении примерно полгода. За решеткой ждали своего хозяина и конфискованные у него шахматы. Когда Сталин умер и «дело врачей» рассыпалось, Василенко выпустили на свободу и... вернули шахматы!

В дальнейшем Владимир Василенко станет академиком и членом президиума Академии медицинских наук, Героем Социалистического Труда, лауреатом госпремий. Он доживет до 90 лет. А китайские фигурки попадут в «кинозвезды». Когда снимался художественный фильм о том, как у Ойстраха украли скрипку и шахматы, киношники искали что-нибудь лобопытное для съемок. Их выбор пал именно на этот китайский комплект.

Профессор Василенко хотел, чтобы его шахматы с биографией заняли место в Музее шахмат. В 2014 году это пожелание осуществилось.

Рассказал гроссмейстер Ю.Л. Авербах

НЕМЕЦКИЙ ШАХМАТНЫЙ СУНДУЧОК

Памятник громоздкой индустриализации мира в XIX веке: очень тяжелая для своих размеров металлическая конструкция – не то что в карман, в дорожную сумку не положишь. Зато первые, видимо, магнитные фигурки, не сползающие с доски во время тряски в железнодорожном вагоне или в качку на трансатлантическом пароходе. И на всякий случай замки на выдвигающихся ящичках для фигур.

ЦАРИЦА ИГР, ИГРА ЦАРЕЙ...

О картине Петра Цепалина «Смерть Ивана Грозного за шахматами» знают, наверное, немногие: ее нет в популярных и именитых каталогах исторической живописи. А вот сюжет ее известен давно. Еще англичанин Джером Горсей в своих мемуарах подробно писал о том мартовском вечере 1584 года. Царь провел в бане около пяти часов, «развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать», затем вышел, «хорошо освеженный». «Его перенесли в другую комнату, посадили на постель, он позвал Родиона Биркина, дворянина, своего любимца, и приказал принести шахматы». Иван Грозный разместил около себя своих слуг, главного любимца и Бориса Годунова, а также других. (Запись на полях: «короля... он никак не мог поставить на доску».) «Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь».

Царское увлечение этой игрой – не редкость для Московской Руси. Другой иностранный гость заметил: «Особенно искусны русские в шахматах, что неудивительно: в этой стране длинные, холодные, суровые зимы, и ее жители только тем и занимаются, что коротают долгие вечера, упражняясь в искусстве этой мудрой игры». При всех преувеличениях наблюдение довольно интересное. Между прочим, в какой еще стране существовали в то время особые ремесленники – «шахматчики», специализировавшиеся исключительно на производстве шахмат? Да не только в Москве, но и на окраинах: археологи находят фигурки даже на Шпицбергене, островах Карского моря, среди остатков сибирской Мангазеи...

Новый век и новая династия Романовых не изменят традициям. На выставленном в Музее шахмат блюде – достоверный сюжет: царь Алексей Михайлович Тишайший за шахматной доской. Сменившие его на троне сыновья, Федор и потом Петр I, также будут известны как большие любители шахмат. Сохранились свидетельства о том, как играли в царскую игру Екатерина Великая, ее сын Павел, ее внук Николай I...

А одна из литографий, представленных в музее, передает мгновение, остановленное фотокамерой в 1890 году: уютный семейный вечер у датской королевы, и за шахматами – ее внук, Николай Александрович, будущий император всероссийский Николай II.

ми шахматистами и в тщетном ожидании встречи за доской с чемпионом мира Михаилом Ботвинником...

Музей возник здесь в 1980-м. Почти 30 лет это была всего лишь небольшая комната в 30 кв. м. В 2009 году музей был закрыт в связи с аварийным состоянием части здания. Он открылся вновь совсем недавно – в конце сентября 2014-го. Здание отремонтировали, вернув ему былые лоск и блеск. Площадь музея выросла в 6 раз, теперь экспозиция расположена в трех залах «шахматного» особняка.

Тут представлены действительно уникальные экспонаты, среди которых редчайшие комплекты шахмат. Рядом с изящными шедеврами из слоновой кости и эбенового дерева – строгие картонные шахматы из блокадного Ленинграда, гнутая проволока шахмат ГУЛАГа, приспособленные к условиям невесомости «космические» шахматы, созданные для первой в истории шахматной партии «Космос – Земля» (1970 год).

Интересны афиши самых разных шахматных соревнований: раритетная афиша Куйбышевского турнира мастеров и гроссмейстеров военного 1942 года, а также афиши матчей на первенство мира, шахматных Олимпиад, крупнейших турниров, первых детских шахматных соревнований «Белая ладья». В экспозиции нашлось место и для призовых кубков, выигранных советскими и российскими шахматистами на соревнованиях самого высокого ранга. Старейший

РЯДОМ С ИЗЯЩНЫМИ ШЕДЕВРАМИ

из слоновой кости и эбенового дерева – строгие картонные шахматы из блокадного Ленинграда, гнутая проволока шахмат ГУЛАГа, приспособленные к условиям невесомости «космические» шахматы, созданные для первой в истории шахматной партии «Космос – Земля»

кубок – кубок леди Гамильтон-Рассел, врученный первой в истории шахмат чемпионке мира Вере Менчик в 1927 году.

В музее есть посвященные шахматам картины, а также награды и личные вещи выдающихся шахматистов: Михаила Чигорина, Александра Алехина, Михаила Ботвинника, Тиграна Петросяна. На почетном месте – всегда привлекающий посетителей «тот самый» стол легендарного шахматного матча Карпов – Каспаров 1984 года, «те самые» часы, флажки, бланки, конверты для откладывания партий.

В залах музея представлены редкие книги – как из собственного фонда, так и из собрания библиотеки ЦДШ. Среди них первое издание знаменитого учебника Франсуа-Андре Филидора «Анализ шахматной игры» (1749), трактат «Ни с чем не сравнимая игра в шахматы» Доменико Понциани (1769), «Опыт шахматной игры» Филиппа Стаммы, первая российская шахматная книга «О шахматной игре» Ивана Бутримова (1821), подшивка первого в мире шахматного журнала «Паламед» (1843), французский учебник Жана Прети с автографом Александра Алехина, книги с автографами других известных шахматистов.

Дмитрий Олейников, фото Владимира Бойко

«КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС – ЭТО ФИКЦИЯ»

КАК МЕНЯЕТСЯ ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К КОНСЕРВАТИЗМУ,
ЧЕМ НАВАЛЬНЫЙ ПОХОЖ НА ЕЛЬЦИНА И КТО ВЫДУМАЛ
«КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС»? ОБ ЭТОМ РАЗМЫШЛЯЕТ ГЕНДИРЕКТОР
ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО
МНЕНИЯ (ВЦИОМ) ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВ

Как сегодня в обществе относятся к консерватизму?

– По-разному. Начну издалека. Несмотря на то что режим в СССР в последние несколько десятилетий своего существования был явно консервативным, советская картина мира предполагала вполне определенное отношение к консерватизму как таковому. В рамках этой картины мира консерватизм подвергался поруганию, осмеянию, традиционно ставился знак равенства между консерватизмом и реакцией, черносотенством, ретроградством, желанием задушить все живое, новое, светлое и т. д.

Поэтому изменение такого негативного отношения к консерватизму – процесс долгий и болезненный, неизбежно растянутый во времени. Еще в начале 2000-х наши социологические замеры показывали, что восприятие консерватизма большинством россиян не выходит за рамки советской матрицы. Несмотря на накопившееся к тому времени желание «отдохнуть» от бурной эпохи 1990-х, люди не воспринимали

С каким из нижеприведенных суждений о сущности консерватизма вы согласны в большей степени? (%)

	2003 год	2014 год
Консерватизм – это то, что позволяет сохранить обычаи и традиции страны, существующий общественный строй и двигаться дальше вперед без рывков и потрясений	44	56
Консерватизм – это то, что не позволяет обществу двигаться вперед	27	31
Затрудняюсь ответить	29	13

Источник: ВЦИОМ

консерватизм в качестве возможной альтернативы.

В этих условиях идеологам и адептам российского консерватизма важно было провести своего рода перекодировку, показать, что консерватизм – это необязательно движение назад, что это вполне может быть движением вперед. Только такое движение вперед основано на иных, чем предлагал либерализм 1990-х, ценностях. Задача оказалась непростой...

– Когда произошел перелом в восприятии?

– Наши сегодняшние опросы показывают, что в целом эта задача решена: сейчас консерватизм у большей части опрошенных граждан вызывает скорее позитивные ассоциации, нежели негативные. Эта перемена произошла за последние пять-семь лет.

Но это не значит, что минус всюду сменился на плюс: остаточные негативные ассоциации все-таки еще распространены. И поэтому, я считаю, нужно продолжать в хорошем смысле пропаганду консерватизма как течения, ориентированного на поступательное развитие и опирающегося при этом на культурные и политические традиции страны.

– Какие консервативные ценности являются общепризнанными в современном российском обществе?

– Главная консервативная ценность нашего общества – семья. Ценность семьи актуализировалась еще во второй половине 1990-х годов на фоне тех болезненных трансформаций, которые тогда переживало общество. И она до сих пор является ключевой. Более того, с учетом, что на Западе происходит переосмысление самого института традиционной семьи, в последнее время эта ценность получила новое измерение. Таким образом, во-первых, россиянам важна семья как таковая, и, во-вторых, им важна нормальная, традиционная семья.

Следующая ключевая ценность – патриотизм. Любовь к Родине начиная, пожалуй, с конца 1990-х, со второй чеченской войны, вновь оказывается одной из ведущих ценностей нашего общества. И с тех пор наши победы на любых фронтах – военном, дипломатическом, политическом, экономическом, спортивном – дают все новые и новые импульсы патриотическим настроениям.

Наконец, еще одна базовая консервативная ценность – государство. Для консерваторов при всех возможных недостатках актуального государственного аппарата ценность самого государства как института является неоспоримой.

Итак, триада нашего консерватизма – семья, Родина, государство.

– Можно ли, на ваш взгляд, говорить, что мы живем в обществе, где большинство придерживается консервативных ценностей?

– Все-таки я бы так не сказал. В политической сфере – да. Но консервативная волна в политике – это одно, а доминирование консервативных ценностей в обществе – другое. Когда государство проводит консервативную политику, это пользуется поддержкой населения. Но когда дело доходит до бытового поведения каждого конкретного человека, выясняется, что Россия еще далека от консервативных идеалов.

Приведу характерный пример: с одной стороны, все выступают за традиционную, крепкую семью, но с другой – у большинства граждан абсолютно нормальное отношение к гражданскому браку. Абсолютно нормальное отношение к разводам. И даже к абортам. Единственное, к чему большинство относится с осуждением, так это к гомосексуальным союзам. Вряд ли такое общество можно назвать консервативным.

Другой пример связан с отношением к вере, церкви. Мы спрашиваем: «Вы в Бога верите?» Отвечают: «Верим». – «А загробная жизнь существует?» – «Нет». Или. «Вы к какой вере себя относите?» – «К православной». – «Причащаетесь?» – «Нет». И так далее. В этом смысле мы по-прежнему живем в секулярном обществе, где часто доминируют либеральные представления о нормах морали, нравственности, бытового поведения.

С каким из этих мнений вы бы скорее согласились? (%)

	1999 год	2014 год
Россия станет процветающей страной только за счет своей самобытности, двигаясь особым, отличным от западного, путем	72	77
Россия станет процветающей страной, только если будет двигаться по пути, избранному странами Запада	16	12
Затрудняюсь ответить	12	11

Источник: «Левада-центр»

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВ

Вы лично симпатизируете идеям консерватизма или нет? (%)

	2003 год	2014 год
Да	37	48
Нет	33	35
Затрудняюсь ответить	30	17

Источник: ВЦИОМ

Как вы считаете, является ли Россия сегодня великой державой? (%)

	1994 год	2014 год
Да	14	68
Нет	72	19
Затрудняюсь ответить	14	13

Источник: «Левада-центр»

ния. В связи с этим консерваторам рано почивать на лаврах, радостно потирая руки: консервативные основы общественной морали еще в зачаточном состоянии.

– Как в нашем обществе соотносятся консервативные и демократические ценности?

– Тут нужно различать ярлык «демократия» и само содержание этого понятия. Что касается ярлыка, то он долгое время находился в пограничном состоянии. В конце 1990-х отношение к демократии резко ухудшилось: сказались и последствия дефолта, и разочарование в Ельцине, и угроза распада страны. Но потом этот тренд остановился, причем во многом благодаря тому, что Владимир Путин и его команда всегда отмечали важность именно демократического пути развития. Вспомним хотя бы концепцию «суверенной демократии»: в попытке выработать новую идеологическую модель демократия присутствовала в качестве одного из двух базовых элементов.

Другое дело, что умирать за демократию, как это было в начале 1990-х, жертвовать ради нее другими ценностями, например стабильностью, люди сегодня не готовы...

– Для них она значима, но уже не самоценна. Это демократия не ради демократии, а ради чего-то еще. То есть вырабатывается отношение к демократии как к инструменту развития...

– Совершенно верно. А это означает, что для людей на первое место выходит не ярлык, а содержание, то, что входит в понятие «демократия», те демократические ин-

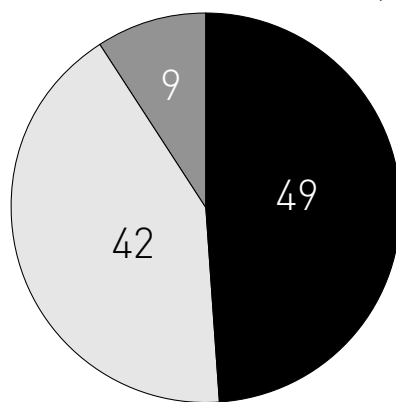
струменты и ценности, которыми они могут пользоваться в реальной жизни. И сегодня я вижу два таких демократических инструмента, которые, подвергнувшись некоторым трансформациям, тем не менее у нас укоренились.

– Что это за инструменты?

– Первое – это выборы. Причем, в отличие от Запада, для нас ценны не столько выборы сверху донизу, сколько выборы самого главного – «выборы царя». Государство, как известно, у нас централизованное, иерархичное, но при этом не династическое, не монархическое. Можно определить его как «президентодержавие». И мы, граждане России, в большинстве своем рассматриваем выборы президента как гарантию того, что это наша страна, что мы хозяева в своей стране. Для нас это залог, что мы здесь что-то значим.

Второе – это закон. Равенство всех перед законом, закон, работающий на благо человека, а не наоборот, – для нас это важнейшие ценности. Но снова наше понимание закона отличается от принятого в США или Западной Европе. Там «закон суров, но закон». У нас же к закону идут постоянные апелляции: «дайте мне то, что положено по закону!», «выполняйте закон!», однако, как только доходит до применения всей строгости закона непосредственно к «себе любимому», его ценность для тебя тут же теряется. Получается, что, пока закон работает на меня, я свято отстаиваю его универсальность. Но когда сам становлюсь объектом применения права, мое отношение к закону резко меняется. Я начинаю искать

Какое из двух мнений ближе вам лично? (%)

■ Новое – не значит хорошее. Традиции и преемственность – опора жизни. Надо всеми способами стараться сохранить все лучшее, что мы уже имеем, а не гнаться за новым

■ Перемены – это почти всегда к лучшему. Не надо держаться за старое, бояться преобразований, надо отвечать на вызовы времени, оперативно реагировать на изменения ситуации

■ Затрудняюсь ответить

Источник: ВЦИОМ, декабрь 2014 года

параллельные пути решения проблемы, людей, способных мне помочь в том, как лучше обойти те или иные законные нормы.

– Но то же самое касается и выборов...

– Конечно. Пока побеждает тот, с кем я согласен, кому я симпатизирую, это нормально, это справедливые выборы. Как только верх берет тот, чьи взгляды я не разделяю, или тот, кто мне просто не нравится, речь сразу заходит о нечестных выборах, о том, что демократии нет, а голоса украли.

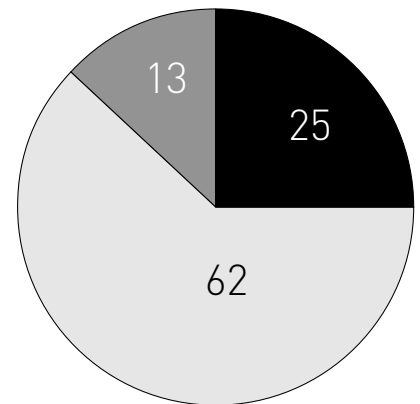
– В последние годы с такими лозунгами на улицы выходят как раз сторонники западных политических ценностей.

– Это именно тот случай, когда, проигрывая в борьбе за симпатии граждан, люди громче всего кричат об отсутствии в стране демократии. Либеральное меньшинство в России в самые лучшие для него годы составляло 10–12%. И спорить с этим бессмысленно – это факт, который косвенно признается самими либералами. Не случайно самый популярный из либеральных вождей – Алексей Навальный – всячески стремится «добрать на стороне» за счет популизма и национализма. Ведь либералы не борются с коррупцией при помощи посадок. Они изначально уверены в том, что человек слаб и что только чудесная сила правильных законов способна нанести удар по коррупции и прочим негативным явлениям. Навальный же одержим манией разоблачений. Он популист.

Кроме того, он позиционирует себя как националист. В этом смысле Навальный действует по лекалам раннего Ельцина. Тот тоже, сражаясь с коммунистической системой, выступал и как популист (вспомним,

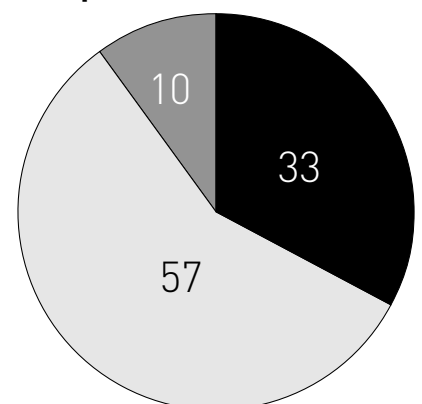
Чисто по-человечески Ельцин вызывает у вас скорее симпатию или скорее неприязнь? (%)

- Скорее симпатию
- Скорее неприязнь
- Затрудняюсь ответить

Источник: ВЦИОМ, декабрь 2014 года

В чьих интересах действовал президент Борис Ельцин? (%)

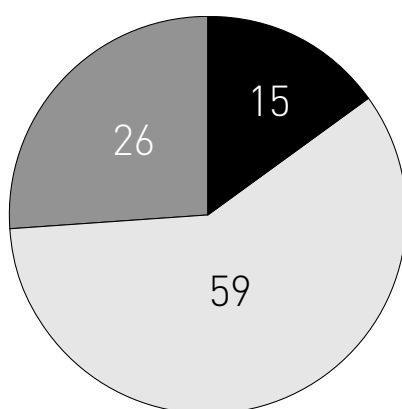
- В интересах всего общества в целом или в интересах большинства
- В интересах меньшинства или в интересах небольшой группы лиц
- Затрудняюсь ответить

Источник: ВЦИОМ, декабрь 2014 года

щено и самими же представителями «креативного класса» подхвачено. Прием проверенный: теперь же это не просто сборище тех, кто кормится за счет нефтяной ренты и на каждом углу ругает власть. Раньше такое тоже было: не просто бродяги и бездельники, с красными тряпками разгуливающие по улицам, потому что органически не способны работать у станка, а «передовой класс», «пролетариат», «гегемон, за которым будущее». Чем это закончилось, всем известно.

Владимир Рудаков

Если говорить в исторической перспективе, как вы думаете, эпоха Бориса Ельцина принесла России больше хорошего или больше плохого? (%)

- Больше хорошего
- Больше плохого
- Затрудняюсь ответить

Источник: ВЦИОМ, декабрь 2014 года

как он боролся с привилегиями партийной номенклатуры), и как националист (укажем хотя бы на его борьбу за независимость России от союзного центра и за избавление от балласта в лице союзных республик). И именно в этом заключался секрет популярности раннего Ельцина. Либерализма там (по крайней мере, на волне его популярности на рубеже 1980–1990-х) почти не было, как нет его и у Навального.

Добавьте к этому, что еще в 1990-е годы либеральное меньшинство оккупировало демократический дискурс и до сих пор «сидит» на нем. Плюс они постоянно получают идеологическую и политическую подпитку (я сейчас не говорю о материальной помощи) с Запада, где либеральная волна по-прежнему на подъеме. Так что наши либералы сильны не внутренней поддержкой, а тем, что в индустриально развитых странах на щит поднимаются либеральные ценности, которые преподносятся как универсальные и единственно верные.

– **Еще один способ позиционирования этих граждан – наклеивание разного рода ярлыков. Как правило, на других, но бывает, что и на самих себя. Что такое, например, в социологическом смысле «креативный класс»?**

– Вы правильно сказали – ярлык. Фикция, не имеющая к реальной жизни никакого отношения. Какой креативный класс, если он ничего не производит?! Это же копирайтеры, рекламщики, журналисты, биржевики – «люди воздуха»! Инженеров там нет, рабочих нет, учителей практически тоже нет. Это самоназвание, которое было запу-

«Как я стал консерватором?»

ВОПРОС, КОНЕЧНО, ПОЧТИ МЕМУАРНЫЙ:
ЧТОБЫ ОТВЕТИТЬ, ПРИДЕТСЯ
ВСПОМИНАТЬ...

ПРЕДОСТАВЛЕНО РЕДАКЦИЕЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Например, о том, что во времена моего ученья слово «консерватизм» воспринималось почти как «мракобесие». нас убеждали: это нечто затхлое, безнадежно тормозящее неизбежное движение вперед. Советское воспитание, как, впрочем, и передовое дореволюционное просвещение, было позитивистским, внушавшим безусловную веру в прогресс, в то, что сегодняшний день обязательно лучше вчерашнего, а завтрашний будет лучше, чем сегодняшний. Для воспитания активного преобразователя жизни установка неплохая, а вот как быть с сохранением достигнутого предшественниками? И кто будет решать, что отжило, а что можно взять с собой в будущее? Но в ту пору о подобных «заморочках» я как-то не задумывался.

Позитивистская иллюзия стала рассеиваться у меня в конце 1980-х, благодаря «перестройке» и «ускорению». Я вдруг обнаружил: то новое, что навязывается взамен «обветшавшим, застойным формам», совсем не лучше, а часто хуже прежнего жизнеустройства. Будучи редактором газеты «Московский литератор», я близко наблюдал Ельцина и его команду, вломившихся в московскую власть. К своему удивлению, я обнаружил, что, как руководители, они оказались гораздо слабее своих предшественников. Примерно то же самое стало происходить и в нашей писа-

тельской среде. Прежде говорили, что у нас засилье так называемых «литературных генералов», «брежневских любимчиков». Но пришли новые люди, и вдруг выяснилось, что, как писатели, они гораздо бледнее, а как организаторы – просто ничтожны. Именно с них началась деградация литературного процесса, закончившаяся ныне

«НАДЕЯСЬ НА ЗАДРАПИРОВАННЫХ ЛИБЕРАЛОВ, власть в решающий момент рискует опереться на пропасть»

крахом. Под мантры о ветрах обновления начался самый настоящий регресс.

Люди горбачевского призыва приняли все ломать и менять не потому, что у них был план преобразования страны, а потому, что они, как и я, были воспитаны в ложном убеждении, что новое лучше старого лишь потому, что оно новое. Эффективность была важнее эффективности. Я не идеализирую советских руководителей, они с опаской воспринимали новизну, но это было осложнение от прививки революционного погрома под лозунгом «До основания, а затем...». Те, кто жаждал «до основания», были уничтожены, а уцелевшим досталось «а затем». Я тоже формировался в эпоху «а затем».

Консерватором я стал, осознав, что новизна бывает обогащающей и обедняющей. Новизна нужна только тогда, когда она

что-то добавляет к сделанному в прошлом, в противном случае она разрушительна, ведь сделать хуже, чем было, тоже новизна. Но кому она такая нужна? Взять тот же комсомол. Были у него недостатки? Множество, об этом моя повесть «ЧП районного масштаба». А сейчас у нас вообще нет настоящей молодежной организации, да, в сущности, и молодежной политики нет. Ново? Ново. Лучше стало? Хуже... Зачем отказались от того, что работало и давало результат?

А потом пришли 1990-е, и я понял: худшие мои предчувствия сбылись. К тому времени я был уже в жесткой оппозиции к тому, что делали в стране либералы. Они вообще странные ребята. Я задавал своим либеральным коллегам вопрос: «Октябрьская революция – зло или благо?» – «Безусловное зло!» – отвечают. «А почему же тогда вы ни слова не говорите о тех русских консервативных мыслителях, которые пытались противостоять надвигающейся катастрофе?» – «Например?» – «Катков, Суворин, Меньшиков...» – «Ну ты сказал! Они же мракобесы...» Странно? Нет, нормальная позиция для тех, кто является историческим наследником разрушителей Российской империи.

Сейчас мы в сложной ситуации. Либералы-западники чрезвычайно влиятельны в нашей элите, хотя большинство из них ныне рядятся в патриотические кафтаны, ибо большинство настроено консервативно-почвеннически. Надеюсь на задрапированных либералов, власть в решающий момент рискует опереться на пропасть. Когда я пишу эти строки, по телевизору показывают 6-й экономический Гайдаровский форум. Почему бы тогда не провести Геростратовский градостроительный съезд? То же самое... Зачем эти игры с увековечиванием накосячивших завлабов? Для Запада! Думаете, оценит? Ну-ну...

Президент на новогоднем приеме высказал важную мысль, не попавшую почему-то в СМИ. С его точки зрения, сегодня наша страна подобна рыбе, насаженной на кукан. Когда мы все делаем, по мнению Запада, правильно, нам позволяют как бы свободно плавать в воде – на леске. Но как только мы проявляем самостоятельность и вольнодумие, кукан вынимают из воды и диктуют, как надо себя вести в однополярном мире. Президент сказал: наша задача – с этого кукана соскочить. Очень трудно, но необходимо. Либералы-западники нас на этот кукан насадили – освободиться можно, только опираясь на национально-консервативную традицию.

**Юрий Поляков, писатель,
главный редактор «Литературной газеты»**